

Георгий Гуля

ВИКИНГ

**ГАННИБАЛ,
СЫН ГАМИЛЬКАРА**

РЕМБРАНДТ

Annotation

«... О Ганнибале, карфагенском завоевателе, герое Второй пунической войны, написана уйма книг, главным образом научных, документальных. Имеются о нем и свидетельства древних авторов, среди которых я бы особо выделил Тита Ливия. К сожалению, не осталось ни одной книги, написанной карфагенянином. Поэтому мы лишены возможности сопоставить римскую точку зрения на личность Ганнибала с карфагенской.

Что же до художественной литературы, то трудно назвать роман или повесть, рисующие образ Ганнибала-полководца.

Ганнибал – фигура весьма колоритная. Его можно поставить рядом с Александром Македонским. Может быть, не следовало особо останавливаться на его делах, если бы позже не появились у него рьяные последователи в различных частях света. И конец его тоже показателен для завоевателей разных эпох и народов. ...»

- [Георгий Гулиа](#)
 - [От автора](#)
 - [Решение](#)
 - [Когда засверкали звезды...](#)
 - [Пращники из Карфагена](#)
 - [Проклятый Сагунт!](#)
 - [Меч разящий](#)
 - [Пиренеи уже в тылу](#)
 - [На берегах Родана](#)
 - [Альпы стоят стеною](#)
 - [Во льдах и снегах](#)
 - [Меч, дарующий жизнь](#)
 - [Письмо Ахилла поэту Лахету, сыну Евфикла](#)
 - [Военный совет в Плаценции](#)
 - [Болото](#)
 - [Жить, чтобы любить](#)
 - [Второе письмо Ахилла – поэту Лахету, сыну Евфикла](#)
 - [Быть по сему!](#)
 - [Юноша и Ганнибал \(вместо эпилога\)](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Георгий Гулиа

Ганнибал, сын Гамилькара

От автора

О Ганнибале, карфагенском завоевателе, герое Второй пунической войны, написана уйма книг, главным образом научных, документальных. Имеются о нем и свидетельства древних авторов, среди которых я бы особо выделил Тита Ливия. К сожалению, не осталось ни одной книги, написанной карфагенянином. Поэтому мы лишены возможности сопоставить римскую точку зрения на личность Ганнибала с карфагенской.

Что же до художественной литературы, то трудно назвать роман или повесть, рисующие образ Ганнибала-полководца.

Ганнибал – фигура весьма колоритная. Его можно поставить рядом с Александром Македонским. Может быть, не следовало особо останавливаться на его делах, если бы позже не появились у него рьяные последователи в различных частях света. И конец его тоже показателен для завоевателей разных эпох и народов.

Приступая к роману о Ганнибале – после романов о фараоне Эхнатоне, Перикле, Сулле, Омаре Хайяме, викингх, – я побывал в Карфагене (Тунис), на месте, где кончил свою жизнь Ганнибал (близ Стамбула), а также во Франции, в Неаполе, Капуе, Риме, на перевалах в Альпах и, наконец, в Картахене и Сагунте (Испания), откуда начинался знаменитый поход Ганнибала на Рим. Это тоже оказалось существенным подспорьем, необходимым для того, чтобы мысленно перенестись в глубину веков.

Я хочу выразить свою глубокую признательность Георгию Холопову и доктору исторических наук Илье Шифману, подавшим немало ценных советов. Мне приятно вспомнить доводы доктора Даниеля Райхеля, директора федеральной военно-исторической библиотеки в Берне (Швейцария), доказывавшего с геодезическими материалами в руках, что Ганнибал при переходе через Альпы воспользовался именно перевалом Малый Сен-Бернар, а не каким-либо другим, скажем, Мон-Сени или Мон-Женевром.

Решение

Он сошел со ступенек, ведущих в спальню. Их было всего три, и на каждую он ступал словно с опаской: неторопливо, держа ногу некоторое время на весу, а потом разом опуская ее, как бы пытаясь тяжелой стопой разломить тяжелые камни.

Он появился точно живое солнце на испанском аквамаринном небе – с лучающимися глазами, ясным лбом, с улыбкой, спрятанной в уголках губ.

И вот он, как мраморный столп на каменном полу, внимательно оглядел собравшихся. В эти мгновения он поразительно походил на своего покойного отца: та же осанка воина, та же гордая посадка головы, те же руки, созданные для того, чтобы верно держать меч. Ему не было еще и тридцати лет, однако сходство с отцом было явственным. Братья – Магон и Гасдрубал – не походили на него, хотя и были единоутробными.

Он приветствовал кивком собравшихся военачальников. Были среди них ветераны, воевавшие под началом Гамилькара и его зятя Гасдрубала, павшего от руки подлого убийцы, были и молодые, но уже успевшие показать себя в различных военных действиях на иберийской земле. Верно, по возрасту военачальники были разные. Но это едва ли удивительно. Поразительно другое: какой только народ не был здесь! Вон там, в углу, – карфагенцы, курчавоголовые нумидийцы, прямо перед Ганнибалом – греки и италики, по правую от него сторону – иберы, в сторонке от них – карпетаны. Они представляют разноязычное и разноплеменное войско, где встретишь также илергетов, бастулов, ваккеев, волков, лигуров... Да всех и не перечесать!

– Надеюсь, все в добром здравии и прекрасном настроении, – начал Ганнибал полэллинически и тут же перешел на родной, финикийский: – Если спросить меня о том же – скажу: спал превосходно, здоров, как бык.

Он улыбнулся широкой улыбкой. Это была не царственная улыбка. Нет! Это была улыбка воина, победившего несметные полчища...

– Ганнибал, – сказал его младший брат Магон, смуглый, большеголовый молодой человек, обожавший красивые доспехи, оружие и всегда хорошо вооруженный, – по твоему виду я сразу решил, что тебе есть что сказать нам в это весеннее утро.

– Да, – ответил Ганнибал, – ты угадал. И я скажу нечто, когда все усядутся поудобнее, ибо разговор будет не из простых.

– Мы к этому уже привыкли, – заметил Магон, ища глазами подходящую скамью.

– К чему, Магон?

– К твоим непростым разговорам...

– Ничего не поделаешь, – сказал Ганнибал, – такое время. Римляне шуток не понимают.

Магон обратился к соседу, чтобы слышали все:

– Эти же слова произносят римляне, когда имеют в виду Карфаген.

Ганнибал помрачнел, насупил брови и глухо повторил:

– Такое время.

Зал, в котором происходила эта встреча, был прямоугольный, убранный очень

просто, а сказать точнее, никак не убранный. Посредине стоял длинный, из конца в конец, грубо обструганный стол. По обе стороны стола – скамьи, какие можно найти в любом крестьянском доме: плоское бревно на четырех слоновьих ногах. Окна были большие сравнительно с васконскими или галльскими. И, словно из другого мира, – прекрасные финикийские цветные стекла. Эти стекла и были главным украшением зала. Пожалуй, никаких украшений больше и не требовалось. Это римляне покрыли бы стены всяческими росписями и барельефами, разукрасили бы белым и черным мрамором. Нет, здесь ничего более не требовалось: дерево и цветное стекло – что может быть скромнее и прекраснее?!

Однако наилучшее украшение – военачальники, собравшиеся здесь: принадлежа различным народам и племенам, они самим видом своим и одежаниями являли чудесную пестроту, которая соперничала с разноцветьем оконных стекол.

В сущности, Ганнибал нынче утром собрал военный совет, хотя избегал этого определения. Просто желал поделиться своими мыслями. Он не будет спрашивать совета. Сейчас никакого совета не требуется. Итак...

Ганнибал уселся в голове стола. Скамья под ним была тоже грубая, тяжелая, словно на ней собирались рубить воловьей туши.

– Великие начальники нашего объединенного войска, – начал Ганнибал снова поллински, – мы живем с вами в прекрасном Новом Карфагене, мы вкушаем сладость жизни... – Он уперся взглядом в бронзовое красивое лицо нумидийца Нараваса, чья склонность к наслаждениям была притчей во языцех. – Да, вкушая сладость... В конце концов, в этом нет ничего дурного: человек рожден именно для этого. Я бы сказал так: заурядный человек, но не воин. – Ганнибал заговорил громче: – До моих ушей дошли неприятные слухи. Солдаты спрашивают: долго ли будет продолжаться праздное безделье в Новом Карфагене?

– Верно, – подхватил галл Бирикс, – такое и мне доводилось слышать.

– Не удивительно, – продолжал Ганнибал, не отводя глаз от Нараваса, – что ведутся подобные разговоры в войске, где собраны воины, а не женщины. Воин не для того занимает свое место в боевом строю, чтобы дохнуть от безделья, но чтобы готовиться к походам или жить в походах. Не так ли?

Этот вопрос обращен к ливийцу Матосу – пожилому, опытнейшему начальнику всадников.

– Так, – коротко сказал Матос. Он произнес это короткое слово потому, что думал только так, а не иначе. Он ходил в сицилийские походы еще с Гамилькаром, затем – с Гасдрубалом в Нумидию и с Ганнибалом немало прошагал по испанской земле.

Ганнибал улыбнулся словно бы через силу:

– Все это, то есть то, о чем мы с вами говорим, настолько очевидно, что нет здесь места ни для споров, ни для пустых разговоров. Иначе мы превратимся в болтунов, а этого, я надеюсь, никому не хочется.

По залу пронесся шумок, подтверждавший то, что сказано Ганнибалом.

Он наконец отвел взгляд от Нараваса и уперся им в стол, точнее, в свои кулаки на столе. Голос у него стал глуше, слабее оттого, что он больше заботился о мысли, нежели о красоте речи.

– Дело обстоит так... – говорил Ганнибал в это весеннее утро. – Есть во всем подлунном мире или, если угодно, под солнцем две державы, от которых зависит все настоящее и будущее человечества от Геркулесовых столпов до Индии, от Сахары до страны германцев, одетых в овечьи шкуры. Эти державы вам хорошо известны: Карфаген и Рим. Так понимаем мы, так рассуждают и в Риме. Это хорошо знают и умудренные науками эллины в Афинах. Карфаген ступил на испанскую землю не для того, чтобы уснуть блаженным сном в тенистых садах, в объятиях пламенных ибериек. Нет!

И Ганнибал хватил кулаком по столу.

Этот удар был подобен решительной точке, поставленной в конце великого решения. Такой удар способен даже мертвого разбудить.

Военачальники смекнули; речь пойдет нешуточная, это утро может стать началом великого дела. Магон повернулся к брату своему Гасдрубалу, сидевшему позади, и шепнул:

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Нет, – сказал тот. – А ты?

– Тоже нет.

«Если это то самое, что мне кажется, – Ганнибал будет дважды молодцом...» – подумал Магон.

Ганнибал продолжал глухим голосом, что придавало его речи особенную значительность:

– Стало быть, мои дорогие соратники, у нас нет, да и не может быть двух мнений относительно того, кто противостоял и противостоит нам. Я полагаю, что наша стопа, стоящая здесь, на Пиренеях, хорошо чувствует основу под собой. То есть мы прочно утвердились от Гадеса почти до Сагунта и достаточно глубоко шагнули в глубь материка – до самой Васконии. Можно сказать, что мы хорошо обжили здесь эту землю. Правда, мы обязались не переходить через реку Ибер, не трогать Сагунта... Я с грустью думаю об этом дурном обязательстве, как и о войне, которую мы проиграли, а проиграв, потеряли Сицилию. Но вот здесь, – Ганнибал ударил себя в грудь, – здесь осталась глубокая обида за все происшедшее. Не буду ворошить старое, но в Карфагене не очень-то жаловали воинов, проливавших свою кровь в битвах с римским воинством. Вместо поддержки мы слышали предостерегающие голоса, вместо боевого напутствия – тягостное молчание, вместо денежной помощи мы видели протянутые руки: словно нищие, эти руки тянулись к нашим шкатулкам с золотом...

Магон вскинул кулак и мрачно произнес:

– Более того, брат мой! Совет чинил всяческие препятствия нашим войскам. Все это походило на удар в спину. Нам завидовали. Наши победы вызывали уныние, словно Совет заседал не в Карфагене, а на форуме в Риме. Так было! Но главное не в этом... – Магон вскочил, облизнул языком сухие губы. – Препрежнее продолжается сегодня. Совет ведет себя так же, как и тогда, в ту войну, позорно проигранную нами.

Магон потряс кулаками.

Галлы, нумидийцы, ливийцы возгласами поддержали Магона.

Ганнибал слушал, глядя далеко перед собой. Ему словно бы открывалась

величественная панорама будущих событий. Он мог предсказать, что произойдет, ибо от него зависело, чему и как быть, – от него и только от него...

Ганнибал был величественно-спокоен. Во взгляде его и решимость, и мудрость, и прозорливость, и бесстрашие.

И тем не менее ему хотелось знать, что думают его военачальники о планах его, ибо от этого во многом зависело и настроение войска – разноязычного, разноплеменного. По пестроте оно было во много раз любопытнее войска самого Македонца. Именно поэтому иные войсковые летописцы ставили Ганнибала выше Александра. Впрочем, Ганнибал не очень-то обольщался: он знал цену лести...

Выждав положенное время, Ганнибал сказал:

– Мои уши уловили единодушное одобрение, и я не услышал ни одного противоположного мнения. Вот Махарбал молчит, но утвердительно кивает... Магон вроде бы выразил общее мнение.

– Это так!..

– Да, да!

– Верно сказано!

Вот какие вновь раздались возгласы.

Ганнибал продолжал, сильно понизив голос, как бы сообщая каждому нечто доверительное, чего не полагалось знать другим:

– Все это о прошлом. Точнее, о сегодняшнем, похожем на прошлое. Но нам надо думать о будущем. Вот о нем-то мне и хотелось бы потолковать.

Воины внесли кубки с холодным иберийским вином и поставили перед каждым. Вино не было разбавлено на модный греческий манер. Нет, оно было легким, чистым, чуть терпким. Надо полагать, что галлы не притронулись бы к вину, разбавленному водой. И не только галлы. Те же ливийцы, те же нумидийцы отказались бы от подобного угощения.

Ганнибалу поднесли сосуд с водой – ключевой. И кусок крестьянского хлеба, испеченного пополам с отрубями. Хлеб был теплый, душистый – любимый утренний завтрак полководца. За эту солдатскую неприхотливость особенно любило его войско...

Ганнибал заговорил теперь по-иному: громче, тверже, уверенней:

– Не будем предаваться воспоминаниям во вред нашему нынешнему делу. Что было – то было. Изменить прошлое невозможно. Но вот сделать завтра нечто такое, от чего у врага в кишках заурчит, – это достойно воина. Сетовать попусту нет смысла, и резона в том нет. – Ганнибал поставил ладони ребром – одну против другой. – Стало быть, так: или мы превратимся в пахарей и вращаем в землю, или будем проводить время в разбойничьих утехах и воевать наподобие греков, осаждавших Трою. И то, и другое пагубно, ибо войско не может бездельничать – оно рассыплется, подобно сооружению из песка. Или уснет крепким сном. Чтобы этого не случилось, нужно действовать.

Он оглядел всех присутствующих: кажется, его слово верно понято военачальниками. Впрочем, ничего мудреного Ганнибал не говорил – все это известно даже последнему сотнику.

– Правда твоя, – услышал Ганнибал.

– Значит, и в этом отношении у нас с вами полное единодушие. В таком случае я задаю вопрос и жду на него ответа: что же делать?

Он громко хлопнул ладонями, будто назойливую муху прикончил.

Военачальники молча попивали вино небольшими глотками. Каждый из них знал наперед, что Ганнибал явился в этот зал не с пустыми руками. Он знает, что сказать, и ему наверняка есть что сказать. И все-таки его вопрос не риторический: он любил выслушивать и прислушиваться. Другое дело, что решал он впоследствии...

Ганнибал ожидал ответа на свой вопрос. В самом деле: если не сидеть сложа руки, то что делать? Ответить на это не просто.

Нумидиец Наравас отставил в сторону кубок, заговорил, как бы размышляя вслух:

– Значит, так: лежит без дела железный меч. Что с ним происходит? Он ржавеет. Это ясно каждому. Если молоко перестоит – оно прокисает. Это знает даже глупая женщина в пустыне. Если человек сидит сиднем, что с ним делается? Его члены немеют, мускулы становятся мягкими, как шерсть. Это усваивают даже малые дети. Вот так, значит. – Наравас отпил вина, кулаком вытер губы, сверкнул очами вправо и влево. – Сто тысяч мужчин в расцвете сил месяцами занимаются пустым делом: борются между собой, как юноши в афинской гимназии, развивают мускулы. А для чего? И сколько времени прикажете тренировать мускулы? Всю жизнь? Стало быть... – Наравас посмотрел в глаза Ганнибалу, – стало быть, надо действовать... – И умолк.

Ганнибал ждал еще чего-то... Не дождавшись, сказал:

– Наравас, говорил ты хорошо. Хорошо до того самого места, где ты сказал, что надо действовать...

– Верно, сказал.

– Действовать – в каком направлении! Ведь эта самая греческая черепаха, которую якобы никогда не обгонит Ахиллес, тоже действует, но по-своему – она ползет.

Наравас не очень-то представлял себе, при чем тут черепаха, но понимал, что речь идет о каком-то действии войска. А вот о каком?

Обращаясь ко всем, Наравас воскликнул:

– На этот вопрос должен ответить сам Ганнибал!

Магон сказал брату:

– Не томи нас, скажи, о чем думаешь.

– Хорошо! – Ганнибал откусил изрядный кусок хлеба, запил водой. Тем временем военачальники осушили свои кубки, а воины разнесли им по новому. – Далее сидеть нам здесь нельзя... Рим полностью хозяйничает на море. Наши отцы в Совете не представляют себе, какой меч занесен над Карфагеном. Мы прежде воевали в Сицилии, высаживались на разных островах и островках, наносили Риму булавочные уколы. А надо вот так. – Ганнибал обхватил свою шею ручищами и высунул язык, представляя удушенного. – Вот так! А другой речи Рим не понимает. Только сила может умерить римские аппетиты. А эти аппетиты нам известны: полное господство над миром! Пол-но-е!

Зал застыл. Военачальники думали-гадали, что же предложит молодой полководец. Пока что он пожинает плоды побед покойного отца и покойного

Гасдрубала. Ведь замирение Иберии по существу завершено. Один Сагунт кочевряжится, надеясь на своего римского дядю. Но ведь Рим далеко, а Ганнибал – рядом... Все-таки – что же дальше?

Этот вопрос живо прочитал Ганнибал на лицах своих военачальников. Да, он скажет свое слово, и тогда посмотрим, что же напишется на их лицах...

Ганнибал сказал:

– Где воевать с Римом? Я не спрашиваю, воевать ли. Этот вопрос праздный, никчемный. Ибо война неизбежна. И тогда остается одно: где! Где воевать? На море? Рим сильнее нас на море. Могут заблуждаться в Карфагене, а мы не можем! Не имеем права! Спрос будет с нас, а не с них. – Ганнибал вытянул руку и очертил в воздухе короткую дугу. Он сделал долгую паузу, прежде чем продолжить. Потом сказал: – К победе ведет один путь, одна-единственная битва. Это – битва под стенами Рима.

– Где? Где? – недоумевал Наравас.

– Ты сказал – Рима? – спросил Магон.

Ганнибал повторил внятно, разделяя слова:

– Это – битва под стенами Рима. Разве что-нибудь неясно?

– Да, – сказал Бомилькар, начальник легковооруженных полков карфагенян. Он встал с места. – Чтобы дойти до Рима, насколько я понимаю, надо пройти через Сагунт, пересечь реку Ибер, прошагать по земле илергетов, аквитанов, выйти к реке Родан, к реке Друенция... А дальше? Что же дальше? Идти в Цизальпинскую Галлию, к венетам, к эсубиям, редонам, этрускам? И к кому еще? Кто их всех разберет? А где Рим? Где-то за землями, куда не ступала еще наша нога?

Бомилькар размахивал руками, его длинный нос был направлен то в одну, то в другую сторону. Постепенно он совершил полный поворот вокруг себя, чтобы увидеть лица всех военачальников, которые были перед ним, слева, справа от него и позади. Потом он грохнулся на скамью всем своим грузным телом и схватился за голову, будто она трещала от боли...

Ганнибал сделал вид, что ничего особенного не произошло, – не такое бывало, он это знает еще со времен отца и Гасдрубала.

– Слушаю, слушаю...

Кто-то из галлов подал голос:

– А ведь верно, идти придется по очень и очень длинной дороге.

– Мимо Массалии, где стоит римский флот, – послышалось из дальнего угла.

– Сагунт – крепкий орешек...

Ганнибал поднял глаза:

– Кто это сказал?

– Я, – ответил начальник галльской конницы.

И снова наступило молчание.

Время шло, а зал тягостно молчал.

Вдруг Ганнибал захохотал. Так сладко, так искренне! Глядя на него, засмеялись многие военачальники.

– Что ж, – сказал Ганнибал, разом обрывая смех, – мои военачальники – люди осторожные. Я только хочу сказать: я осторожней их вдвое. Да! Более того: я труслив и

оттого осторожен. Я – словно зверь в лесу: берегу себя изо всех сил, отпущенных мне природой. Клянусь нашими богами! Я трушу ради войска несметного, которое под моим началом. Его надо беречь, если хочешь выиграть войну.

– Ты больше ничего не хочешь сказать? – обратился Магон к брату.

– Я еще ничего не сказал, Магон. Слушайте же внимательно... Олкады давно надоедают нам...

«Они же просто трясутся от страха у нас под боком», – подумал Магон.

– Их следует наказать... Тогда возопит Сагунт. Что ж, пойдем и на Сагунт.

– А Рим?

– Это его забота. Наше дело наказать любого, кто заступится за олкадов.

– А потом? – не унимался Магон.

– Потом? Потом мы накажем того, кто станет грозить нам.

– Это будет Рим, – сказал Наравас.

– Пусть хоть сам Юпитер!

– А Ибер?

– Что – Ибер?

– Наше обязательство не переходить Ибер?

– Это предоставьте мне. Мы пойдем вперед, и никто нас не остановит... А теперь я открою тайну, о которой не должен знать никто. Я не требую от вас клятвы – мы все участники одного дела... Мы не пойдем через Массалию. Мы не потратим сил в Нарбонской Галлии. Мы пойдем вверх по Родану, мы дойдем до Альп и через них нанесем удар по римлянам. И нас никто не остановит...

– В Альпах?

– Нет, в Цизальпинской Галлии, по ту сторону Альп. Что скажете?

Вот тут военачальники крепко призадумались. Много приходилось им слышать, знали почти все о походах Македонца, но – такое, но Альпы?

– Альпы, говоришь? – хрипло спросил Наравас. И сказал про себя: «Молод еще, горяч, надо отговорить от безрассудства...» И он толкнул в бок Магона. Тот промычал что-то невнятное.

– Альпы – это горы, – говорил Ганнибал, словно ученикам в школе, – высокие горы, снежные. Но не думайте, что они упираются в небеса. Отнюдь! Люди живут на их склонах, люди переходят через них. Мне известно несколько перевалов. Галлы их называют по-разному. Каждое племя по-своему. Римляне ждут нас с запада? А мы предстанем перед ними с севера. Ну как?

– Тропы там, говорят, узкие, – сказал ливиец Матос.

Бодашгарт, начальник пращников, подтвердил:

– Очень узкие, говорят.

– Говорят, говорят, – проворчал Ганнибал, – я знаю доподлинно, что там. Верно, тропы узкие. Что же из этого следует? А вот что: надо делать дорогу во льдах и идти. Ведь мы же солдаты! Или, может, не так?

– Нет, истинно так!

– Мои лазутчики все вынюхали, обо всем важном донесли. Вброд я просто так не сунусь. Я не из тех... Я семь раз отмерю. В этом доверьтесь мне.

– Доверяем! – крикнули из дальнего угла.

Ганнибал туго сплел пальцы:

– Я много думал, я все взвесил. Дорога у нас прямая. – Он начертил ее в воздухе перед собою – словно мечом рубанул. – Мы должны, мы обязаны победить римлян. Не где-нибудь, не когда-нибудь, а в самом Риме и в самое ближайшее время. И тогда, – Ганнибал прикрыл глаза, – тогда все богатства будут наши, каждый воин возьмет столько, сколько сможет, каждый военачальник разбогатеет на всю жизнь и передаст свое богатство детям и внукам. И пра-вну-кам – столько будет богатства! И Карфагену перепадет столько, сколько ему никогда и не снилось.

Впечатление было такое, словно гром грянул над головами бывалых военачальников. Требовалось время, чтобы осмыслить услышанное. Однако Ганнибал не собирался отдавать им ни одного дня, ни одного часа. Он сказал уже тоном приказа:

– Завтра я выступлю перед воинами. Кому будет не по душе мой замысел – я отпущу на все четыре стороны. Кто бы это ни был. И мы пойдем на Рим. Это мое решение. Продуманное, бесповоротное... Еще в детстве я поклялся в этом. Перед отцом.

Когда засверкали звезды...

Ганнибал вышел в сад. Духота предвещала непогоду. Однако звезды на небе сверкали ярко, негасимо. Он любил эту пору, когда все живое засыпало, когда спали даже деревья, а он – бодрствовал.

Телохранители стояли поодаль. Полководец был уверен, что ни один из его воинов не поднимет на него руку, как это случилось с Гасдрубалом – зятем Гамилькара, но, тем не менее, с ними, телохранителями, было спокойнее.

– Разбуди меня через час, – приказал Ганнибал одному из них. – Внимательно следи за клепсидрой. Понял?

Нумидиец вытянулся в струнку.

– Понял! – гаркнул он.

– Ко мне явится Миркан Белый. Наверно, скоро. Но ты разбуди меня не ранее чем через час.

Нумидиец кивнул, подбежал и подал плащ. Ганнибал завернулся в плащ и опустил наземь. Под голову подложил руки и тут же уснул. По-солдатски. Как в походе.

Нумидиец отошел к тяжелым колоннам, поближе к часам. Он отметил уровень воды в клепсидре, когда следовало разбудить Ганнибала. Часы были удобные, особенно в походах, их сработали лучшие афинские мастера. На всякий случай нумидиец поставил рядом с клепсидрой песочные часы, доставленные из Финикии, – по ним проще было наблюдать время.

– Уснул? – спросил нумидийца карфагенский лучник.

– Как убитый...

– Так быстро?

– Он всегда засыпает и просыпается как по заказу. Он и без моей помощи проснется через час. Мы с ним ходили на Север, на васконов. Бывало, прикажет остановиться и всем напиться воды или перекусить. А сам ляжет прямо на землю, как сейчас, и засыпает. Проспит полчаса и – снова на ногах. Свеженький. Точно ночь проспал.

Карфагенянин покачал головой.

– Я много слышал об этом, – сказал он, – но думал, враки все. А тут, брат, такое... – Он посмотрел на спящего Ганнибала. – А почему бы ему не завалиться на свою постель? Что, пуха недостает? Или шерсти?

Нумидиец пожал плечами.

– Он всегда как в походе, – пояснил он.

– А я этого не понимаю.

– Не только ты, – проговорил нумидиец.

Возле дальней колонны мелькнула чья-то тень. Она приближалась. Очень уверенно.

– Это он, – сказал нумидиец. – Миркан Белый.

– Почему – Белый?

– Потому что есть еще и Темный. Начальник всадников, сопровождающих командующего.

Миркан Белый – пожилой, бледный мужчина – сошел с широких каменных ступенек.

– Это он? – справился Миркан, кивая на лежащего.

– Спит, – ответил нумидиец. – Велел разбудить через час.

Миркан Белый взглянул на небо, внимательно пригляделся к звездам.

– Я пришел раньше положенного часа, – сказал он. – Посажу на той скамье.

Нумидиец указал на часы:

– Когда вода опустится до этой черты – я разбужу его.

Миркан Белый подошел к часам.

– Дружище, – сказал он нумидийцу улыбаясь, – у нашего Ганнибала вот здесь... – Миркан Белый приставил указательный палец к своему виску, – вот здесь своя клепсидра. Он проснется в то самое мгновение, когда твоя вода опустится вот сюда, а песок в тех часах иссякнет в верхнем сосудике.

– Как? – удивился карфагенский лучник. – Ты хочешь сказать, что мы даром следим за часами?

– Нет, я просто хочу сказать, что Ганнибал все знает сам. Даже когда спит. Это мы можем проверить, благо времени не так уж много осталось.

Нумидиец сказал лучнику:

– Что я говорил?

– Удивительно, – пробормотал лучник, – тебе, наверное, лучше знать...

Миркан Белый запрокинул голову: небо было как сажа, а звезды как золотые гвозди, вбитые в черный-пречерный потолок.

– Скоро заступит вторая стража, – сказал он. Отошел к колоннам и уселся на прохладную ступень.

– Кто это? – спросил лучник.

– Я же сказал, Миркан Белый.

– Из всадников? Или лучников? По-моему, он стар для ратного дела.

Нумидиец поманил к себе лучника и прошептал почти в самое ухо:

– Он звездочет. Ты обратил внимание, как смотрел он на небо?

– Все так смотрят.

– Может быть, все, но не все понимают их сокровенный смысл. – И нумидиец поднял палец кверху.

– Да, брат, там уйма непонятного.

– А ему все понятно. Римляне много дали бы за него.

– Удивительно! – Карфагенянин почесал за ухом, думая о чем-то своем. А потом, после недолгого молчания, сказал со вздохом: – А у нас в Карфагене все же лучше.

– Чем лучше?

– Там родня. Там девушки. Там друзья.

Нумидиец строго взглянул на лучника:

– А здесь – что?

– Удивительные вещи.

– Так зачем сдался тебе Карфаген?

– Там меньше смерти. А здесь сплошная смерть. Я это предвижу.

– Загнул же ты, брат, – возразил нумидиец. – Здесь есть где разгуляться молодости, а там – один день похож на другой, там сплошная бедность и чванство богатых купцов.

– Я об этом не подумал, – признался лучник. – Когда смотришь на родину издали – она кажется лучше, чем есть. И все-таки я бы сбежал отсюда.

Нумидиец – истый вояка – поразился чудачеству этого карфагенянина: ведь весь сыр-бор заварили именно они, карфагеняне, а теперь что же это получается? Нумидиец воюй, а я, сын Карфагена, убегу под юбки своих женщин? Он хотел было обратиться к Миркану Белому, чтобы рассудил по справедливости, но тот сидел неподвижно на каменной ступени и взирал на небо, обильно усеянное звездами.

– Читает, – сказал нумидиец. И оба воина почтительно застыли на своих местах.

Карфагенянин размышлял:

«Лежит человек. Человек как человек, как все люди. Сейчас он беспомощен, как ребенок. Спящий подобен покойнику. Это известно... Но отчего же десятки тысяч так почтительно произносят его имя? Отчего боятся его? Идут на смерть по его приказу. Поднял он палец – и немеют целые народы. Опустил он бич – и падают тысячи. Отчего не перечат ему? Разве он особенный? Вот он спит и чуть похрапывает. Спит прямо на земле. И ничто его не отличает сейчас от простого воина. Это не спящий бог. И не полубог. Обыкновенный смертный...»

Карфагенянин пялил глаза – и ничего, кроме фигуры, обернутой в плащ. Ничего страшного, ничего удивительного. Он признался нумидийцу:

– А я думал, что он спит, как бог, где-нибудь на золотой постели.

Нумидиец усмехнулся:

– Боги не спят.

– Тем более. Все в нем человеческое, а боятся его, как бога.

– Почему боятся? Просто уважают. Как воина.

Ганнибал зашевелился и живо вскочил на ноги.

– Я проспал? – спросил он с тревогой.

– Нет, еще несколько мгновений.

– Лучше проснуться на несколько мгновений раньше, чем на мгновение позже. –

Ганнибал выпрямился, вдохнул пряный воздух полной грудью.

– Там дожидается Миркан Белый...

– Зови сюда, – бросил Ганнибал и зашагал в глубь сада.

Миркан Белый заторопился по дорожке, на ходу зачесывая пятерней длинные волосы. Его орлиный нос сверкал в ночи, освещенной неведомыми далекими лучами.

Ганнибал встретил его приветливо.

– Не сердись, – сказал он, – что заставил ждать. И заставляю бодрствовать, когда все спят.

– Ничего, ничего, – ответил старик. – Я много жил и ко многому привык. Твой отец тоже был не из легких и приветливых. А Гасдрубал недаром слыл грубияном.

– О Миркан, – перешел на эллинский Ганнибал, – люди столь разнообразны, а мир столь странен, что ничему не надо удивляться. Я в этом убежден. Я знаю, что ты часто

разговаривал с отцом. Нелицеприятно. И был даже чересчур дерзок с Гасдрубалом.

Старик слушал молча. Полагая, что разговор не будет коротким, присел на гранитную тумбу, покрытую ковриком. Недалеко стояла еще одна тумба, тоже покрытая ковриком.

– Есть в твоих словах и правда, и вымысел, и домысел, – сказал старик. – Воспитание заключается в том, чтобы уметь вести себя пристойно. Это с одной стороны. А с другой – не надо унижаться и унижать другого. Я не был ни дерзким, ни храбрым, ни покладистым. Был просто самим собой. Но это-то как раз и трудно. Или, вернее, нелегко.

– Готов согласиться с тобой, уважаемый Миркан. Но я искал встречи с тобой не для этого. Ты слышал, о чем я говорил с моими военачальниками сегодня утром?

– Да, я сидел в укромном месте и все слышал.

– Что ты скажешь? Только откровенно. Я хочу, чтобы ты обнаружил слабое место в моих словах или действиях и сказал об этом. Без обиняков.

Старик покашлял в кулак, потер глаза. Не торопился он, собирался с мыслями. Этот молодой человек – сын своего отца Гамилькара. А может, кое в чем и превзойдет родителя. Он уже успел показать себя в коротких походах против ваккеев, карпетанов и васконов. Одно несомненно: Ганнибал нравится войску. Чем? Вероятно, прежде всего тем, что ведет себя как солдат. То есть он и полководец и воин в одно и то же время. Отец его был другим. Тот был только полководцем, мог разрешить себе понежиться. Даже в походах. А этот не дает покоя ни себе, ни другим. Отец был аристократом в полном смысле этого слова. Сын – аристократ только по крови, а повадками – простой солдат.

Миркан Белый подымает глаза к звездам. Его примеру следует и Ганнибал. Но ничего особенного не видит на небосклоне: обыкновенное черное небо, обыкновенные мигающие звезды, обыкновенная луна, выплывающая на волю из-за кипариса.

– Значит, откровенно? – спрашивает Миркан Белый.

– Только! – восклицает Ганнибал.

– Ну что ж... – Старик скрещивает руки на груди. – Первое: я не совсем понимаю, зачем объявлять на весь мир о своем намерении идти в Рим...

– Как зачем? Чтобы знали они...

– Военачальники?

– Да.

– А римляне? Разве не узнают и они о твоём намерении?

– Узнают. Я на это и рассчитываю.

– Это непонятно, – сказал старик. – Разве нет больше военной тайны? Или это – не военная?

– Нет, военная!

– Так зачем же выдавать ее?

– А потому что для Рима это не тайна. Римляне давно ждут удара. Они сами готовы ударить по Карфагену со свойственным им коварством.

Старик продолжал:

– Допустим, ты прав. Но зачем же говорить об ударе через Альпы?

Ганнибал рассмеялся:

– В Риме не поверят. Там уверены, что я пойду берегом. Они соберут кулак именно на берегу, возле Массалии. Едва ли поверят, что я пойду через Альпы. Он врет, скажут они.

– А все-таки – Альпы?

Ганнибал усмехнулся.

– Вот этого сейчас я не скажу. Даже тебе. Но пусть враги думают, что через Альпы. Римских лазутчиков в моем войске немало. Я уже принял меры, чтобы они не поверили мне.

– Чтобы и я не поверил?

– И ты.

– Не понимаю тебя, Ганнибал, – это слишком для меня большая премудрость. Допустим, и здесь ты прав... Но главное вот в чем: ты собираешься воевать под стенами Рима?

– Что правда, то правда! – Ганнибал встал с места и погрозил кому-то кулаком.

– Прошлую войну мы проиграли... – напомнил Миркан.

– Верно. Из-за карфагенских старцев, из-за этих завистников и купчишек.

– Новую войну мы должны выиграть, Ганнибал?

– Только выиграть.

– А если в войске имеются малoverы?

– Я их отправлю домой. Немедля! Мне нужны верящие в победу, мне нужны беззаветно преданные! Остальных я отошлю назад!

Ганнибал заметно возбуждался: шагнул влево, шагнул назад... Взмахнул рукою, словно в руке держал меч.

Старик расчесывал бороду. В задумчивости.

– А Сагунт? – спросил он.

– Что – Сагунт?

– Чтобы перейти Пиренеи, надо пройти через Сагунт.

– Разумеется.

– А договор?

– Какой договор?

– Не тревожить сагунтинцев, не переходить через реку Ибер.

Ганнибал нагнулся к старику и прошептал:

– А сами римляне соблюдают договоры?

– В общем-то...

– Нет, нет, нет! – вскричал Ганнибал. – Они рвут их, когда это им выгодно. Вот и я рву. Начихал я на договор! – Он уже говорил на своем, финикийском, на наречии карфагенских моряков и рыболовов.

– Это не годится, – упорствовал старик. – Начихать на Ибер, начихать на Сагунт, начихать на договоры?

– Именно!

Старик недоуменно развел руками:

– Они бы себе не позволили...

– Римляне! – Ганнибал подбоченился. – Римляне? Да они порвут любой договор, если это сулит им выгоду.

– А тебе сулит?

– Да, да и еще раз – да!

– Это очень, очень нехорошо.

Ганнибал молча глядел на старика. А тот сидел не двигаясь, словно каменный.

– Ладно, – сказал Ганнибал. – Я говорил об этом утром, но повторяю: олкадские разбойники могут ограбить наших купцов. Запросто. Тогда-то мы и накажем олкадов. Если сагунтинцы забеспокоятся и начнут роптать – мы пойдем и против них как против покровителей олкадских разбойников.

– А если заропщит Рим?

– Мы объясним.

– А если он не поймет?

– Тем хуже для него – что и требуется!

Старик покачал головой. Ганнибал не понял, что это означало: одобрение, неодобрение, сомнение, непонимание... Он решил высказать свои мысли более отчетливо:

– Уважаемый Миркан, у меня нет от тебя особых тайн. Я отослал в Карфаген свою жену. Она ждет ребенка. Ты, надеюсь, понимаешь, что это означает...

– Войну?

– Да, войну. Я наносу удар по олкадам. Почему? А вот почему: сагунтинцев это взволнует. Но на помощь олкадам они не придут – силенок не хватит. Они обратятся к Риму, к старым римским интриганам. Рим будет петушиться. Может быть, попробует помочь сагунтинцам. А что это значит? Это значит, что они задирают нас. Ах, задирают?! Стало быть, нарушают договор. Ах, нарушают договор?! Стало быть, руки у нас будут развязаны, и никто не упрекнет нас в том, что мы пошли на Рим.

– Так-таки прямо на Рим?

– Только на Рим! Гидре надо отрезать именно голову, ибо хвост у нее всегда живуч – отрастает. Сицилия, Иберия, Галлия – все это мелочь! Надо нанести удар в самое сердце разбойничьей державы...

– Кстати, и они нас обзывают точно такими же словами.

Ганнибала точно ужалили:

– Обзывают?! А ты повторяешь их дурацкие слова?

– Не повторяю, Ганнибал, а напоминаю...

– Не надо напоминать о всяких глупостях. Ты полагаешь, Миркан, что ежели эти мужи носят тоги и заседают в сенате – они мудры, непогрешимы в своих решениях? Как бы не так! Я докажу, что они не только глупы, но и трусливы на поле боя. Да, да, докажу! И не буду особенно тянуть с доказательствами.

Ганнибал горячился. Он пригласил Миркана вроде бы для того, чтобы выслушать возражения, но в глубине души рассчитывал на поддержку. Ганнибалу не нужны колкие слова и мысли, ему требуется поддержка – полная, недвусмысленная. Война с Римом – дело нештучное. Войско должно быть сплочено. Ни одного инакомыслящего! Ни одного паникера! Ни одного маловеера! Все сжато в кулак, все действует как один

человек, как один воин. А эти глубокомысленные умствования пусть каждый оставит при себе. Война – дело решенное, и нечего тут философствовать, как в Афинской академии. Многословие в такое время есть словоблудие, и оно должно немедленно пресекаться...

– Позволь, – сказал старик, – зачем же ты позвал меня? Почему требовал откровенности? На всякий случай имей в виду: я всегда с тобой, что бы ты ни предпринял.

Ганнибал вдруг остыл.

– Извини, – сказал он, – я погорячился. Разумеется, важно и иное, чем мое собственное, мнение. Я хочу послушать другие слова, выслушать что-то важное, пусть даже неприятное.

Старик кивнул.

– Да, Миркан, хочу, чтобы на меня взглянули со стороны и...

– Нет, – твердо заявил старик, – тебе этого не надо. Ни к чему! Ты решил – ты и действуй. Я просто поддался первому чувству. По здравом размышлении говорю тебе: действуй как знаешь, как решил.

– Такой совет мне известен, – проговорил Ганнибал. Он заложил руки за спину и ринулся было вперед, словно в атаку, но застыл на первом же шаге. – Нет, Миркан, я не этого ждал от тебя.

– А чего же?

– Отеческого наставления.

– А ты его примешь? Только откровенно. Я только что высказал тебе кой-какие мысли, которые тебе пришлись не по душе. И тогда я сказал: действуй как знаешь.

Ганнибал стал перед стариком как вкопанный. Постоял, постоял, что-то обдумывая.

– Все сложно в этом мире... – начал он.

Старику показалось, что и тоном речи, и строем эллинской фразы Ганнибал вдруг обернулся человеком мудрым, опытным, понимающим всю тяжесть взятой на себя ответственности – ответственности единоличной, без всякого обращения за советом к верховной власти в Карфагене. Все это было рискованно, и только полное достижение цели могло оправдать подобное самоуправство (с точки зрения Карфагена).

Ганнибал продолжал:

– Наши купцы плавают во всех водах. Никто не в состоянии чинить им преграды. За одним исключением. Ты знаешь, кого имею в виду: это – Рим. Он торопливо строит свои длинные суда, он скоро будет полностью господствовать на море. Что будет тогда – скажи? Об этом думают интриганы в Карфагене – эти жадные до чужого золота торгаши, заседающие в Совете? Однажды дело дошло до столкновения с Римом. И мы оказались в проигрыше. Стыдно нам за то поражение. Очень стыдно! Когда мы утвердились здесь, на Пиренеях, и стоим твердой стопой, мы обязаны спросить себя: что же дальше? Что нам делать с нашим сотысячным войском, нашими всадниками, нашими боевыми слонами? Стоять и ждать погоды? Но какой погоды? – Ганнибал поднял вверх сжатый кулак. – Вот – мы, вот – наша сила. Сколь же долго мы будем его держать на весу? Это не праздный вопрос афинского ратора. Это наша реальность.

Жизнь сама подсказывает, что нам делать.

– Что же? – наивно спросил старик.

– Идти на Рим, добить сенаторов на их Капитолии и с богатством и триумфом вернуться домой.

– Все это хорошо лишь в одном случае...

– Каким? – нетерпеливо спросил Ганнибал.

– Если считать, что в Риме сидят одни дураки. Это я говорю к тому, чтобы ты семижды все отмерил.

Ганнибал сказал уверенно:

– Я отмерил шесть раз, а сегодня отмерю в седьмой. Понимаю твои предостережения, понимаю и принимаю соответствующую меру. А она, эта мера, только одна: мы должны победить! Нет другого выхода!

– Почему же? – тихо сказал старик. Он указал пальцем на высокое небо.

– Что – там? – Ганнибал задрал голову.

– Там звезды – символ мира, спокойствия.

– Чепуха все это! – сердито проговорил Ганнибал. – Все символы здесь, на земле. Это точно, бесспорно. Эллины давно занимаются звездами, луною, солнцем. Много философствуют на их счет. А к чему все это привело? К тому, что римляне называют их презрительно греками. И это эллинов, которые проучили персов и держали мир в своих руках!

Старик поднял руки, хотел сказать нечто важное:

– Ганнибал, власть твоя ничем не ограничена. Ты молод, умен, достаточно хитер для своих лет. Подумай еще раз. Это не помешает. Не делай ничего такого, что бы вызывало хотя бы малейшее сомнение. Судьба великого Карфагена в твоих руках...

– Не Карфагена, а Рима, – перебил Миркана Белого Ганнибал.

– Допустим.

– Тут и допускать нечего. Я не из тех, кто решает не подумав. Я думал, думал днем, думал и при звездах.

– Звезды имеют одно определенное свойство наряду с другими, Ганнибал. Они говорят о вечности бытия. Их свидетельство по этому поводу неопровержимо. Говоря о вечности, они тут же напоминают о краткости человеческой жизни. Они зовут к мудрости и умеренности.

– Зовут только нас? А римлян не зовут?

– И их призывают к тому же.

– Что же они?

– Это их дело. Мы же обязаны думать, думать, думать. И этому следует учиться у вавилонян – старинных – и у эллинов, оставивших нам свои писания.

Ганнибал снова вскинул кверху свой кулак:

– Я решил, Миркан, и не отступлюсь: поведу войска на Рим! Я докажу, что Карфаген жив и будет жить. И не только! Но и процветать!

Старик встал, обнял молодого полководца:

– Я всегда буду с тобой, во всех походах, во всех делах. Но только помни: Карфаген один, знаменитый на весь мир Карфаген.

Старик поднял голову: звезды сверкали пуще прежнего.

– Что там? – спросил Ганнибал.

– Они слышат нас.

– И что же?

– Они пока молчат.

– Тем хуже для них, – буркнул Ганнибал. – Впрочем, я расставил надежную стражу, и нас никто не может подслушивать. В этом я уверен, уважаемый Миркан.

Пращники из Карфагена

В Карфагене дома их соприкасались задними стенками, точно спинами. Так и состарились в портовом квартале. Не в том квартале порта, где была стоянка военных кораблей, а в том, где плескались в воде утлые рыбацьи суденьшки.

Пращники – Гано Гэд и Бармокар – были одногодками, почти под тридцать каждому. Отец Бармокара погиб на Сицилии в стычке с римлянами в ту войну. Точнее, не на самом острове, а близ его берегов. Бармокар коренаст, бледнолиц, а этот Гано Гэд, или Гано Козел, наоборот – сухощав, высок, темный, как ливиец. Гано Гэда ждали дома родители – потомственные рыбаки. А мать Бармокара жила с дочерью, молодой вдовой (ее муж погиб на пути из Карфагена в Иберию)...

– Хорошо говорил, – сказал Гано Гэд. Он имел в виду вчерашнее слово Ганнибала на солдатской сходке.

Бармокар кивнул и промычал что-то невнятное.

– Что ты сказал? – спросил Гэд.

– Ничего не сказал.

– Так вот, – продолжал Гэд, от нечего делать накручивая тоненькую веревку на палец, – воевать с Римом надо. А где? Не у стен же Карфагена. Хорошо было сказано.

Опять непонятное бормотание.

– Что? – начинал злиться Гэд. – Ты потерял дар речи?

Бармокар вылупил глаза. Как рыба, выброшенная на берег из морских глубин.

– Говори же!

Бармокар достал из походной сумки сушеную айву.

– Хочешь?

– Хочу.

Оба пожевали ее. Очень вкусная. Даже вспомнилось детство, когда они вот так, как сейчас, делили сушеную айву и многое другое. Да и сама бухта Нового Карфагена, уютная и надежная, и высокий берег, переходящий в холмистую местность, тоже навевали воспоминания о родном Карфагене.

– Видишь ли, Гано, – сказал Бармокар, медленно жуя упругую айву, – время идет, и у меня кое-что меняется вот здесь. – Он хлопнул себя по голове.

«Странный оборот», – подумал Гэд.

– Вот меняется – и все!

Гэд взглянул на друга эдак сверху вниз, но ничего определенного на голове пращника не нашел – только обыкновенный рубец на темени: след вражеского камня.

– Греков начитался? – шутливо спросил Гэд.

– Каких греков?

– А этих самых... философов. Говорят, они любят всяческую галиматью. Вот одна из них: в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Ну?

Бармокар достал еще горсть айвовых кусочков.

– И что с того, что нельзя?

– Спроси у них. Вон их сколько здесь шатается.

Мимо как раз проходил греческий лучник по имени Ахилл

– Эй, Ахилл! – крикнул Гэд. – Поди сюда, айвой угостим.

Грек круто повернул к ним.

– Ви любишь разны фрукт, – сказал он по-финикийски.

– Вы тоже, – отозвался Гэд.

– Сами лучи – маслина. Солени, – сказал грек, принимая горсть сушеной айвы.

Вот это был воин! Весь из костей и мускулов, просоленный на всех морских ветрах, загоревший во многих уголках Африки и Иберии. Среднего роста, настоящий дискобол.

– Послушай, Ахилл, – сказал Гэд, – можно войти в одну и ту же реку дважды?

– Как это? – изумился грек.

– Просто так. Войти дважды.

– Ти шутку говоришь.

– Ничуть! Это твои философы говорят.

Грек задумался.

– Ну, понимаешь, Ахилл, скажем так: вот перешел ты через Ибер, а потом еще раз.

А тебе говорят – эта река не Ибер, это другая река.

Грек просиял:

– Дурак говорит. Да, да, дурак!

Пращники дружно прыснули: ну и смешной этот Ахилл, смешной и смелый, весь в рубцах – драчливая собака.

– Я ушла, – сказал он и заторопился куда-то.

Гэд сказал:

– Даже грек не понимает грека. А куда уж нам!

Бармокар настроился на серьезный лад. Было заметно, что некий червь гложет его душу. Что-то сказать не может – может, не хочет. Но и промолчать трудно, потому что уж очень настырный этот червь.

– Командующий сказал на сходке, что кто не желает идти в поход на Рим – может уехать к себе. Сказал он?

– Да, сказал, – подтвердил Гэд.

– Эти слова запали в душу...

– Тебе? – удивился Гэд.

– Почему бы и нет! А тебе?

– Мне – нет. – Гэд выпрямился во весь рост. – Я пришел сюда завоевывать, а не рыбу удить.

– Золота захотелось?

– Почему бы и нет!

– Много золота?

– Чем больше – тем лучше.

– И тебе римляне отдадут его?

– Они самые.

– Ты уверен?

– А ты?

– Я – нет, – признался Бармокар.
– И тебе захотелось смыться?
– Нет – уехать. С разрешения.
– В Карфаген?
– Домой. Рыбу ловить. Это дело верное.
– А я-то думал... – Гэд почесал затылок, – А я думал, что ты другой.
– Какой – другой?
– Настоящий пращник. Боец.
– Кто же, по-твоему, я теперь?
– Ты? – Гэд подбирал подходящее слово,
– Говори, говори, Гэд.
– Обыкновенная вша.
– Вша или вошь?
– Все равно как! – Гэд возмутился: – Карфаген посылает нас сюда, надеется на нас, ждет многого от нас, командующий надеется... А ты?
– Если разговор об отъезде серьезный...
– Командующий всегда держит свое слово.
– Тогда я уеду. Жизнь мне стала дороже, Гэд. Возможно, это к старости.
– Не к старости, а к глупости, Бармокар.
– Понимаешь, Гэд, есть во всем этом что-то от вавилонских сказок... Галлия, Альпы, Этрурия, Кампанья, Рим... Какие слова он еще говорил?
– Не помню, – буркнул Гэд.
– Чего стоят одни Альпы! Снеговые шапки, говорят, под небеса уходят, а ты – переходи через них. Не сказка?
Гано Гэд молчал.
– Переходи вместе со слонами, конями, сушеной рыбой и вяленным мясом. Словом, катись через горы прямо в Рим! Это ли не сказка?
– Нет, вовсе не сказка, – возразил Гэд. Он поднял указательный палец. – Учти: Ганнибал не из тех, кто морочит голову сказками и разными там небылицами. Он же сын Гамилькара. А кто был Гамилькар? Мне рассказывали бывалые воины: он говорил – слово его не расходилось с делом. Вот как, брат мой.
– Я хочу домой, – уныло сказал Бармокар.
– Соскучился?
– Нет.
– Так в чем же дело?
– Не хочу умирать в Альпах.
Гано Гэд аж подпрыгнул – так он поразился этим словам своего давнишнего друга.
– Да, – внятно повторил Бармокар, – не хочу умирать.
– В Альпах?
– Даже в Иберии. Хочу домой!
«Что с ним?» – подумал Гэд. Ему даже стало жаль своего друга, который готов променять жизнь ратную на постылую жизнь карфагенского рыбака.
– Ты думаешь, нас отпустят? – спросил Бармокар.

– Будет так, как сказал Ганнибал.

Бармокар взглянул на друга немножко недоверчиво и сказал про себя: «Можно подумать, что Гэд беседовал с командующим». И ему стало нехорошо.

– Можешь доложить сотнику о нашем разговоре....

Гэд щелкнул пальцами:

– Ты с ума сошел! Что я – доносчик, что ли?

Вдруг из-за угла пекарни показался сотник – такой огромный дядя, для которого высшей ценностью в свете были прочный солдатский башмак и крепкое копье. И когда тот приблизился, Бармокар крикнул ему:

– Уважаемый Мато, можно тебя?..

– Зачем он тебе? – насторожился Гэд.

– Сейчас узнаешь. – И Бармокар обратился к сотнику: – У меня просьба.

Сотник ухмыльнулся, жадно поглядел на сумки пращников.

– Мато, хочу домой.

Сотник вскинул густые брови, хмыкнул:

– Ты это взаправду?

– Да.

– Прямо сейчас?

– Нет, можно и завтра. И послезавтра.

– И ты тоже? – спросил сотник Гэда.

– Я пока в своем умишке.

– Так вот, – сказал сотник Бармокару, – скажи писцу, чтобы внес тебя в список этих самых. Трусоватых. – И присвистнул, как уличный карфагенский мальчишка, который хочет показать, что дело имеет с сумасшедшим. И потопал дальше, стуча любимыми прочными башмаками.

– Слыхал? – злорадно спросил Гэд.

Бармокар кивнул.

А в это самое время Ганнибал беседовал со своим братом Магоном. Магон оброс волосами, отчего голова его, и без того большая, стала точно ливийский волосяной мяч – огромной, черной. А бороду он брил, причем тщательно, прекрасным финикийским ножом. Глаза его хитровато поблескивали, как у галльского лесного божка, – он очень любопытствовал, о чем это хочет говорить с ним брат. (Ему намекнули, что речь пойдет не о походе на Рим. Так о чем же будет она?)

Ганнибал расхаживал перед ним в короткой льняной египетской рубашке, белой, как снег в Альпах. Обут он был в мягкие башмаки, сработанные в Карфагене. В таких башмаках человек может двигаться неслышно, как леопард или кошка.

– Магон, – начал Ганнибал, – ты, надеюсь, понимаешь, где находишься... Не в Карфагене. И не в Риме. Там ты можешь вести себя как угодно, делать что угодно – хоть на голове стоять. А здесь на тебя смотрят воины, те самые воины, которые завтра пойдут умирать. И за тебя в том числе.

– За меня? – удивился Магон.

– За Карфаген, Магон. А ты, надеюсь, не отделяешь себя от своей родины. Так вот,

смотрят на тебя воины – и что же они видят?

Магон насупился, уронил голову на грудь. Молчал.

– Я скажу, что видят, – горячо продолжал Ганнибал, – они видят похотливого вельможу, который готовится не к большой войне, а к большому оплодотворению иберийских женщин. Спрашивается: зачем ты носишь с собой этот нож, этот меч, это чудесное копье? Чтобы нравиться, чтобы красоваться?.. Мой совет таков: умерь свои аппетиты, подай пример, достойный военачальника.

Магон тряхнул головой, усмехнулся:

– Что же мне теперь, отрезать, что ли?

– Что отрезать? – не понял Ганнибал.

– Эту самую штуку...

Ганнибал поморщился – он не любил ни сквернословия, ни дурацких разговорчиков на манер карфагенских грузчиков.

– Это твое дело, Магон, – мрачно произнес он.

Магон замахал руками

– Нет, не мое! – вскричал он. – Я рожден мужчиной. И не по своей воле. Значит, и дело не мое... И я не вытворяю особенного, чего не делают другие.

– Я, к примеру? – спросил Ганнибал.

Магон махнул рукой.

– Ты – человек не от мира сего! Тебе подавай только одно – войну. Ты весь в войне. С головой, руками, с ногами. Другой жизни нет у тебя. Ты клятву дал.

– Верно, – согласился Ганнибал.

– И ты считаешь, что это правильно?

– Да, считаю.

– И ты всю жизнь хочешь воевать?

– Если надо, то всю жизнь.

– А вокруг?

– Что вокруг?

– Что жизнь вокруг, что женщины, что вино, что другие радости. Любовь, наконец. Дети, наконец...

Ганнибал стал перед братом во весь рост, заложил руки за спину, покачал головой.

– Нет, – сказал он, – это все не по мне.

– Но почему, Ганнибал? Ты не хочешь жить?

– Почему? Хочу. Очень хочу! Но нет мне жизни, пока этот Рим существует. Это же заноза в нашем сердце. И не затем мы явились в Иберию, чтобы развлекаться или пахать землю. Оружие, которое на тебе, должно быть в деле. Вот почему я приказываю тебе умерить свою похоть, думать больше о деле, заботиться о своих воинах. Ты понял? – железным голосом закончил Ганнибал.

– Понял, – уныло произнес его брат.

– Это хорошо. А теперь иди займись делом, подай пример другим. А мне надо поговорить с галльскими лазутчиками. Важный предстоит разговор...

Магон, не скрывая обиды, повернулся спиной к брату и вышел, нарочито шаркая башмаками. Ганнибал смотрел вслед ему, совершенно не понимая, что надо еще

этому молодому человеку, которому судьба уготовила прекрасную жизнь военачальника...

Вошел переводчик-васконец, а следом за ним – двое бородатых мужчин в легкой галльской одежде и грубых башмаках. Двигались галлы по ровному блестящему каменному полу очень неуклюже, как утки. Сразу становилось ясно, что равнина – не их родимый край.

– Добро пожаловать, – приветствовал их Ганнибал. Указал на сиденья, приготовленные для гостей. Галлы что-то сказали по-своему и осторожноенько уселись на скамьи, покрытые шкурами леопардов.

Потом пошел разговор, который хорошо переводил васконец.

– Кто вы? – спросил Ганнибал.

Ответил широкоскулый, бровастый:

– Я – гельвет, звать меня Ригон. Живу на юге от Альп. А мать моя и вся родня ее – с Севера.

– А ты? – Ганнибал обратился к другому галлу.

– Я из племени аллоброгов. Не раз хаживал вверх, по Родану и Исавру. Река Исавр течет с северных альпийских склонов и втекает в могучую реку Родан. – Этот галл говорил низким голосом, полным доверительности. Был он щуплый, как цыпленок, и совсем молод – может, лет двадцати от силы. Именно этот почему-то особенно заинтересовал Ганнибала. Он спросил:

– Как твое имя?

– Спендин, великий господин.

– Бывал ты в Альпах?

– Много раз.

– Что там?

– Снег. Лед. Очень сильный холод зимой.

– А летом?

– Летом – ничего. Даже приятно в горах.

– Они очень высокие?

Спендин размышлял.

– Подумаю, – сказал он. – Можно, великий господин?

– Нужно. – Ганнибал улыбнулся. – Скажи, Ригон, есть ли перевал через Альпы?

– Есть!

– Ты ходил через него?

– Никогда! Там очень страшно!

– Отчего страшно? Может, это показалось тебе, Ригон? Сколько тебе лет?

– Тридцать одна весна.

– Весна? Это хорошо, Ригон. А я думал, что мы с тобой одногодки. Ты немного старше... Кто же из твоих ходил? Что говорили о перевале?

– Перевалов, говорят, несколько.

– Даже так?

– Да, несколько. Есть среди них такие, которые поудобней, и такие, которые очень опасны.

- Человек проходит свободно?
- Даже конь.
- В любое время года?
- В любое.

Но тут вмешался другой галл. Он сказал, что все перевалы опасны. А их действительно несколько. Возможно, есть еще перевалы, если идти далее на восток. Есть немало таких, которые ведут к городу Плаценция, что стоит на реке Пад в Цизальпинской Галлии... Ганнибала заинтересовали именно эти перевалы. На восток не следует... Где перевалы, которые поближе к Плаценции, и как они называются? Этот вопрос обращен к Спендину.

– Если идти вверх по Исамру, – сказал Спендин, – то первым перевалом будет Волчья Глотка...

- Ничего себе! – воскликнул Ганнибал.
- Так называют его те, которые живут поблизости.
- Галлы?

Спендин сказал:

– Не совсем галлы. Но племя галльское... Дальше – перевал Вотти. Я не знаю, что это означает. Те, которые живут на юге, называют его иначе: Горная Тропа. Действительно, это тропа. Она тянется по расщелинам в скалах. То круто подымается, то падает вниз. Нехорошая тропа. Конь по ней не пройдет. А слон – подавно.

– Нехороший перевал!

– Восточнее находится еще один. Его называют просто Горловина. Наверное, потому, что сверху нависают скалы и по тропе идешь так, словно сквозь трубу. Здесь неширокая дорога, под скалами можно найти приют. На ближайших склонах живет очень злое племя. Ему не попадайся – мигом головы лишишься.

– На каком оно говорит языке? – поинтересовался Ганнибал.

– Не говорит, а рычит, как зверь.

– А все-таки это люди?

– Да, конечно. Только очень злые.

– Силу признают?

– Только силу.

– Это хорошо! – Ганнибал потер руки, как при хорошем известии с места боев. – А есть еще перевал?

Спендин сказал:

– Да, есть. Широкая тропа поднимается в гору, идет посреди широкой долины, которая суживается, чем дальше на юг. Здесь могут пройти даже повозки. И слоны тоже.

– Куда спускается тропа? Там, за перевалом.

– Тоже в долину Пада. Чуть восточнее города Плаценция.

Ганнибал обратился к Ригону:

– Что ты знаешь об этом перевале?

Ригон о нем и слыхом не слыхал. Спендин напомнил, что это тот самый перевал, который зовется Кривым, потому что он круто изгибается на самой восточной точке.

– Ах, Кривой?! – воскликнул Ригон. – Как же, слышал! Но более ничего не знаю.

Спендин сказал:

– Великий господин, этот перевал знают в Цизальпинской Галлии. По нему ходит уйма народу. Особенно летом. И осенью также, если погода мягкая. Прямо на повозках чешут.

– Кривой, говоришь?

– Да, Кривой, великий господин.

– Идешь по прекрасной долине Исавра, богатой хлебом и мясом, и запросто попадаешь на Кривой перевал.

Ганнибал задумался. Прошелся взад и вперед перед галлами.

– Это любопытно, – обронил он.

Спендин рассказал, кто живет на тех горах, где находится этот самый Кривой перевал. Очень злые люди – вот кто живет. Одеты они, как северные галлы, в овечьи шкуры. Готовы драться по поводу и без всякого повода – просто так. Пришлых не терпят, лазают по скалам легко и быстро. Ненавидят римлян...

Ганнибал не сводил глаз со Спендина, казалось, хотел проникнуть в самую глубину его души.

Спендин рассказал все, что знал о Кривом перевале, но ничего существенного к своему первому сообщению уже добавить не мог.

– Сам ты бывал на этом перевале? – спросил Ганнибал.

– Сам – нет. Но много слышал о нем от других.

Ганнибал взял кусок египетского папируса и небольшой уголек. Провел извилистую линию...

– Это южный берег Галлии... Здесь город Массалия. На самом берегу. А это Родан... Пойдем вверх... Здесь река Друенция... Дальше. Вправо пошел Исавр. Идем по долине... Сюда, сюда!.. Вот тут исток реки. А где Кривой перевал?

– Чуть восточнее, – сказал Спендин.

Ганнибал прочертил ровную линию.

– А здесь река Тицин?

– Пожалуй, великий господин.

– А тут – Пад?

– Да.

– А у слияния – город Плаценция?

Ганнибал с удовольствием поглядел на папирус, сличил его со старым, который достал с полки. Полюбовался ими, что-то обдумывая. На время вовсе позабыл о галлах и о васконце-переводчике. Пришел в себя после того, как Спендин осторожно кашлянул.

– Что ты сказал, Спендин? – спросил Ганнибал.

– Я? Ничего, – ответил Спендин, покраснев.

– Передай Магону, чтобы этих двух мужей щедро одарили. И сообщи мне, чем и как их одарили.

Переводчик поклонился:

– Будет исполнено.

Ганнибал обнял за плечи Спендина и Ригона.

– Мне кажется, – сказал он с улыбкой, – что мы увидимся с вами. Где? – спросите вы. Ничего не скажу сейчас. Боги немного капризны, и их повеления не всегда понятны. Однако ясно одно: мы еще увидимся.

Спендин и Ригон поклонились глубоким поклоном. «Этот полководец молод, но умен не по годам», – подумали они. С тем и удалились.

Проклятый Сагунт!

На рассвете у городских ворот Нового Карфагена послышались крики и стенания. Голоса были мужские. В домах по соседству проснулись люди. Они сбежались к воротам – огромная толпа. И все заговорили разом, и ничего не понять было в сплошном гвалте.

Но вот появились высшие городские власти, и вскоре все выяснилось. Дело в том, что у ворот горько жаловались на свою судьбу – как бы вы думали кто? – карфагенские купцы. Везли они, дескать, свои товары в покоренные и, казалось бы, умиротворенные области ваккеев и карпетанов. А коварные соседи – олкады злокозненные – ограбили их до последней ниточки. Да еще и убить грозились и всякие оскорбительные слова говорили о Карфагене.

Вопя и стеная, купцы перечисляли свои убытки, показывали синяки на руках и кровоподтеки на лицах, доставшиеся от разбойников-олкадов. Они просили оборонить, защитить их, а более всего просили они не позволять олкадским головорезам пятнать честь и славу великого Карфагена.

– Неужели, – кричали они, – будет разрешено топтать имя Карфагена, к которому весь мир питает глубокое уважение и любовь?!

– Как?! – возмущались горожане. – Эти дикие олкады посмели поднять руку на наших купцов?!

– Не на купцов, – объясняли им купцы, – а на Карфаген, на всех вас, на святая святых карфагенян и их союзников!

Купцы просили отвести их к самому командующему, дабы могли они изложить свою жалобу на олкадских кровопийц. Городские власти, посоветовавшись меж собою накоротке, отвели купцов прямо в резиденцию Ганнибала.

Ганнибал принял их незамедлительно. И не один, а вместе с несколькими военачальниками. Спокойно выслушал жалобу купцов, время от времени поощряя их рассказ легким кивком.

Поначалу купцы горланили в несколько глоток, но понемногу выделился некий Гимон, сын Ганнона, – человек средних лет, владелец нескольких судов и лавок в Новом Карфагене. Он рвал на себе бороду, когда вспоминал особенно унижительные для купцов сцены. Он говорил:

– О великий господин, невозможно описать все, что сотворили с нами эти головорезы! Им мало было того, что обобрали нас до ниточки, что весь обоз присвоили, применяя силу! Когда мы сказали, что пожалуемся самому Совету в Карфагене, они обнажили свои срамные места и помочились на нас...

Тут Ганнибал остановил его.

– Как?! – возмущенно воскликнул он. – Что же делали вы, когда мочились на вас?

– Мы? – объяснил купец. – Мы были связаны. Прочными узлами из сагунтских веревок.

– Сагунтских? – удивился Ганнибал. – Почему вы решили, что веревки были сагунтские?

– Очень просто: они очень прочные, я знаю эти проклятые веревки!
– Где же они добыли веревку из Сагунта? Как ты полагаешь, Гимон?
– Здесь и полагать нечего, великий господин! Веревка эта дорогая. Где олкадам голозадым честно купить ее? Нет у них таких денег! Стало быть, веревка подарена.

– Кем, Гимон?

– Ясно кем! Это сагунтцы подарили веревку и науськали олкадов.

Ганнибал решил досконально допросить купца:

– Гимон, почему науськали олкадов эти сагунтцы? Как ты полагаешь?

– Скажу, великий господин. Не надо быть особым мудрецом, чтобы понять, с какой целью разбойничали эти олкады.

– С какой же? Объясни нам.

Купец перевел дух, вытер губы шелковым иберийским платком.

– Цель у них одна. О ней говорили они промеж собой, чтобы и мы слышали. А цель, значит, такая: унижить Карфаген! Они хвастали: мол, сам Сагунт опекает их, а у Сагунта, мол, есть верный и сильный друг – Рим. Что Рим никогда не даст в обиду ни олкадов, ни сагунтцев.

Ганнибал привстал и обратился к своим военачальникам:

– Слыхали? Эта пощечина предназначена нам с вами. А купцы просто попались под горячую руку.

– Да, – согласились возмущенные военачальники.

– Значит – мочились на вас?

– Да, да! – возопил Гимон. – Они все мочились на нас и приговаривали: это Карфагену – от нас, это Совету карфагенскому – от нас...

– Постой, – прервал купца Ганнибал, – они так и сказали: «Совету карфагенскому»?

– Истинно. Я это могу подтвердить клятвенно. Мои друзья по несчастью скажут то же самое.

– Истинно, истинно! – подтвердили хором купцы.

Ганнибал встал:

– Это пахнет войной. Можно снести многое от этих разбойников, но не оскорбление нашего мудрого Совета, наших старейшин. – И обращаясь к купцам: – Значит, мочились и при этом оскорбляли Совет старейшин?

– Истинно, истинно! – отвечали купцы.

Ганнибал развел руками:

– Подобного еще не слыхивал белый свет! Да, это несомненно козни проклятого Сагунта, а если заглянуть поглубже – то и самого Рима... – Ганнибал шагнул назад и вперед перед купцами, а говорил в сторону своих военачальников: – Это сам бог, сам Ваалхаммон подает нам знак. Невероятно, чтобы кучка олкадских разбойников нападала на наших купцов и при этом оскорбляла наше великое государство и его правителей. Дело здесь явно нечистое! Это на нас натравливают шавок. А где же хозяева собачек? Вы хотите знать? Я скажу где: в Сагунте! Только там ищите их! А больше нигде! Впрочем, есть и более высокие хозяева. Скажу где: они на форуме в Риме, на Капитолии. Там ищите и найдете их! – Ганнибал все более горячился. Он

остановился и погрозил кулаком. – Там они, только там! Но у нас достаточно и сил, и умения, и решимости, чтобы наказать не только злобных шавок, но и их хозяев в Сагунте. А если кто-нибудь посмеет заступиться за них, то доберемся и до него. Клянусь Ваалхаммоном!

Ганнибал оборвал свою речь на высокой ноте и вопросительно уставился на военачальников. И он услышал то, что надлежало услышать:

– Справедливо сказано! Смерть олкадам! Долой проклятый Сагунт!

Ганнибал сказал купцам:

– Вы все слышали? Сами слышали?

– Да, сами, – за всех ответил Гимон.

– Что же скажете?

– Слава Ганнибалу!

– Сообщите своим сотоварищам, всем купцам карфагенским, с которыми доведется повстречаться, что Карфаген не даст в обиду своих купцов. Слышите? Не даст!

Купцы, тронутые этими словами, преклонили колени.

– А теперь, – сказал Ганнибал, – ступайте к себе и вершите свои дела на благо Карфагена. А мы постараемся постоять за вас.

Когда купцы ушли, Ганнибал подозвал военачальников поближе к себе.

– Сколько же человек пожелали вернуться домой? – спросил он.

– Тридцать тысяч, – отвечал главный писец, ведавший также продовольствием и одеждой. Это был полный, сипло дышавший карфагенянин с водянистыми глазами и огромным шрамом на правой щеке.

– Тридцать тысяч? – проговорил Ганнибал. – Считайте, что сбросили с плеч немалую обузу. Оставшиеся семьдесят меня вполне устраивают. Я приказываю вам разъехаться по своим местам. Завтра вы узнаете о нашем походе. Все досконально!

Против олкадов выступила вся армия – пехота, конница, слоны. В Новом Карфагене простолюдин поражался: такая махина и – против кучки разбойников? Но те, которые вершили судьбы народные, знали, куда и зачем направляется армия Ганнибала. Олкады будут быстро смяты – это несомненно. И тогда карфагенцы столкнутся лицом к лицу с Сагунтом, его защитниками.

Тридцать тысяч человек были отпущены Ганнибалом на все четыре стороны. Он надеялся пополнить свою армию любителями военных походов на долгой дороге в Рим. Разве мало племен, которые ненавидят римлян и готовы в любое время – дай только повод! – досадить им? Среди галлов можно найти даже сотню тысяч мечтающих пограбить ненавистный Рим.

Весть о том, что Ганнибал движется на восток, привела олкадов в смятение. Они пытались отмежеваться от неких разбойников, якобы ограбивших пунийских купцов. Олкады обещали возместить купеческий ущерб в двукратном размере. Однако Ганнибал был непреклонен: нет, раз олкады посмели поднять руку на купцов – придется расплачиваться полной мерой. И деньгами преступление не искупить!

Полная глухота Ганнибала удручала олкадов. Делать нечего – пришлось

обращаться к Сагунту. Это олкады сделали с великой неохотой, ибо понимали, что подобное обращение вовсе выведет из себя молодого военачальника, ищущего славы на поле брани. А слава эта очень нужна была Ганнибалу. Позарез!

Во-первых, бранная слава укрепила бы его слово среди воинов, а во-вторых, победы в битвах сделали бы его более независимым в отношениях с Советом Карфагена. Позиция удачливого полководца, разумеется, резко отличается от позиции неудачника.

Олкады дважды пытались упросить Ганнибала не наказывать всех олкадов из-за каких-то разбойников, которых-де и знать не знают, а если бы знали, то наверняка предали бы смерти. Но куда там! Ганнибал шел вперед, и Сагунт спешно готовился к боям. Были направлены письма в Рим, из которых становилось ясно, что конечной целью Ганнибала является не Сагунт, а Рим. Рим связан договором с Сагунтом, но есть у него и соглашение с карфагенцами относительно земель южнее реки Ибер, на которые распространяется влияние Карфагена. Так или иначе, Рим должен будет вмешаться в бесчинства Ганнибала...

Прогулка по земле олкадов очень понравилась воинам Карфагена. Случались малозначительные стычки легковооруженных. Войска уверенно подвигались к Сагунту. Однако Ганнибал был настороже: дело в том, что в Карфагене образовалась довольно мощная оппозиция его намерениям относительно Сагунта. Надо было что-то предпринимать против этих ворчунов. И Ганнибал предпринял – быстро, энергично.

И вот в его походной палатке вскоре появились представители турдулов, живших, как и олкады, по соседству с Сагунтом.

Ганнибал принял турдулов очень тепло.

– Я приветствую, – сказал он, – представителей храброго народа! Карфаген всегда ценил и ценит своих друзей или тех, кто может стать нашими друзьями. Ведь не только человек, какой бы силы он ни был, ни даже великий народ не могут обойтись без друзей, без их локтя, без их доверия и преданности миру, дружбе, совместной деятельности на благо всех людей. Особенно ценна эта дружба в то время, когда мир полон коварства и предательства. Вот тут-то как раз и появляется рука друга, без которой всегда трудно.

Турдулы – их было пятеро – почтительно выслушали молодого, красивого, полного сил полководца. Ответное слово произнес (разговор шел на эллинском) сухощавый пожилой турдул из знатного рода. Он сказал следующее:

– Великий господин! Твои слова вселяют надежду. Было бы очень хорошо, если бы все ответственные государственные деятели думали и поступали согласно твоим словам. Беда в наше время заключается в том, что слова расходятся с делом. Особенно это относится к нашим соседям...

– Верно! – прервал Ганнибал. – Почему Сагунт считает возможным вторгаться в ваши земли?.. Я спрашиваю: почему? Ведь в Сагунте нет недостатка в миролюбивых заверениях. Так почему же, спрашиваю? – Ганнибал потрясал кулаками, гневно водил глазами.

Турдул на мгновение, казалось, язык проглотил. Однако быстро пришел в себя.

– Твои слова справедливы, великий господин! – сказал он. – Сагунтцы притесняют

нас, полагаясь на свою силу...

Ганнибал прервал его:

– Полагаясь на римского дядю. Да, да!

Турдул согласно кивал головою.

– Твои слова выражают мысли всех турдулов. И не надо быть философом, чтобы понять ваши страхи, ваши желания. Но мы – ваши друзья не на словах, а на деле. Не оставим вас в беде! Мы будем рядом с вами в той справедливой войне, которую вы поведете против Сагунта.

«Я, кажется, объявил войну», – со страхом подумал турдул. Он оглянулся на своих товарищей, как бы ища у них поддержки. Те потупили глаза.

Ганнибал вытянул правую руку:

– Пусть знают в Сагунте: не позволим обижать дружественных турдулов. Не позволим! – Он выискал взглядом своего писца: – Немедленно пиши в карфагенский Совет. Пиши все, что слышал здесь о коварстве сагунтцев. Пиши от моего имени. – И снова – к турдулам: – Скажите своему народу, что Карфаген вместе с вами готов наказать Сагунт. Да! – Он сделал вид, что немного устал. – Но зачем откладывать! Я сейчас же прикажу собираться в поход. Долой Сагунт! Долой римскую шавку! Мы с вами, турдулы!

Он подошел к турдулам и каждого из них обнял по-братски, приказал одарить их подарками соответственно высокому посольскому положению.

Тут грянули трубы – совершенно неожиданно. Откуда только взялись они?

Под трубные звуки турдулов проводили в богатую резиденцию, где их уже ждали многочисленные подарки.

Через три дня Ганнибал во главе войска выступил против Сагунта.

А накануне Гано Гэд, пращник-карфагенянин, повстречался с Бармокаром. Это не совсем точно: повстречался. Он столкнулся с ним нос к носу. И был несказанно удивлен этой неожиданной встречей.

– Как?! – вскричал Год. – Это ты, Бармокар?

– Я, – ответил тот смущенно.

– Разве ты не уплыл в Карфаген?

– Как видишь...

– Я ничего не понимаю, Бармокар! Объясни, ради всех богов: как ты очутился здесь?

По мнению Бармокара, тут и объяснять нечего. Дело в том, что от причалов Нового Карфагена уходили корабли в море, в Карфаген. Они уносили тех, кто желал вернуться домой. Тут Бармокар, по его же собственным словам, серьезно призадумался. Значит, размышлял он, можно верить обещанию высокопоставленного человека. (Раньше в этом пращник сомневался.) Воочию убедившись в том, что Ганнибал держит свое слово, Бармокар изменил свое решение и остался здесь, в Иберии. И теперь пойдет за Ганнибалом во все походы.

– Да, – твердо закончил Бармокар.

Гано Гэд обошел его вокруг, словно перед ним стояла некая диковинка, а не

простой пращник.

– Ну, брат, удивил ты меня, – продолжал Гэд. – Я не совсем доверяю своим глазам, поэтому-то я ощупаю тебя... Да, кажется, это ты, во плоти, теплый, как положено... А разве можно было сомневаться в слове командующего?

– Можно было.

– С чего это ты?

– Очень просто: кто в добром уме перед походом может отпустить восвояси столько воинов? Это непостижимо! Я не верил. Все эти великие люди – великие обманщики...

– Все, но не Ганнибал, – сказал с укоризной Гэд.

– ...великие обманщики, говорю. И вот, убедившись, что на этот раз ошибся, – я остался.

Гэд положил руки на плечи Бармокара.

– Очень рад тебе, мой брат. Даже растроган очень. Мне было обидно, что ты не веришь ему. – Гэд указал большим пальцем куда-то туда, неизвестно куда, где, по его мнению, сейчас находился Ганнибал. – Я скажу тебе так: тот, кто пойдет за ним, – будет в выигрыше, непременно разбогатеет, во всяком случае – хорошо проведет время в военных походах.

Бармокар кивнул не очень уверенно.

– Мужчина – настоящий мужчина! – рожден для войны. Да! А все прочие – пусть держатся за подола своих жен. Пес с ними! Нам с ними не по пути... Послушай: мы возьмем Сагунт! А знаешь, что такое Сагунт? Туда грекосы понавезли столько богатства, что его хватит на то, чтобы озолотить весь подлунный мир. Мы разделим это богатство меж собой.

Гэц говорил уверенно, словно все золото мира уже было у него в кармане. Его кулак был крепко сжат, а в глазах горели огни наподобие бивуачных ночных костров.

– Я сказал, что останусь, – говорил Бармокар, – и остался. Я говорю, что иду воевать, – значит, буду! Это решено. Да!

– Ну, молодец! Ну, обрадовал меня! Сейчас самое время выпить вина. Иберийского! Пошли!

Гэд потянул своего друга на базар. На огромный базар, кишущий людьми, словно улей пчелами. Он завел Бармокара в какой-то дальний закоулок, где собралось немало солдатни – пращники, всадники, из тяжеловооруженных. Все они громко галдели, смеялись на весь базар, вели себя так, словно только что одержали великую победу. Были тут и девицы дурного поведения – они попивали вино то с одним, то с другим. И тоже хохотали – бесстыдно. Их хлопали по ляжкам, целовали на ходу. Никто ничему здесь не удивлялся. Одна такая девица плюхнулась перед Бармокаром – толкнули ее, что ли, или упала с пьяных глаз, споткнувшись о мостовую. Пращник живо поднял ее и поставил на ноги.

– Ох! – проговорила чернявая девица-иберийка. – Ну и силища у тебя! Кто ты?

– Это мой друг, – сказал Гэд. – Послушай, Рутта, почему бы тебе не отблагодарить его?

– Его? – Рутта ткнула пращника в грудь. Глаза у нее блестели хитровато. На

приятном, чистом личике торчал смешной носик.

– Да, его. Учти, он скромненький. Очень смущается.

Не говоря более ни слова, Рутта поднялась на носки, обхватила смуглыми руками шею пращника и звонко чмокнула его в губы. Бармокар засмутился, покраснел и что-то пробормотал.

– Что ты сказал? – спросила Рутта.

– Я скажу, что, – вмешался Гэд. – Он говорит, что хотел бы провести с тобою жаркую ночь.

– Это правда? – спросила бойкая Рутта.

Опять какое-то бормотанье вместо ясных слов.

– Не поняла, – сказала Рутта.

И опять этот Гэд:

– Рутта, он говорит, что хотел бы, чтобы ты подарила ему сегодняшнюю ночь.

– Сегодняшнюю? Но я обещала ее тебе.

– Я отказываюсь в пользу друга.

А Бармокар стоял так, словно не его все это касалось. Мычал – и все.

– Послушай, Гано, твой друг мужчина? – И Рутта залилась смехом.

Гэд наклонился к уху девицы и что-то сказал ей, видимо, смешное, потому что Рутта захохотала, глядя на Бармокара.

– Что ты шепчешь? – выговорил наконец Бармокар.

– Ничего особенного. Как всегда – сущую правду.

– Ну что ж, – проговорила кокетливо иберийка, – я согласна. – И прислонила голову к груди пращника. – Ты женат?

– Я? – почему-то удивился Бармокар.

– Неважно. С женатым даже интересней. Только ты мне не лги. Я не ревнива. А хочешь, Гэд, мою подружку? К ней еще не прикасались. Девственница, каких мало в этом городе.

– Ври больше! – буркнул Гэд.

– Я – вру? – возмутилась Рутта. – Значит, ты меня совсем, совсем не знаешь. Если совру – я плачу ей вместо тебя. Слышишь? – вместо тебя.

– Посмотри на нее! – воскликнул Гэд. – У Рутты завелись деньги. С каких это пор?

– С тех пор, как завела купчишку.

– Какого это?

– А такого! Не жадного, как ты.

Гэда, кажется, переговорила эта иберийская красавица. И тогда он упрекнул своего друга в медлительности. В конце концов, Бармокара не силком ведут на свидание. Можно вымолвить хоть слово?

– Фу! – поморщился Бармокар. – Последний карфагенский матрос и тот выбирает слова, а ты, Гэд, – совершенный босяк... Верно говорю, Рутта?

– Нет, неверно. Я обожаю Гэда. Он – мой хороший друг. Разве плохой порекомендовал бы тебе меня?

– Ладно, – примирительно произнес Гэд, – зайдем-ка лучше в харчевню и кинем чего-нибудь в рот.

Рутта вопросительно уставилась на Бармокара.

– Согласен, – сказал тот, шаря рукою в кармане: денег достанет, это точно.

И они направились к харчевне, окунувшись с головой в базарную толчею.

В харчевне – галдеж. Здесь стоит терпкий дух. Кого только не слышно: карфагенца и галла, ливийца и нумидийца, грека и васконца. Грубый смех сотрясает закопченный потолок.

Бармокар протискивается к укромному уголку, освещаемому разноцветным финикийским стеклом. Рутта садится на скамью меж Гэдом и Бармокаром. И кому-то незаметно кивает...

– Пусть тащат вино! – командует Гэд. – Кстати, есть у тебя денежки, Бармокар?.. Я немного поиздержался.

– Не волнуйся, пей, ешь. И ты, Рутта. Скажи мне, чем тебя угостить?

– Вот это другое дело, – сказал довольный своим другом Гэд.

– Ты совсем затуркал бедного мальчика, – заступилась за Бармокара Рутта. – Он настоящий мужчина, только немножко стеснительный. Поверь моему нюху.

– Я? – Бармокар посмотрел на девицу, подумал немножко и вдруг обхватил ее своими лапищами, посадил к себе на колени и впился губами в ее губы. Поцелуй был долгий, жаркий. Рутта – такая многоопытная в любовных делах – чуть не задохнулась.

– Галльский медведь, – с трудом вымолвила она, переводя дыхание. – Ты чуть не задушил меня.

Бармокар молчал, сопел, как провинившееся дитя.

– Ты ли это? – поразился Гэд. – Я же шучу.

– Я не люблю дурацких шуток!

Рутта поцеловала Бармокара, попыталась успокоить и успокоила – на этот счет она была великая мастерица.

– Мальчики, – сказала она, – мы будем ссориться или?..

– Мир! – сказал Гэд. И похлопал друга по плечу.

– Слышишь? – спросила Рутта.

И Бармокар выдавил из себя:

– Слышу.

Рутта весело запищала.

Мужчины двинулись к хозяину харчевни, занятому закусками, которые он готовил вместе с женой. Он с трудом успевал – молодые воины ели и пили без оглядки, и это у них отлично получалось.

– Хозяин, – обратился к харчевнику Гэд.

– А, это ты, – сказал тот. – Тебе вина?

– Лучшего, и побольше!

– Денежки завелись?

– Именно.

– Где же они? – Почему-то хозяин оказался недоверчивым.

– Вот они! – Гэд указал на своего друга.

Харчевник осмотрел Бармокара обволакивающим взглядом бывшего знатока.

Пращник тряхнул мешочкам, подвязанным к поясу.

– Берите эту миску, эти кувшины, эти чаши, – приветливо сказал харчевник.

Его жена улыбалась во весь рот – сытая толстая баба.

Гэд нагнулся, как положено бравому воину, его примеру последовал Бармокар, предварительно выложив монеты.

– На здоровье! – крикнул им вслед харчевник.

– Не обижайте Рутту, – добавила его уважаемая супруга – сводница, каких свет не видывал.

Муж буркнул:

– Подкладываешь девицу и сама же даешь прекрасные советы.

– Этот Гано Гэд – парень не промах. Он и без моей помощи кого угодно завлечет.

– И тебя, что ли?

Пухлое лицо сводницы расплылось и стало похожим на сагунтский хлеб, который только что вытащили из печи.

Когда прачники выложили на дубовый стол свое угощение, Рутта удивилась:

– Куда так много!

От природы она была расчетлива, и, по ее мнению, незачем тратить, когда в этом нет особой нужды.

– Я стою не так дорого, – пошутила она.

Бармокар строго взглянул на нее:

– И про эти шутки забудь.

Меч разящий

Магон попивает вино, удивляется. Есть чему удивляться...

Пошел восьмой месяц осады Сагунта. Подумать только – восьмой! А ведь казалось... Впрочем, ничего не казалось: Ганнибал шестым чувством понимал, что Сагунт – не простой орешек. Но, говоря откровенно, шестое чувство – сплошная отговорка для неудачников. В бою положено опираться на пять чувств, а не на шестое или там седьмое. Это мудрецы-болтуны придумали какие-то особые чувства. Вот Миркан Белый предупреждал... Верно, предупреждал... Однако предупреждать – это его специальность. А что ему делать, если не предупреждать? В противном случае кому он будет нужен со всеми его звездами и прочей чепухой?

Дай, Ваалхаммон, памяти! Стало быть, так: самое начало похода на Сагунт. Что же было вначале? Да! Как обычно, старика Миркана вызвали к брату. Магон был при этом разговоре.

– Я иду на Сагунт, – с места в карьер объявил ему Ганнибал.

Миркан вовсе не удивился: о Сагунте говорили давно, и в первую очередь – сам Ганнибал. Поэтому Миркан спокойно воспринял эту весть.

– Что ты скажешь? – нетерпеливо спросил Ганнибал. Беседа, как всегда, происходила поздним вечером, когда все живое уже спало, а небо обильно украсилось звездами. Напомним: иберийское небо в это время черное-пречерное, отчего звезды кажутся ярче, чем они есть.

– Скажу вот что... – Старик потер лоб, словно пытался собрать воедино разрозненные мысли. – Скажу так: сагунтцы – народ сложный, их действия часто бывают неожиданными. В Сагунте много греков из Афин. Это, доложу тебе, может серьезно осложнить дело. Ведь они горазды на всякие выдумки. На хитроумные – особенно. – Миркан жестом остановил Ганнибала, который попытался перебить его. – Сейчас закончу. Всего два слова еще. Значит, так: действия твои против карпетанов и ваккеев принесли тебе немалую славу. Твои воины кое-что намотали себе на ус. И это все в твою пользу. Запомни: сагунтцы – не олкады.

Ганнибал потянулся за мечом, разыскал припрятанное куриное перышко, подбросил перышко кверху, подул на него, и оно поднялось еще выше, чтобы начать затем плавное падение. Брат вытянул руку с мечом. Вот перышко коснулось меча и раздвоилось.

– Видишь? – торжествующе произнес Ганнибал.

– Да, меч у тебя острый.

– Острее бывает?

– Пожалуй, нет.

– Вот так я поступлю с Сагунтом.

Старик недоверчиво поглядел на меч.

– Не веришь, Миркан?

В ответ молчание.

– Не веришь, спрашиваю? – повысил голос Ганнибал.

Миркан Белый поведал некую вавилонскую притчу про богатыря, который слишком надеялся на свою силу. Этот богатырь повстречался с другим богатырем из Великой пустыни и был повержен. И не потому, что оказался слабее. Нет, он не рассчитал мощь противоборствующую, пошел грудью вперед, напролом, позабыл о хитрости и поплатился жизнью.

– Дурак был твой богатырь, – проворчал Ганнибал.

– Я бы не сказал. Повторяю: он слишком понадеялся на свою силу.

Ганнибал обошел старика, оглядел его со всех сторон. Нemoщь была налицо. Физическая. А какова сила духовная? Война – не только сила мускулов. Война – это и сила ума, сила мысли, сила духа... Эта истина была хорошо известна, например, афинянину Периклу, Македонцу. Хорошо понимают это и римляне. Эти хитрые лисы давно оценили силу ума, впрочем, как и силу мускулов. Покойный Гамилькар не раз поучал: «Только гармоничное сочетание силы ума и силы мускулов приносит счастье полководцу». Ганнибал усвоил эту истину сызмальства, он следует ей, не отступает от нее.

– Так что же сагунтцы, Миркан?

– А вот что: они сидят за прочными стенами. В случае нужды могут совершать дерзкие вылазки. Есть у них одно явное преимущество: они обороняют свой дом...

– Так, уважаемый Миркан, так... Продолжай...

– Если смотреть на нас с сагунтской стены, мы – нападающие недруги, мы идем разорять их теплое гнездо. Эта мысль доведет их до отчаяния. А это, в свою очередь, утроит напряжение мускулов, подымет дух.

– Из твоих слов можно заключить, что они считают нас разбойниками? – Ганнибал стоял перед стариком, заложив руки за спину, медленно поднимаясь на носки и так же медленно опускаясь на пятки, будто готовился к прыжку. Богатырь – ноги сильные, плечи широкие. Ничего не скажешь: рожден для ратных дел...

– Вполне, – произнес Миркан Белый. – В их глазах мы – разбойники. Самые настоящие.

– А в моих – холуи они римские, жалкие подпевалы, шавки задиристые. Вот они кто!

– Я говорю только то, что думаю.

– Верно, говори, говори...

Еще немало неприятного наговорил Миркан. Ведь позвали его именно ради этого: чтобы говорил то, что думает, говорил не кривя душой. Поддакивающих вполне достаёт. Пусть малопривычен этот Миркан, тем не менее слова его заставляют думать...

И вот, спустя восемь месяцев с того памятного разговора с Мирканом Белым, брат топчется у стен Сагунта. Мало того: эти негодяи ранили его, самого Ганнибала! Кто-то ловко метнул дротик, и железо вонзилось прямо в правую ляжку. Пришлось слечь, лечиться, приостановив все военные действия против сагунтцев.

А эти римляне поспели-таки: прислали послов. Почему, спрашивается? Разве не знали они, кого против кого науськивали? Эти лисы сделали вид, что желают только восстановить мир, уберечь Сагунт от бедствий войны. С каких это пор римляне стали заботиться о ближних? Не проще ли вообразить, что им дорога своя шкура, и только

своя. А Сагунт – просто так, мелкая монета в их грязной capitoлийской политике. Эти дурни, сагунтцы, полагают, что за их спиной – верные друзья, защитники добрые. Как бы не так!

Прихлебывает вино Магон и прикидывает: что и как будет с Сагунтом – до и после решительного штурма?

Ганнибалу хорошо было известно через лазутчиков, что в самом Сагунте начались распри. Речь шла о верхушке городского населения, о видных фамилиях. Одни говорили так: надо до конца сохранить верность Риму, ибо в этом, и только в этом спасение. Другие утверждали, что Карфаген настолько могуществен, что всякое сопротивление бессмысленно. Рим, дескать, далеко, а Ганнибал – этот молодой беспощадный карфагенский вождь – под самым боком.

Ганнибал говорил по этому поводу:

– В конце концов они откроют мне городские ворота. А иначе я сотру в порошок этот поганый город.

От лазутчиков в Риме шли такие донесения: на Капитолии тоже два мнения: отцы сенаторы – из наиболее решительных – призывают к войне против Карфагена на суше и на море. Причем под сушей они разумеют африканскую землю. Но есть и такое мнение: надо воевать – это верно! – но воевать в Испании, где главные силы карфагенян. Раздавались на Капитолии и такие голоса: надо направить посольство к Ганнибалу, поговорить с ним, попытаться убедить его, что мир лучше войны, а там видно будет...

Сенат назначил послами к Ганнибалу неких Публия Валерия Флакка и Квинта Бэбия Тамфила. Ганнибал и слыхом не слыхивал о сих римских деятелях. Впрочем, эти римляне – по словам Ганнибала – полагают, что любой владелец дома и кусочка римской клоаки может достойно представлять державу. Эти странные, часто подозрительные друг к другу римляне даже в самый разгар боев могут поменять командующего, срок полномочий которого истек. Это, конечно, дурачество. Но (если говорить откровенно) не дурачество ли поведение карфагенского Совета, где не прекращается грызня, где каждый мнит себя афинским мудрецом и ревнует к любой победе карфагенского оружия, если она, победа, исходит не от него самого? Словом, и те, на Капитолии, и эти, в Карфагене, достойны друг друга. Самое лучшее: не обращать на них внимания и делать свое дело.

Так и поступил Ганнибал: он сказался очень занятым и не принял римское посольство.

– Скажите этим олухам, что я занят.

Магон попытался отговорить брата от этого оскорбительного для посольства шага.

– Оскорбительного? – возразил Ганнибал. – Да я чихал на них! Кто они такие? Подобными субъектами в Риме хоть пруд пруди. Ты знаешь, что это такое – пруд прудить? Ну вот, так и скажи им: убирайтесь!

Магон сказал:

– Сдалось им это болото! Чтобы квакать вместе с тамошними старцами?

– Нет, они предложат нечто.

- Что именно?
- Мир или войну.
- Так сказали они?
- Да.
- Они что – полоумные?
- Не сказал бы.

Ганнибал задумался, не спуская глаз с брата.

- Что тебе стоит поговорить с послами, Ганнибал? – спросил Магов.
- А зачем?

Магон развел руками: вид у него, как всегда, был бравый, но эта поза не вязалась с его обычной манерой держаться. Он, видимо, в чем-то серьезно сомневался. А к чему сомнения, когда жребий брошен?

– Еще не поздно, Ганнибал...

– Верно, не поздно. – Командующий вызвал писца и продиктовал письмо в Карфаген. Он извещал своих приверженцев – партию баркидов¹, – что в Карфаген собирается римское посольство, что Рим желает выиграть время, а сам стягивает флот и армию в Массалию. Мнение Ганнибала таково: надо идти на Рим. И он пойдет на Рим. В этом сомнения не должно быть. Все!

– Магон, – сказал Ганнибал, – это письмо срочно направь в Карфаген, оно должно опередить посольство римлян. Ясно тебе?

Приказ был исполнен в точности. Потолкались эти – как их? – Публий и Квинт или Флакк и Тамфил – кто их разберет? – около палатки Ганнибала и отплыли в Африку, в Карфаген. Пусть плывут себе...

Нога командующего зажала, он объехал на коне войско, поделенное на несколько частей. Осмотрел стенобитные машины, проверил катапульты, полюбовался слонами и отдал такой приказ: с утра бить стены Сагунта в нескольких местах и с разных сторон, катапультам неустанно обстреливать город, послать на головы горожан несколько сотен горшков с горячей серой.

Слово полководца – закон: войска в точности исполнили его приказ. А эти, сагунтцы, казнив несколько знатных людей, готовых переметнуться к карфагенцам, совершили вылазку. Они набросились на стенобитные машины, облили каким-то маслом защитные деревянные кровли над ними и подожгли. Сагунтцы были столь яростны (а мечи их сверкали, словно молнии, а пики казались втрое длиннее обычных), что карфагенцы кое-где дрогнули. Дрогнув – побежали. Пришлось вмешаться коннице, чтобы восстановить боевой порядок. Это сделал сам Ганнибал. Его храбрость не могла не воодушевить воинов. К исходу дня удалось загнать сагунтцев обратно в город.

Горшки с горячей и вонючей серой вызвали в городе пожары. Дышать стало невозможно. Ганнибал приказал усилить обстрел. Тяжелые катапульты действовали слаженно, однако Гасдрубал, брат командующего, осмелился заявить, что римские катапульты лучше, что надо кое-что изменить в машинах. Может быть, канат недостаточно прочный. Или же боевая дуга слабее, чем это должно быть... Любопытно, из какого дерева мастерят римляне эти свои боевые дуги на катапультах?

– У них меньше думают и точнее исполняют приказы, – мрачно заметил Ганнибал. – Вместо того чтобы умствовать, наказал бы трусов, постыдно бежавших к реке. Римская децимация придумана умными людьми.

Гасдрубал, не блиставший военными способностями, поморщился:

– Децимация? Это противно! Тем более что трусов среди моих воинов – нет.

– В таком случае мне почудилось это бегство.

– Отступление не всегда бегство.

Ганнибал махнул рукой:

– Тебя не переговоришь. Ступай к своим!

Ганнибал был огорчен – уж слишком долгой оказалась осада Сагунта. «Надо действовать решительней», – сказал он себе. Это верно. Ну а как быть с потерями? Нужно беречь войско для главного, самого главного в жизни – для схватки с Римом на италийской земле. Поэтому самым разумным казался непрерывный обстрел города. Однако сагунтцы вроде бы привыкли к обстрелам, а в критические дни переходили в наступление. Разрушенные стены и дома они восстанавливали поразительно быстро. Командующий не раз выезжал к городским стенам, чтобы решить, как лучше действовать. Он пришел к убеждению, что только штурм может принести победу. Измором, как видно, не взять Сагунта...

Срочно был созван военный совет. Что-то скажут эти военачальники нового? Едва ли. И тем не менее надо услышать их слово, может, оно наведет на какие-нибудь полезные мысли.

С места в карьер Ганнибал обратился к военачальникам с такими словами:

– Сагунт все еще держится и не собирается открывать нам ворота. Долго ли мы будем здесь топтаться? Я полагал, что Сагунт возьмется за ум. Но этого не произошло. Идти вперед, оставив в тылу враждебный Сагунт?

Ганнибал говорил твердо, чеканя слова. Ни в голосе его, ни во взгляде не было и тени сомнения: победа будет. Но нужна она немедленно! Он вопросительно посмотрел на начальника стенобитных машин, ждал от него дельного слова.

Клеонт – грек из Афин, человек мудрый и храбрый, уже начинавший седеть, – не торопился высказать свое мнение. И заговорил только тогда, когда наступила полная тишина. А сказал он следующее:

– Сагунтцы оказались более заносчивыми, чем это мне казалось. И вот почему: их подзуживает Рим. Обещает помощь. А иначе Сагунт вел бы себя благоразумнее. По твоему приказу, о Ганнибал, мои воины, сильные в машинном деле, изготовили много виней и катапульт. Мы покрыли кровли виней прочными дубовыми бревнами. И мы сможем спокойно подвести виней к стенам. Каждой винее мы придали по несколько катапульт. Мы обрушим на город каменный град. А дальше – скоро! – дело будет за тяжеловооруженными. Я так полагаю.

– Насколько мне известно, – сказал Ганнибал, – стены, обращенные к морю, слабее прочих.

– Не думаю, – сказал Клеонт. – Впрочем, вполне возможно. Однако подвести машины с этой стороны будет труднее.

– Разве в лоб проще? – спросил Ганнибал.

– В этом случае – да.

Ганнибал держал перед собою папирус, на котором был начертан план городских стен. Крепость с высокого холма спускалась к морю. Вытянутая с севера на юг. Волны в дурную погоду окатывали прибрежные укрепления. Красной краской были помечены слабые места в стенах, где можно сделать проломы. Он протянул папирус Клеопту. Грек внимательно познакомился с планом. И кивнул.

– Да, – сказал он, – все верно. И все-таки меня не прельщает эта сторона. Которая со стороны моря.

– А может, именно она и есть всего важнее в этом деле?

Клеонт промолчал.

Ганнибал продолжал беседу скорее для самого себя, нежели ради своего собеседника. Возможно, ему хотелось утвердиться в своем мнении. Этот Клеонт почти вдвое старше его самого. Его слово – не просто слово умного советника. Но и война, побывавшего в различных переделках, и не с одной раной на теле.

Однако грек казался Ганнибалу слишком медлительным. Надо решить, что делать, и ответ необходим скорый. И без того провалялись под дурацкими сагунтскими стенами несколько месяцев. «Дурацкими!» – подчеркнул Ганнибал в сердцах.

Грек возразил:

– Это не так. Стены вовсе не дурацкие...

Ганнибал усмехнулся:

– Это потому, что строить их помогали греки?

– Отчасти. Но стены теперь прочнее, независимо от того – кто и когда их возводил.

– Значит, валяться здесь и впредь?! Под этими стенами?!

– Нет, – сказал степенный грек твердо, но почтительно. – Я вовсе этого не думаю, о великий! Если предпринимать что-либо решительное...

Ганнибал перебил:

– Не «если», а незамедлительно! Довольно мне выслушивать всякие стариковские советы. – Он помолчал. Понял, что зря обижает преданного ему человека. – Я хочу сказать, уважаемый Клеонт, что я сыт по горло советами. Советчиков много. А мне нужны действия, а не советы. Когда будут готовы твои машины?

– Мне нужна одна декада.

– Нет! – воскликнул Ганнибал. Он быстро направился к окну, выглянул наружу: все было тихо вокруг. – Я даю тебе, Клеонт, ровно пять дней, а на шестой назначаю штурм. Пять – и ни одним часом больше! Пойми меня: Рим во все концы шлет посольства, вербует сторонников везде, где попало, пытается воздействовать и на карфагенский Совет, который с удовольствием воспримет весть о моей неудаче. Римляне готовятся к большой войне. Они строят длинные корабли. Они выжимают из себя последние силы, они торопятся. А я вынужден сидеть сложа руки и наблюдать за этими сагунтцами. Как бы не так! Решено: через шесть дней штурм! Учти, Клеонт: стены будем бить со стороны моря. Будем бить там, где нас не ждут. Ты понял?

Клеонт кивнул. Ганнибал сверлил его взглядом, как сверлят на верфи дубовые

доски, – настойчиво, долго.

– В душе не согласен со мной?

Клеонт молчал.

– Ясно: не согласен. Что ж? Я не могу убеждать каждого из семидесяти тысяч армейцев. Я приказываю!

– Слушаюсь! – сказал Клеонт и удалился, опустив голову.

Вошел Магон. На нем были новенькие доспехи, а на голове – великолепный афинский шлем.

– Ого! – сказал Ганнибал. – Чем не Марс?!

– Подарок, Ганнибал, подарок.

– Кто же так расщедрился? Позолоченный шлем?

Ганнибал подошел к брату, погладил шлем рукой. Затем снял его и надел на себя.

– Тесноват, – сказал он.

– Мне по мерке ковали.

– Надеюсь, не взятка?

Магон вспыхнул:

– Взбредет же тебе в голову! И кто даст взятку?

– Сагунтцы. Чтобы подольше не тревожили их.

– Отдай мне шлем. И знай: взяток не беру! А что до сагунтцев – они поносят и меня, и тебя, и всех нас, вместе взятых. Будут они взятки давать! Если хочешь знать правду – это подарок одного купца из Карфагена.

– Что же ему надо?

Магон махнул рукой:

– Подозреваю, что не прочь сосватать за меня свою дочь.

Ганнибал сказал:

– А что? Может, впору жениться? – Он засмеялся. – Знаешь – когда? Когда возьмем Сагунт, я тебя поставлю над войском в Иберии. Вот тогда и женись. И угомонись.

– Нет, – сказал Магон, шаря глазами по полкам в поисках сосуда с вином. – В Иберии ставь Гаедрубала. А мне...

– Не ищи, Магон. Пить запрещаю!

Магон надул губы. Опустился на скамью – доспехи явно мешали свободному движению.

– Этот шлем, – заметил Ганнибал, – слишком петушиный. Афиняне любят все театральное. Он слишком приметен в бою. Хорошая цель для лучников. А доспехи не по тебе.

Магон обидчиво помалкивал.

– В бою человек должен чувствовать себя свободно. Ничто не должно сковывать его. Отдай доспехи и шлем какому-нибудь франту – иберийцы обожают позолоченные вещички.

Магон постучал себя в грудь рукояткой меча.

– Это, по-твоему, вещичка?

– А что же еще?

– Ты просто завидуешь.

– Возможно... – Ганнибал усмехнулся. – Но на стены Сагунта в этих доспехах бросаться не советую. Тем более в этом шлеме.

Магон снял шлем с головы, полюбовался им и покатил его по каменному полу. И зазвенел шлем пуще медного таза.

– Сними и доспехи, – посоветовал брат.

Магон снял доспехи и тоже покатил по полу.

– Если бы я знал, что нет в этой комнате любопытных ушей, – сказал Ганнибал, – кое-что сказал бы тебе.

– О Сагунте?

– Именно.

– Готовится штурм?

– Наверное.

– Когда?

– Ты услышишь сигнал.

– А все-таки когда?

Ганнибал строго взглянул на брата:

– Ты можешь его не слышать?

Магон пожал плечами.

– Непременно услышишь. Я позабочусь об этом.

Магон спросил:

– Ты только от меня скрываешь? Ведь у тебя только что был Клеонт. Он ничего не знает о штурме?

– Не знаю.

– А я знаю.

Ганнибал приложил палец к губам – знак полного молчания. Магон кивнул: дескать, понимаю.

– Подойди ко мне, Магон.

Магон повиновался.

– Сделай все, чтобы твое войско было готово к штурму. Сделай даже то, что невозможно. Учти: Сагунт – мой первый настоящий экзамен. Если меня подведет кто-либо – я не прощу этого никому. И в первую очередь – тебе. Ты должен показать себя с лучшей стороны. Оставь свои оргии, забудь о вине. А когда возьмем Сагунт – хоть захлебнись. Я тебя не упрекну. Ты слышишь, брат?

– Слышу.

– Ты хорошо меня понял?

– Да.

Голос Ганнибала стал строже, суше, грозней:

– Я никому не дам спуска. Я не пощажу себя. Не будет пощады и другим. Пуще своих врагов буду наказывать трусов и нерадивых. – Ганнибал до хруста в пальцах сжал кулак. – Я раздавлю каждого, кто не исполнит моего приказа. Каж-до-го!

Потом долго молчал.

Магон скрестил руки на груди, пошмыгал носом.

– О чем задумался, Магон?

– Просто так...

– А все-таки?

Магон стоял перед братом, словно виноватый.

– Я же говорю: просто так.

Ганнибал прищурился. Сказал сквозь зубы:

– Я вижу тебя насквозь. О чем ты думаешь?

– Сказать?

– Да.

– Откровенно?

– Да!

– Я думаю, – проговорил Магон, – какой же ты жестокий!

Ганнибал захохотал.

– Только и всего, брат? – спросил он сквозь смех.

Пиренеи уже в тылу

Ганнибал пересек реку Ибер тремя колоннами. Перед самым походом он выступил перед солдатскими сходками, Молодой полководец обязан был говорить. И он говорил.

О чем?

Первое. Рим объявил войну. Каждый ли понимает это? Поговаривают, что войны желал, точнее жаждал, сам Ганнибал. Ерунда! Сагунт в кознях Рима был всего поводом. Сагунт – римская заноза. Можно ли было терпеть ее, находясь на Пиренеях? Ганнибал спрашивал солдат: может ли обыкновенный человек – не сказочный богатырь, а человек – стерпеть занозу в заднице? Не сможет! Вот, стало быть, именно так и следует рассматривать Сагунт. Никак не больше и не меньше. Рим домогался войны и добился своего на свою голову...

Второе. Что это будет за война? Разумеется, каждый пытается ответить на этот вопрос по-своему. Было бы очень странно, если бы никого это не задевало, не заставляло думать. Больше того: даже страх иных новобранцев понятен. В самом деле: что такое Альпы, и можно ли идти через Альпы?.. Что можно сказать? Война не будет в великую тягость нашему войску. Ганнибал ручается головой. Он готов принести клятву перед богами.

Третье. Война, точнее, недолгий поход на Рим через Альпы принесет каждому участнику большое богатство. Все ли отдадут себе в этом отчет? Рим должен быть и наверняка будет разорен, и его несметные богатства перейдут в руки Ганнибалова войска. Нужна клятва? Прекрасно! Ганнибал совершит паломничество в Гадес, где великое святилище. И там поклянется перед ликами всемогущих богов. Мало этого?..

Подобные речи Ганнибал произносил по нескольку раз на день: перед тяжеловооруженными, перед пращниками, перед погонщиками слонов, перед нумидийскими всадниками...

Надо сказать, что воины встречали полководца восторженно. На первый взгляд все обстояло благополучно. Но дело вот в чем: все ли в восторге? Нет ли инакомыслящих? Установить это очень и очень важно. И он установил: нет, не все одобряют поход на Рим. Одни страшатся голода, другие – холода, третьи – просто смерти ни за что ни про что...

На военном совете Ганнибал сказал обо всем этом откровенно, прямо, безо всякой утайки. Он говорил:

– Если солдат не уверен – война будет проиграна. А я не желаю проигрывать ее. Рим должен быть покорен! Тут не может быть двух мнений. Это завещано мне великим отцом, и я добьюсь этого. До сих пор я говорил о воинах. Но ведь и среди вас имеются те, кто опасается римского похода. Верно говорю?

– Верно! – крикнул ибериец по имени Удорт. Он был богатырского роста, могучего телосложения и недюжинного ума человек. Брови его сурово срослись над переносицей, скулы были расставлены широко, а подбородок словно взят напрокат у кулачного бойца.

Ганнибал не ждал подобного выкрика от Удорта. Этот иберийский царек показал

себя с самой лучшей стороны при взятии Сагунта. С ним приходилось считаться. Точнее, его слова, его страхи и сомнения следовало опровергнуть или согласиться с ним.

Ганнибал внешне был хладнокровен. А внутри у него все клокотало, точно вместо сердца вставили в грудь небольшой Везувий. Он сделал над собой усилие и улыбнулся. Улыбка получилась недоброй. Словно это был актер, вынужденный улыбаться, когда ему вовсе не до улыбки.

– Всего одно твое словечко, – сказал Ганнибал, – Но как оно сказано, Удорт? Ты, видно, всей душой против похода. Не смей отрицать этого! Я вижу тебя насквозь.

– Зачем тратить слова? – проворчал Удорт. – Я – против. И не только я один. И это ради твоего же блага.

– Допустим, допустим... Но что ты скажешь, если мы возьмем Рим и набьем свои сумы золотом? Что ты тогда скажешь, спрашиваю? Ошибся, скажешь? Не знал наперед, скажешь? А вместо словоблудия, может, ты, Удорт, помог бы делом, своим опытом? Я засомневаюсь, ты засомневаешься, он засомневается... – Ганнибал неопределенно указал рукою на угол зала, где было пусто. – Что тогда будет с нами? Ты об этом подумал?

– Подумал, Ганнибал.

– И что же?

– Ничего особенного. Солнце будет по-прежнему сиять, небеса – голубеть, а мы – жить. Что нам надо после Сагунта?

– После Сагунта? – Ганнибал крайне удивлен. – Да Рим попытается удавить нас... Запросто! И бровью не поведет. Проглотит, как змея лягушку.

– А зачем ему глотать?

– Этот вопрос надо задавать на Капитолии. Может, ты отправишься туда?

– Уволь, Ганнибал, я туда не ходок.

– Слышу разумную речь!

Ганнибал понимал и без Удорта, что по крайней мере половина высших военачальников разделяет сомнения Удорта. Из боязни. Из страха. Уж слишком трепещут они перед Римом...

Ганнибал подошел к мраморной колонне, подпер ее плечами, скрестил руки. Он, казалось, опасался, что колонна свалится. И вдруг резко шагнул вперед, рубанул рукою воздух, как мечом.

– Хорошо! – воскликнул он. – Вы выслушали меня, я понял кой-кого из вас. Вот что, Удорт: распусти своих воинов на зиму. Пусть идут к своим женам, приласкают их вновь, пусть испытают уют домашнего очага. А весною, скажем, в конце марта, чтобы все они были на своих местах! Беда тому, кто не явится, и в первую очередь беда тебе. Ты меня понял?.. А я, друзья мои, отправлюсь в Гадес, я принесу клятву богам в самом высоком святилище. Я поклянусь в том, что сделаю все для блага моего войска и каждого из вас в отдельности. Поход будет намного легче, чем это кое-кто полагает. Путь по Южной Галлии я бы сравнил с приятной прогулкой по тучным полям и богатым городам. Нас будут встречать как друзей – об этом я позаботился. Не предвижу я особых трудностей и в Нарбонской Галлии. Мне доносят, что из Массалии могут

появятся римские легионы. Но и на них найдется управа... – Ганнибал широко раскинул руки. – Ну Альпы! Да, верно, горы. Ну так что ж? Снег там, лед и прочее. Разве это невидаль? Как вы полагаете, скажем, гельветы не переходят через Альпы в Цизальпинскую Галлию? Да и сами римляне неужели ни разу не пользовались проходами в Альпах? Неужели? – спрашиваю вас. Только трусы могут вообразить, что Альпы смертоносны. Только неучи и дураки полагают, что Альпы – непреодолимая преграда. Я покажу вам, что такое Альпы и как слоны идут по ним, чтобы поразить Рим в самом Капитолии! Все сказал...

Ганнибал сдержал свое обещание: он распустил иберийцев по домам, взяв с них слово вовремя явиться в свои палатки. Он быстро собрался и выехал в Гадес, чтобы принести великую клятву великим богам...

– Рутта, – сказал Бармокар, – вот я. Пришел.

Молодая женщина вскинула глаза и вдруг удивилась: как, жив и невредим? А ведь пронесся слух... Слава богам, жив, здоров!

– Это я, – бормочет пращник.

– Еще один шрам?

Рутта встала из-за стола, подошла к солдату. Провела пальцами по его щекам. А он стоял, готовый расплакаться от радости.

– Да, – сказал он. – Один сагунтец бросился на меня из-за угла. Я едва увернулся. Если бы не успел – голова моя покатила бы на землю.

– И тебя не было бы здесь, возле меня.

– Да, не было бы.

– Шрам очень грубый. Плохой был врачеватель...

– Нет, слишком тяжел оказался меч. И рука – тоже. Я сам подставил щеку.

– Бедненький мой, – пожалела Бармокара Рутта, не переставая поглаживать рубец. Она приподнялась на цыпочки, дотянулась до его уха. Что-то прошептала, похихикивая...

– Цел? – спросила она.

Он покраснел густо-густо, точно роза в саду богатого хозяина. Она чмокнула его в губы.

– Спасибо им, что главное оставили...

– Ты глупости болтаешь.

Рутта расхохоталась.

– Уйдем из этой харчевни, – сказала она.

– Куда?

Она взяла его за руку и потащила за собой. Он немного сопротивлялся. Ему было неудобно, что его ведет легкомысленная девица, словно быка, на виду у многих бездельников.

– Да иди же, – приказывала Рутта. – Ты будешь очень доволен.

– Куда тянешь? – выдавил он.

– Позабыл дорожку ко мне?

«Так это совсем недалеко отсюда», – подумал пращник. А вслух сказал:

– Рутта, я хотел бы купить вина...

– У меня его полно.

– Может, хлеба?

– Все есть. Все!

Она была столь нетерпелива, что он смутился. «Она похищает меня», – сказал он про себя.

– Похищаешь, Рутта...

– Разумеется. С вами только так и надо поступать.

Он окончательно смирился и пошел рядом с ней.

– Как ты тут жила? Скучала?

– Нет, – призналась она чистосердечно.

Он покосился на нее. Что она, совсем дура? Неужели не может соврать? Так он и сказал.

– Не могу. И к чему? Я живу сама по себе. И никому не обязана. Что, не нравлюсь?

– Она остановилась перед ним, подбоченилась и немного повертела бедрами.

Пращник не знал, как вести себя.

– Спрашиваю: не нравлюсь?

Он моргал глазами, как провинившийся ребенок. А она начинала сердиться:

– Что у тебя, язык запал?

– Пожалуй...

– Ты можешь сказать хоть что-нибудь?

– Не знаю.

– Все вы, мужчины, на один покррой: уж очень дубоваты. Я вас знаю как облупленных.

Она капризно отвернулась от него и пошла прочь, а он бросился за ней. «Эти иберийки словно огонь, – думал Бармокар. – Наши женщины слишком рассудительны, а эти точно пламя бушующее».

Она привела-таки его домой. Скинула с себя легкое, просторное платье и осталась полунагая. Прекрасная, как и прежде. Он залюбовался ею, стоя на самом пороге неказистой хижины, в которой летом жарко, а зимою холодно.

– Входи же! – приказала она. Налила в глиняную чашу красного вина и поднесла ему. Он с удовольствием выпил до дна и вернул ей чашу. Она как кошка прыгнула Бармокару на грудь, обхватив его могучую шею тонкими, но сильными руками. И, запрокинув голову, медленно стала сползать вниз и прочно задержалась у бедер. Чтобы удержать, он обхватил ее за талию. «Она гибка, как лоза», – подумал он.

– Так будем торчать? – спросила она, задыхаясь.

Он не знал, что сказать.

– Я хочу так, – капризно сказала Рутта, почему-то вдруг охрипнув.

Солдат, кажется, кое-что уразумел. Она помогала ему делать то, что ей хотелось.

– Сними свой дурацкий пояс, – велела она.

– А как?

– Очень просто.

Он попытался было, но Рутта чересчур прочно обвивала его ногами. Но и тут она

пришла на помощь.

– Я так и думала, – говорила она, словно в забытьи. – Ты готов вполне... Так не теряй же времени... Любовь не ждет... Ну же...

... Потом она угощала его иберийскими маслинами, лепешкой собственного приготовления и острой подливой к заячьему мясу, которое она тоже мастерски изжарила на углях.

Он ел и любовался ею. «Не женщина, – говорил он себе, – а огонь... Может, взять ее в жены?»

– Ты ждешь мужа, Рутта?

Она удивилась.

– Кто тебе сказал?

– Я сам...

– У меня мужей столько, сколько пожелаю.

Он перестал жевать. Ее слова обидели. Ну как это можно – «сколько пожелаю»? Рутта тотчас же подметила, что ему неприятно слышать насчет мужей, перевела разговор.

– Ты очень сильный, – польстила она.

Он молчал, уткнувшись носом в маслины.

– Правда, сильный. Но ты не умеешь пользоваться своей силой. Я должна тебя поучить.

– Зачем?

– Чтобы лучше любились.

– Разве я что-нибудь не так? – пробормотал Бармокар.

– Нет, все так, – живо откликнулась Рутта. – Но ты очень сильный, понимаешь?

– Нет. – Он невольно взглянул на свои плечи – левое и правое, на туго сжатые кулаки.

Рутта залилась переливчатым смехом. О боги, как красиво она смеялась: и зубки белые – напоказ, и шея тонкая – напоказ, и веселый смех – для услаждения слуха.

– Не туда смотришь, – проговорила она, заливаясь хохотом.

Он непонимающе уставился на нее.

– Ну, где у мужчины сила?

Он выставил кулаки.

А она все хохотала. Ей доставляло удовольствие смущать его.

– Я научу, как надо любить. По-настоящему. И про силу расскажу такое, что от тех слов поумнеешь и своих любовниц будешь с ума сводить.

– Бесстыжая, – повторял он, обнимая ее.

Утром он попрощался с нею. Рутта сладко позевывала, от удовольствия поглаживала себя ладонями.

Он подпоясался, выпил вина. Она спросила беззаботно:

– Ты уходишь надолго?

– Нет. Может, до вечера.

– А я ведь буду скучать.

Он выглянул в маленькое круглое окно, занавешенное какой-то дерюгой: сияло

яркое солнце, голубело небо.

– Хороший день, – сказал он.

– А ты на войну собираешься. – Рутта снова зевнула.

Бармокар посмотрел на нее, нежившуюся в постели, выглянул снова в окно. Одно лучше другого: что девушка, что день. В самом деле, при чем здесь война, когда лучшая из войн объявлена Руттой? Дайте, боги, выдержать ее натиск!

Он присел на скамью. Задумался. Снова выглянул в окошко.

– И надолго ты собираешься в поход?

– Кто его знает?

– А все-таки?

– Это же Рим, милая Рутта. До него далеко. Но ведь добраться все-таки надо. И воевать под его стенами надо.

Рутта посерьезнела.

– Значит, не скоро увидимся...

– Почему же, Рутта?

– Если вообще увидимся... Были у меня поклонники. Замуж за них собиралась. Один на дне. Где-то возле Балеар. Другой на берегу Ибера закопан. Третий где-то в Пиренеях пропал...

– Довольно, Рутта! Сколько их было?

– Много. Ведь я любвеобильна.

Бармокар обхватил голову руками.

– Спрячь ножку, Рутта.

– А что?

– Она выводит меня из себя.

– Ну так что ж? Я не боюсь тебя. Можем начать все сначала.

– Мне надо идти. Сотник рассердится.

– Разве он сильнее любви?

Он усмехнулся: при чем, мол, любовь, когда речь о сотнике?

Рутта вскочила, голая бросилась к нему на колени.

– А что если ты не уйдешь в поход?

– Как это? – удивился Бармокар.

– Очень просто: останешься со мной. Неужели тебе умирать охота?

– Почему умирать?

– А как же? Кто-то должен?

– Об этом я не думал.

– А ты подумай... Или ты боишься Гано Гэда?

– Не боюсь.

– Знай, он слабее тебя в десять раз.

– Правда?

– Можешь сказать ему об этом. Я теперь тебя ни на кого не променяю. – Она словно вспомнила что-то очень важное, чего давно не могла припомнить: – А хочешь, я пойду за тобой?

– Куда?

- Куда угодно. В самые Альпы!
 - Женщин не берут в такой поход.
 - Я последую с каким-нибудь обозом. Я переоденусь мужчиной.
 - Из тебя мужчина не получится. Ты слишком женщина.
 - Придумаю что-нибудь. Гано Гэд мог бы предложить что-нибудь. Он хитроумный.
- Бармокар погладил ее волосы – такие шелковистые, такие ароматные от карфагенских благовоний.
- Когда поход?
 - Ранней весной, Рутта.
 - Это хорошо. Я брошу все и уйду с тобой.

На берегах Родана

Гано Гэд смотрел на волны Родана, точно впервые видел такую полноводную, шуструю реку. В том месте, где был устроен лагерь пращников, Родан плавно изгибался, вычерчивая на равнинной местности почти правильный полукруг. Вода была мутной после дождей, ничего хорошего не предвещала для того, кто пожелал бы перейти ее вброд.

– Ничего себе, – проговорил он, – чтобы сунуться в нее, надо иметь не врага на том берегу, а хороших помощников при переправе. Именно помощников, да числом поболее. Серьезная вещь, – заключил Гэд, словно в Карфагенском порту увидел полупустое рыбацье суденышко, возвращающееся с многодневной путины.

– Я так полагаю, Гэд: они немножко того... – сказал Бармокар, поглаживая ладонью алый шрам на щеке.

– Что – того?

– Знал командуешь об этой реке?

Гэд строго воззрился на своего друга:

– Не говори глупостей, Бармокар! Ты не смотри на его молодость. Котелок у него варит за пятерых. Ты меня понял?

– Что же ты хочешь сказать?

– А то, что он знает и знал про эту реку столько, сколько не ведает о ней весь римский сенат. – И с портовым акцентом спросил: – Варишь?

– Варю, – в тон другу ответил Бармокар.

– Наш Ганнибал и шагу не ступит, пока семижды не отмерит. Я уверен, что реку эту он даже во сне видел такую, какую ему описывали лазутчики, А ты знаешь, сколько их у него?

– Откуда мне знать?

– Мне что – все разжевывать тебе и класть в рот? Не довольно Рутты?

– При чем тут Рутта?

– Забыл? Кто тебя познакомил с ней? Кто уступил ее тебе? – И Гэд добавил: – По-братски.

– Ну, ты. Но при чем сейчас она? – Бармокар нахохлился, как воробей в ненастье. Он стал в последнее время смешно дуться, когда Гэд произносил имя Рутты. – Давай условимся, Гэд...

– Давай.

– Я тебе благодарен за нее. Но больше не напоминай о ней, словно о... – И вдруг замолк.

– Говори, говори...

– Словно о гулящей девчонке из портового кабачка.

Гэд чуть не расхохотался.

– Извини меня, но, может, я кое-что запомнил?

Бармокар вскинул глаза.

– Разве не я познакомил?

– Ты.

– Разве это было не в харчевне, Бармокар?

– В харчевне – да. Но не в кабачке портовом.

– Верно, не в кабачке. Ты думаешь, я уступил ее тебе со спокойным сердцем?

Может, я любил ее...

– Как так – любил? – удивился Бармокар. У него, как у малого дитяти, отвисла нижняя губа.

– А очень просто: любил, и все. Может, и сейчас люблю. Ведь сердцу не запретишь.

Бармокар точно язык проглотил: смотрит на друга, в глазах много всякой всячины, а на кончике языка – ничего. Одна пустота.

Но Рутта слишком много значит для Бармокара, чтобы просто вот так закончить на полуслове разговор.

– Что ты хочешь сказать, Гэд?

– Вот так: ничегошеньки, – усмехнулся Гэд.

– Нет, ты что-то насчет любви заговорил...

– Что с того?

Как объяснить этому верзиле, этому идиоту карфагенскому, что нельзя походя мазать Рутту своей любовью? Уж лучше помолчи, если в голове одна дурость и ничего святого...

– Гэд, – серьезно сказал Бармокар, да так серьезно, что, казалось, вот-вот слезу вышибет из его глаз это самое, серьезное... – Что ты скажешь, если узнаешь... – И запнулся,

– Что узнаю?

– Большую тайну.

– Ничего не скажу. Буду хранить ее. До могилы.

Бармокар желал знать, смеется в душе этот верзила или говорит искренно...

– Это не военная тайна.

– Тем более. – В голосе Гэда появилась явная беззаботность.

– А ведь Рутта со мной...

Гэд, видно, не расслышал этих слов. Он продолжал глядеть на воду с беспокойством и любопытством. Широкий этот проклятый Родан, и быстрина реки – не самое приятное для наступающего войска...

– Я говорю: Рутта со мной.

Гэд оглянулся на друга. Думал. Разве котелок его не варил? Должно быть, в это мгновение – нет...

– Что ты сказал?

– Я говорю: Рутта со мной.

Вот тут глаза у Гэда расширились, словно попался ему в руки золотой клад. Но котелок, видно, еще не сварил...

– Рутта, говоришь?

– Да, Рутта, Гэд.

– И что же с ней?

Бармокар бледнел еще больше обычного, когда волновался или попадал в неловкое положение.

– Ничего с ней. Она со мной.

– Как? – Гэд двинулся к другу, будто собирался подмять его, как иберийский медведь.

– А так! – нагло ответил Бармокар. А чего ему было робеть?

– Ты говоришь, Рутта здесь? Где же?

Гано Гэд сделал полный круг, чтобы обозреть всю местность. И не увидел никого, кто бы...

– Где же Рутта, спрашиваю?

Сумерки быстро наступали. Чем темнее становилось небо, тем светлее делался Родан. Точно перекачивал он не воду, а живую ртуть. И звезды появлялись на небе – одна краше другой. Они посылали на землю холодный, но бодрящий свет, свет любви и счастья. Тот свет точно достигал земли, но, видно, мало было его, чтобы на всех хватило и любви, и счастья... Так казалось Бармокару. И он сказал об этом Гэду.

– Да, ты влюблен. И, кажется, не врешь: Рутта где-то здесь. Только она может надоумить мужчину говорить нечто философское.

– Я говорю правду: она здесь.

– Кто ее взял?

– Я.

– И она согласилась?

– Точнее, она заставила меня взять ее с собой.

– В этот поход?

– Да.

– Эта легкомысленная Рутта?

– Она – умная.

Гано Гэд из-за темноты плохо видел черты лица Бармокара. Ему хотелось заглянуть в глаза другу: неужели он и в самом деле так влюбился? Да и здесь ли Рутта?..

– Она помогает погонщикам слонов.

– Женщина в военном стане? – поразился Гэд.

– Она переодета индийским юношей. Я надеюсь, ты не выдашь ее? И меня тоже?

– А ежели смерть?

– Я ей тоже говорил о ней.

– Что же Рутта?

– «Перед смертью все равны», – сказала она.

– Это на нее похоже.

– А еще сказала так: «Я хочу, хотя бы однажды, разделить все тяготы с любимым».

– Это с тобой, что ли? – удивился Гэд.

– Да, – смущенно ответил Бармокар.

– Послушай, брат, – сказал Гэд, – мы имеем дело с настоящей любовью, что ли?

– Кто это – мы?

Гэд призадумался: оскорбил, что ли, своего друга? И он объяснил:

- Я имею в виду тебя и Рутту.
- Допустим.
- Обиделся, что ли?
- Нет.
- Послушай, ты не ставь меня в глупое положение. Я познакомил тебя. Я уступил ее тебе. И ты же на меня в обиде?
- Нет.
- А в голосе твоём – гнев.
- Я сердит на себя.
- Не будем ссориться. – Гэд обнял друга за плечи. – Лучше показал бы мне ее. Как она выглядит в этом индусском наряде?
- Хорошо выглядит.

Бармокар походил на драчливого барана. Он и в самом деле готов был подраться – как-то по-дурацки вел себя этот Гэд. Мало ли что случилось прежде с Руттой? Было, да сплыло! И незачем Гэду совать нос в чужое дело. Любовь его не касается...

- Я же к тебе по-братски отношусь, Бармокар.
 - И я.
 - Так в чем же дело? Веди меня к ней. Покажи ее.
 - Они готовят слонов к переправе.
 - Это хорошо. Пойдем поглазеем. Скоро и нам придется лезть в воду...
- Бармокар колебался, а потом вдруг кинулся вперед, в темень, и крикнул:
- Пошли!

Двигались они вдоль берега, туда, где горели костры. Здесь суеилось много людей: плотничали, забивали гвозди, вязали бревна. Начальники требовали тишины. И чем больше пытались понизить голос, тем больше гудел ночной воздух. А река каким-то странным образом усиливала звуки.

Бармокар показал рукой на плотников, орудовавших топорами. При свете костров они казались очень ловкими и очень сильными. Гано Гэд обратил внимание на плоты, которые вязались не на реке, а прямо тут же, на берегу. Строились плоты на протяжении многих стадий. Были бревна и особенно мощные. Для чего они?

- Мне Рутта объяснила, – сказал Бармокар.
 - Где же она?
 - Вон там. – Бармокар неопределенно ткнул пальцем в темноту.
 - Мы ее увидим?
 - Отчего же? Навестим Рутту... Так вот, эти плоты вяжутся для слонов. Слоны тяжелые, но плоты их выдержат. Ты только посмотри: что за толщина у этих бревен!
 - Да, бревна исполинские... А зачем этот дерн? Ты видишь огромные кучи дерна?
- Бармокар сказал:
- Верно, дерн. Плоты будут подогнаны к самому берегу. Их привяжут, а берег с плотами соединят дерном. Для слонов это. Их путь будет устлан дерном, точно зеленым ковром. Ты уразумел этот хитрый замысел?
 - Не очень.
 - Чудак человек! Слоны – не люди. Они не полезут в воду, то бишь на плоты.

Поэтому требуется обман – этот самый дерн. Слонов погонят по зеленой дороге. А когда они окажутся на плотках – веревки перережут и плоты поплывут к тому берегу.

– Разве на том берегу нет врагов? – спросил Гано Гэд.

– Не знаю.

– Как так – не знаешь? А в кого угодили нынче камнем? Прямо в висок. Ты позабыл?

– О врагах думает сам Ганнибал. А о слонах позаботятся Рутта и ее товарищи,

Гано Гэд усмехнулся:

– Что же, теперь мы зависим от Рутты?

Бармокар чуть не вскипел, но сдержался. Может, Гано Гэд просто ревнует. В таком случае его вполне можно понять... Бармокар заметил:

– И от Рутты – тоже. Мы связаны одним канатом. У нас теперь одна судьба. Может, нам суждено...

– Нет! Нет! – перебил его Гэд. – Судьба сулит только одно: победу! И в этом смысле мы связаны одной нитью, одной веревочкой. Разве нет?

Бармокар что-то пробормотал.

– Я скажу так: победа есть богатство. – Гэд отчеканил: – Для тебя, для Рутты, для меня, для всех. Мы наконец переберемся в хорошие дома, у нас будут сады. Будут сады – значит, будут и птицы, а где птицы – там и любовь. Разве нет?

– Да, любовь, Гэд.

Гэд был в ударе:

– Предчувствие меня не обманывает: у меня чешется левая ладонь. Это к золоту. Мы с тобой пройдем через огонь, через воду, мы пробьемся через любую преграду – и найдем то, что ищем.

– Да, так сказал он.

– Именно он! А я ему верю. Верю, как себе. А ты?

Бармокар был откровенен, как младенец:

– Сначала я не верил. Потом ты поколебал мое неверие. Окончательно убедила меня Рутта. А сердце у нее вещее.

– Ты думаешь? – Гэд положил руку на плечо друга. Рука была тяжелая. – Учти: женский нрав переменчив. Сегодня она изменила тому, потом – мне, а завтра?

– Что завтра? – тревожно спросил Бармокар.

– Ничего. – Гэд по-солдатски смачно высморкался.

Костры горели буйно. Пламя рвалось ввысь. Поленьев не жалели.

– По-моему, они все видят... – сказал Бармокар, наклонив голову в сторону реки.

– Ну и пусть.

– Они, наверное, не боятся нас...

– Они? – Гэд плюнул в сторону врагов. – Что могут они против ста тысяч и сотни слонов?

Бармокар пожал плечами. А Гэд горячо продолжал:

– Оглянись вокруг: ведь костров на земле больше, чем звезд на небе. Ты погляди, погляди!.. А долбленки видишь? Вон их сколько на берегу! Считай – не сосчитаешь. Они мигом доставят нас на тот берег... Нет, брат, тут все продумано. И ничего не жаль.

А знаешь почему? Потому что нам нужна только победа. А иначе Карфагена не будет. Значит, не будет и нас. Значит, закуют нас в цепи и заставят пахать римские поля вместо быков. Ты меня понял?

– Почти, Гэд.

– Почему – почти? Разве я говорю какие-то премудрости? По-моему, все ясно.

Бармокар слышал великий шум. Глаза его видели работу многих тысяч людей. Костры горели ярко, негасимо. Казалось, весь мир был занят только одним: подготовкой великого войска к переправе на тот берег. И в самом деле все делается не жалеючи: достаточно рук, достаточно бревен, достаточно веревок и гвоздей, достаточно денег. Все в полном достатке. Глядя на то, что творится вокруг, Бармокар не мог представить себе силу, которая могла бы противостоять этой. Судьба Рима наверняка решена, предрешена, предопределена... Но кем? Богами? Судьбой? Ганнибалом?..

Бармокар спросил друга:

– Риму – конец?

Гано Гэд рассмеялся:

– Глазам своим веришь? Ушам своим доверяешь? Мне веришь? В крепость Ганнибалова слова уверовал? Или еще нет? Подумай, умная ты голова, Бармокар! Кто эту силу сломит? Рим? Разве римские корабли могут ходить по суше? Не могут! А теперь думай сам и отвечай сам себе. Или ты хочешь все от меня услышать?

– Хочу, Гано, хочу...

– Так слушай... – Гано Гэд вытянул руку вперед. – Ты видишь все собственными глазами. Сколько здесь войска?

– Не сосчитать.

– Верно. – Гэд заговорил горячо, убежденно: – Я скажу так: вот закончим поход, пограбим Рим, – а там есть что грабить, – и вернемся домой. Я женюсь. Куплю себе домик. Знаешь – где? Не в Карфагене. В Утике – вот где! И заживу с какой-нибудь молодой нумидийкой. Они не избалованы, хозяйки отменные и в постели заставят потеть. Я их знаю. А ты прихватишь Рутту. Верно, прихватишь?

Бармокар кивнул.

– Почему бы и нет! Золота у тебя достанет к тому времени. Дом у тебя и сейчас неплохой. Сможешь купить рыбацье суденышко и – поплывешь по волнам. Разве плохо?

Бармокар вздохнул, сладко прикрыл глаза: да, это его мечта – дом, жена, дети. Но так, чтобы в доме был полный достаток. Ибо нищенства – хоть отбавляй. Достаток нужен! Верно, в Риме всякого добра отыскать можно, если пошарить как следует. Римляне сами пограбили немало. Пусть поделятся – это было бы справедливо! Ганнибал пока что держит свое слово. Сдержит, наверное, и главное – Риму спуска не даст!

– Однако где твоя Рутта?

Бармокар открыл глаза, как после сладкого сновидения. Где Рутта? Там, где слоны. Надо поискать слонов. Ежели здесь мастерают плоты для них, стало быть, они где-то рядом. Не за теми ли деревьями?

– Гэд, мне кажется, что надо туда.

– А что там?

– Там деревья. И должно быть, слоны.

Они направились к густой чаще, в которой содержались слоны. Туда вела основательно протоптанная дорожка, по которой водили исполинов на водопой.

Бармокар уверенно шагал, кинув другу через плечо: «Иди за мной».

– А мне рассказали забавную солдатскую шутку, – сказал Гано Гэд, чтобы скоротать время.

– Люблю шутку. Особенно – солдатскую.

– Так слушай... Значит, спрашивают одного ливийца: «Кого бы ты выбрал в жены, ежели тебе разрешили бы иметь четырех?» Ливиец подумал, подумал и сказал: «Гречанку, иберийку, римлянку и карфагенянку». – «Почему их?» – спрашивают его. «Очень просто, – отвечает солдат, – гречанка экономно вела бы хозяйство, иберийка танцевала бы с утра до вечера, а римлянка занималась бы со мной любовью с присущим ей азартом». – «А что же карфагенянка?» – спрашивают солдата. «Я бы, – говорит, – на ней вымещал всю свою злость, когда бы меня сердили, и она покорно все сносила бы»...

И Гано Гэд захохотал, да так, что не слышал, смеялся Бармокар или молчал. Вдоволь нахохотавшись, он спросил:

– Ну как? Прав солдат?

– Не знаю, Гано.

– Но ты посоображай.

– Скажу, как брату... – И Бармокар замолчал.

– Говори-говори...

– Не засмеешь?

– Даю клятву перед богами...

– Ладно, Гано, скажу тебе так: Рутта, иберийка, в любви похлеще римлянок...

– Да ну? – изумился Гэд, будто не он свел свою прежнюю любовницу с Бармокаром. – А как тебе понравился ответ ливийца?

– Он, видимо, большой чудак, – заметил Бармокар и, круто свернув направо, пошел напрямиком на огромный костер. Вокруг сидели солдаты, что-то жарили на вертелах и, весело переговариваясь, пили вино.

– Эй, милейший, – позвал одного из них Бармокар. Невысокий стройный индус откликнулся на зов и живо бросился к Бармокару.

– Это вы? – прошептал индус.

Пращники стояли, освещенные кроваво-красными языками пламени. За их плечами начиналась темнота – хоть глаз выколи! – и мир, казалось, тоже кончался там, где начиналась темень.

– Пришли навестить, – сказал, словно бы оправдываясь, Бармокар.

– Спасибо. Вы, как всегда, вместе.

Гано Гэд рассмеялся:

– Как положено друзьям.

– Как твои слоны, Рутта?

– Неплохо.

Бармокар сказал:

– Мы шли сюда, и Гано рассказал веселую солдатскую шутку. – И неловко пересказал анекдот.

– Не смешно, – сказала Рутта.

– Разве? – удивился Гэд.

– Не смешно, Гано.

– А почему?

– Очень просто. – Рутта понизила голос до шепота: – Я одна могу заменить всех четырех жен.

– Ай да молодец! – похвалил ее Год. – Я подозревал, что индусы удивительный народ. А теперь в этом уверен.

Бармокар восхищенно глядел на Рутту.

– Такого воина я не променяю на дюжину тяжеловооруженных.

Ганнибал в своей походной палатке выслушивал доклады военачальников. Он сидел меж двух светильников, выдвинутых вперед, чтобы лучше видеть лицо собеседника. Из докладов явствовало:

Первое: плоты для переправки слонов на тот берег делаются настолько быстро, насколько это возможно.

Второе: долбленки в количестве четырехсот пятидесяти уже готовы. Но это только небольшая часть, их с каждым днем все больше и больше.

Третье: небольшие плоты почти готовы, и на них можно переправить до тридцати тысяч солдат.

Четвертое: галлы доставили много зерна и фуража для лошадей и слонов.

Пятое: заказано про запас десять тысяч щитов на римский лад и столько же мечей, тоже на римский лад...

– А о шестом скажу сам, – проговорил Ганнибал. – Стало быть, так: Альпы вполне проходимы, через них шли галлы задолго до нас. В свое время я прикажу более подробно рассказать об этом всем воинам. И нет там никаких вершин, подпирающих небо, как нет пропастей, достигающих подземного царства... Пожалуй, все...

– Нет, не все, – подал голос Махарбал, начальник конницы.

Ганнибал бросил на него недоуменный взгляд.

– А Массалия?! – воскликнул Махарбал. – Там полным-полно римлян.

– Они давно там, Махарбал. Разве это новость?

– Да, новость, – горячился Махарбал. – Вот что скажу: их число за последние дни утроилось.

Ганнибал задумался.

– Вот что... – Он все еще раздумывал. – Вот что, Махарбал: ты завтра же отправишься вниз по Родану. Возьми с собой пятьсот всадников. И завтра же сообщи.

– Я это сделаю.

Ганнибал обратился ко всем:

– Переправу начнем послезавтра. Наравас, ты собери тысячу воинов и сейчас же – ночью – отправляйся вверх по Родану, но не далее, чем на пятьдесят стадий. Там ты

переправишься на тот берег, зайдешь в тыл и дашь знать о себе дымом большого костра. Это послезавтра. На рассвете. Завидев дым, мы перейдем Родан. Ты ударишь им в спину, ну а мы примем удар своей грудью. Ясно говорю?..

Альпы стоят стеною

Несметное Ганнибалово войско двигалось вверх вдоль берегов Исавра. Хорошо отдохнув после форсирования Родана, воины наслаждались видом цветущей долины. Известно, однако, что красота долин не имеет особой цены, если они прекрасны только сами по себе, если она, красота их, не сочетается с тучными полями и богатыми садами. Здесь, на берегах Исавра, все было гармонично: было чем любоваться и чем полакомиться. Даже не верилось, что где-то там, на юге, поджидают Ганнибала какие-то злодеи. Казалось, карфагеняне шли куда-то в глубь Европы, в сторону северных галлов, что ли.

Чем дальше на север, тем выше, тем белее, тем неприступнее становились горы. Они вздымались по правую руку, в то время как по левую тянулись зеленые, чуть холмистые земли разноплеменных галлов. Куда же вел свои полчища Ганнибал? На север, чтобы...

– Да, – резко проговорил Гано Гэд, – на север, чтобы потом повернуть на юг. Думать надо!

И тогда те, кто шел рядом с ним, неподалеку от него – справа и слева, – разом, как по уговору, повернули головы в сторону солнца. И что ж увидели они? Невообразимые нагромождения гор. Они увидели нечто высоченное, окрашенное в ослепительно-белый цвет. Они увидели такое, от чего впору волосам дыбом вставать.

– Да, – говорил Гэд, – это льды и снега. Кто пробовал настоящий горный лед?

– Пиренейский, что ли? – спросил некий солдат из молодых.

– Хотя бы пиренейский.

– Я, например.

– Так вот, – стал поучать Гэд, – ты забудь о нем. То был не лед, а просто так... забава детская. Настоящий лед там... – И он указал на Альпы.

– Ты бывал там, что ли?

И Гано Гэд соврал, как врет порой бывалый солдат:

– Еще бы! Доводилось...

Альпийские вершины особенно ярко сверкали в солнечный день. Даже не верилось, что это льды или снега. Почему же не тают они под лучами солнца? Разумеется, тают, да еще как! Если бы дело обстояло иначе, то откуда бы взялась эта красивая река Исавр с ее красивыми берегами? Вот как шибко несет она свои воды на зимний Запад², к Родану! А где родились эти воды? Там, у самых ледников, ослепляющих воинов своей белизной, по сравнению с которой римская известка воистину серого цвета.

Гано Гэд шагал с высоко поднятой головой. Его башмаки оставляли четкие следы на плодородной галльской земле. И он гордился этим: ведь ни один карфагенянин еще не ступал здесь. А Бармокар отставал от него. Не потому, что был слабее. Нет, он просто пытался держаться поближе к Рутте, которая была со слонами. Слоны не очень торопились, да их и не особенно торопили. Слон – на то он и слон, чтобы шагать основательно, уверенно, шагать наверняка: шагать и дойти до цели. Очень важно дойти

именно до цели, а иначе зачем вся эта затея с великим походом через невиданные горы?

Чем дальше в глубь материка продвигалось карфагенское войско, тем настойчивее тревожил вопрос: а все-таки проходима ли эта стена, подпирающая небо, стена, именуемая Альпами?

На прекрасном привале среди леса и лесных полян в послеобеденную пору Гано Гэд повстречал Бармокара. Разумеется, коренастый пращник находился недалеко от слонов, то есть от своей ненаглядной Рутты.

– Послушай, брат, – весело обратился к нему Гэд, – ты особенно не липни к этому индусу. Это тебе не римское войско. У нас не любят мужеложства.

Бармокар обиделся:

– А кто тебе сказал, что липну?

– К примеру, я. – Гэд широко улыбнулся.

– Не дури, – огрызнулся пращник. А подумав, сказал: – Говоря откровенно, ты немного прав. Липну. Тороплюсь. Не думаю, что там, – он кивнул на горы, – любовь особенно расцветает. А тут что творится: солнце, трава, птички...

– Пожалуй, – согласился Гэд. – Не стоит терять времени... Но где же Рутта?

– Она придет, – уверенно сказал Бармокар. Он с удовольствием вдыхал пряный воздух и без особой охоты время от времени взирал на белую стену, поднимающуюся до самых небес. Спросил друга: – А ты знаешь, что там?

– Знаю.

– Что же?

– Льды и снега.

– А еще?

– Брат мой, не заглядывай так далеко. Ты лучше найди укромное местечко и задери подол этой Рутте.

– Гано, я же просил тебя...

– Ладно, не буду. Ты же знаешь – я груб, неучтив, прям, как этот палец. – Он продемонстрировал свой заскорузлый указательный палец карфагенского рыбака.

– Рутта для меня – больше чем жена... – объяснил Бармокар.

Гэд немного подивился, а потом угадал:

– И жена, и любовница?

– Если угодно, Гэд. – Бармокар с грустью глядел на высоченные горы, каких в жизни не видывал и не подозревал, что такие вообще существуют.

Гэд угадал, что именно чувствовал в эти мгновения Бармокар. Хлопнул друга по плечу:

– Все будет хорошо.

– Ты уверен?

– Уверен. А знаешь почему?

– Нет, не знаю.

– С нами Ганнибал. С ним не пропадем!

Невдалеке на лесной прогалине показался хрупкий индус. Бармокар бросился ему навстречу.

Махарбал, начальник конницы, вышел из палатки командующего. Исподлобья глянул на горы: они ему не нравились. И красоты никакой не замечал – просто нагромождение гигантских глыб, из льда и снега сотворенных. Не любоваться ему хотелось, а думать – думать о том, как его кони поведут себя на узких ледяных тропах. Одно дело Пиренеи, а совсем другое – эти Альпы, сплошные снежные стены до самого неба! Чем больше слепили эти горы, тем мрачнее становился Махарбал. Зная крутой нрав начальника, подчиненные обходили его, пытались не попадаться ему на глаза.

– Любуешься? – услышал за собой Махарбал голос Ганнибала.

Не повернув головы, Махарбал обронил:

– Нет.

– А я любовался не менее часа.

Ганнибал приставил ладонь козырьком ко лбу, внимательно присмотрелся к горам, так внимательно, словно искал давно знакомую вершину или сызмальства знакомое ущелье.

– Вон там, правее этой вершины... – Ганнибал указал рукою на пик. – Там лежит перевал. Те, которые живут по эту сторону гор, называют его Волчьим, а те, которые по ту сторону, – Крутобоким. А теперь переведи глаза левее. Еще левее. Это – перевал Глухой. А почему Глухой – неизвестно.

Махарбал точно не замечал перевалов – мрачно глядел исподлобья, как ассирийский бог. Ганнибал сказал:

– Махарбал, не волнуйся прежде положенного часа...

– Я и не думал волноваться.

– Что же ты стоишь мрачнее тучи?

– Смеяться, что ли?

– Но не горевать же?

– Меня заботят кони...

– А меня, Махарбал, и кони, и слоны, и люди. Все сто тысяч воинов.

– Сто тысяч? – удивился Махарбал.

– Не сто – так девяносто. Тоже не горстка.

– Это верно.

– Так что же ты думаешь об этих горках?

– Горках? – Махарбал криво усмехнулся. – Я скажу тебе так: по-моему, не слыхано от века, чтобы такое великое множество людей, какое набрал ты, и в такое время года перевалило через этот снежный часток. Оставим все в стороне, возьмем в расчет только слонов... Хочу знать, как эти махины прошагают по скользким тропам? Когда я думаю об этом – мороз по коже...

– В самом деле?

– Да, Ганнибал, да! Я воин и привык говорить прямо.

– Ты – воин? Это неправда, Махарбал! Ты – полководец. Вот кто ты. – Ганнибал крепко сжал кулаки и поднес их к своему подбородку. – Пол-ко-во-дец! Вот кто!.. И ты не имеешь никакого права рассуждать, как рядовой воин. Скажу тебе: если будешь считать людей – дело пропало! Твое дело идти вперед. Одни – погибнут, другие –

дойдут... Да будет тебе известно, что тысячи и тысячи людей – воинов и купцов – переходили через эти горы. Это я установил доподлинно. Мало того. Перевалов в этих горах не два и не три. Значительно больше. Неужели ты полагаешь, что те, кто шагал через них, смелее нас?! Не вернее ли предположить обратное?

Ганнибал был вроде бы спокоен. Но только внешне. Он полагал, что среди ближайших его помощников не должно быть ни одного маловеера. Ни одного! Если будет необходимо – он отпустит на все четыре стороны любого, кто засомневается в успехе похода.

– Я обещал прогулку. А разве не была прогулкой вся дорога от Нового Карфагена до здешних мест? Можешь ответить на этот вопрос откровенно, положив руку на сердце?

– Могу, Ганнибал.

– Так отвечай же!

– Отвечу: мы победим, но это не будет прогулка. По крайней мере – там...

– Ты полагаешь, что там – пустыня? Ливийская пустыня?

– А что же?

– Люди живут на этих склонах.

– Они едят, спят?

– Нет, не спят! – Ганнибал заскрежетал зубами, и Махарбал верно рассудил, что не следует далее испытывать судьбу.

– Я все это говорю к тому, что размышляю. Только и всего. Но ежели руку положить на сердце, то скажу: мы победим.

– Перевалив через них?

– Да, через эти горы.

Ганнибал кивнул. Он сделал несколько шагов вперед и, заметив двух пращников, сделал им знак подойти к нему. Те мигом ускорили шаг и застыли перед Ганнибалом. Они не смели отвести от него глаз.

– Имя мое Гано Гэд. Карфагенянин.

– А ты? – Ганнибал посмотрел на Бармокара.

Тот молчал.

– У него есть язык? – спросил Ганнибал Гэда.

– Это мой друг Бармокар.

– Вы видите эти горы?

– Да! – воскликнул Гэд.

– Вижу, – сказал Бармокар.

– Что вы думаете о них?

Гэд рявкнул:

– Перескочим!

– Как ты сказал? – Ганнибала резануло это слово – «перескочим».

– Это в порту так выражаются.

– В каком порту?

– Карфагенском.

– Ладно, – сказал Ганнибал, – не в слове суть, а в том, как произнес его. Суть в

вере твоей.

– Это так.

– Ну а что скажешь ты? – Командующий обратил вопрос к Бармокару.

– Я? – Пращик выглядел растерянным. В его глазах как бы усилился испуг.

– Что с ним? – спросил командующий Гэда.

– Ничего, он боготворит тебя... И все от этого...

– Язык запал, – усмехнулся Махарбал.

– Точно! – Гэд разинул рот до ушей.

Этот бравый солдат производил хорошее впечатление: и ростом вышел, и верой силен, и преданностью отмечен...

– И все-таки?.. – Ганнибал с любопытством рассматривал Бармокара.

– Я сам вызвался в поход, – проговорил наконец пращик.

– Похвально.

– Я жду победы.

– Хорошо говоришь. А что скажешь о них? – Ганнибал указал на горы.

– Немного побаивался, но теперь привык.

– Не привыкать надо, но покорять, – жестко проговорил Ганнибал. Брови его грозно сошлись над переносицей, губы сжались в тугую мышечный комок.

– Эй, пращик! – сказал Махарбал. – Выкинь из головы мутную мысль, а из сердца – сомнение.

– Я не сомневаюсь, я просто думаю. Как всякий человек.

Ганнибал переглянулся с Махарбалом. Начальник конницы скрестил руки:

– Пращик, не думать надо, но действовать. За тебя подумают...

– Да, да! – воскликнул Гэд, желая сгладить неважное впечатление, которое производил его друг.

– За меня? – Бармокар пожал плечами.

– Не отправить ли его в Карфаген? – проговорил Ганнибал.

– Нет, нет! – взмолился Бармокар. – Я пойду до конца.

– Хорошие слова, – сказал Махарбал.

А пращик в эти мгновения думал о Рутте – о смелой, милой, хрупкой и сильной Рутте. Нет, он никогда от нее не отступится, пойдет в снега, на льды, даже в само подземное царство. С нею ничего не страшно.

Ганнибал возложил свою руку на плечо Бармокара:

– Скажи: есть у тебя отец, мать?

– Есть, великий господин.

– А жена?

Бармокар молчал.

– Может, невеста, а?

– Наверное...

Ганнибал хлопнул по плечу пращика:

– Напиши им письмо, что ты скоро вернешься...

Бармокар кивнул.

– ...что вернешься при деньгах...

Бармокар снова кивнул.

– ...что деньги будут немалые...

– Исполню в точности.

– ...что добыл хорошее состояние...

Бармокар опять кивнул.

– ...что походы были нетрудными...

– Да, да...

– ...что победа далась быстро... Словом, понял меня?

– Да, великий господин.

– А ты, молодец, – Ганнибал оборотился к Гано Гэду, – тоже напиши своим. У тебя есть уши, и ты все слышал...

– Разумеется, великий господин.

– Ну, Махарбал... – Ганнибал с удовольствием потер руки, – теперь, надеюсь, эти горы не так пугают тебя.

– Они меня никогда не пугали, – проговорил Махарбал.

– Очень все это хорошо! – Ганнибал посмотрел на горы. – Я знаю, что в любой горной складке. Знаю, кто притаился с камнем за пазухой, кто ждет не дождется нас, кто предан Риму и кто ненавидит его. Мне известно все о любой тропе в этих горах. Скажите об этом всем. Пусть знают это все.

– Обещаем! – сказали в один голос Бармокар и Гэд.

– И главное – не хныкать! – Ганнибал кому-то погрозил пальцем. – Не хныкать!

Пращники попятились, а затем живо удалились от палатки командующего. И уже там, в лесочке, Гэд спросил:

– Какая злая сила понесла нас к этой палатке?

– И никто не задержал нас, – удивлялся Бармокар.

– Кому мы нужны?

– Вспомни, Гэд, как закончил свою жизнь...

Бармокар имел в виду Гасдрубала, сменившего на посту командующего в Испании великого Гамилькара, отца Ганнибала. Гасдрубал погиб от руки раба-убийцы. Может быть, подосланного. Кто это может знать доподлинно?..

– Ты как дитя, – насмешливо произнес Гэд. – Неужели полагаешь, что мы были одни с командующим?

– Я никого больше не видел, Гэд. Кроме Махарбала.

– И не увидишь. Только не вздумай хвататься за кинжал – тебя мигом схватят невидимые руки.

– А я и не подумаю. Я, кажется, начинаю любить его.

– Начинаешь? – Гэд захохотал. – Ты обязан любить. Притом давно. Ведь ты его пращник. И если надо, то ляжешь за него костями.

Бармокар пожал плечами и промолчал. Он спрашивал себя: был ли он искренен, отвечая на вопросы Ганнибала, или же поддался неведомым чарам, исходящим от полководца? Разве не грызло его сомнение перед тем, как он принял решение идти в этот поход и отказался от домашнего очага в родном Карфагене? Почему он не сказал прямо, что идет в поход под влиянием Рутты – испорченной девицы-иберийки?

Побоялся? Устыдился? А может быть, это Гано Гэд повинен во всем? Ответить однозначно на эти вопросы невозможно. На них не ответил бы даже его старый дед, который учил грамоте и сам знал кроме финикийской также египетскую, греческую и вавилонскую грамоту.

«Гано Гэд идет вперед не раздумывая. Он уверен. Он целиком полагается на командуемого. Но разве Ганнибал бог? Разве избавлен он от ошибок? И не содержит его решение идти через Альпы на Рим роковую ошибку? Каково влияние на меня Рутты? Неужели столь велика любовь, что с нею не страшна эта огромная снежная стена, поднявшаяся до неба?»

Так думал Бармокар, шагая рядом со своим другом. Тот насвистывал веселую песенку карфагенских грузчиков. Он выглядел молодцом, шагал браво и вовсе не думал ни об Альпах, ни о Риме, ни... Бармокар решил спросить друга, о чем думает он в эти мгновения.

– Я? – словно бы не расслышав, сказал Гэд.

– Ты.

– О чем думаю? – Гэд остановился, запрокинув голову. Вверху плыли причудливые облака – белые-белые, как египетский хлопок. – Ты спрашиваешь...

– Именно. Спрашиваю.

– Облака, – сказал Гэд. – Какие они смешные. Одно похоже на собаку, другое – на задницу. Клянусь богами, на задницу милой Рутты.

– Ты не можешь без грязи... – Бармокар тоже запрокинул голову. Тоже увидел облака. Они большими стаями гонялись друг за другом по ярко-голубому небу. При желании в каждом пузатом воздушном существе можно было признать кого угодно: верблюда, парус, дикого кабана, воина, лошадь и даже задницу.

– Ты счастливчик, – сказал Бармокар. – Сделай и меня счастливым.

Гэд удивленно взглянул на него.

– Счастливым? А разве ты увечный?

– Нет, не увечный.

– Так в чем же дело?... Ты шагаешь по прекрасной земле, катаешься как сыр в масле со своей Руттой, тебя ждут слава и богатство... В Сагунте отделался всего-навсего этим шрамом на щеке. А ведь мог бы... Мало тебе этого?

– Нет, не мало.

– Так в чем дело? Любишь копаться в своей душе, гневить великих богов. Да посмотри ты на себя: голова на месте, ноги-руки целы, бока – тоже. Разве всего этого мало для счастья? Разве?... – Тут он запнулся, заметив Ахилла-грека, пожиравшего ляжку какой-то дичи. – Послушай, Ахилл!

Грек подошел. Это был Геракл после нового подвига.

– Что это ты жрешь, Ахилл?

– Эта? – Ахилл поднял кверху добрый кусок ярко-алого мяса на ярко-белой кости.

– Эта? Мяса, Гэд, мяса. Кабан знаешь? Ее ног.

– Где ты раздобыл?

– Там, – неопределенно объяснил грек.

– Пахнет, как финикийская смола.

– Это плоха? – поинтересовался грек.

– Наоборот. Очень хорошо, Ахилл. Дай попробовать.

Ахилл протянул пращнику кабанью ногу. Гэд ловко откусил мясо, словно острым ножом отрубил.

– Ну и пасть! – изумился грек. Это он произнес на родном языке. – Ты – африканский лев. Хочешь? – обратился он к Бармокару.

– Нет, не хочу.

– Не хочешь – как хочешь, – рассмеялся грек. – Я буду говорить по-эллински. Хорошо?

Бармокар сказал:

– Валяй, мы понимаем и по-эллински. Кто живет в карфагенском порту, все языки понимает.

– И ты? – спросил Ахилл Гэда.

– И я.

– Ахилл, ты – человек с головой, – сказал Бармокар. – Одно слово – грек.

– Да, грек. Мы все, греки, с головами.

– Это как сказать, – усомнился Гэд.

– Так и сказать: все с головами.

– Допустим, – продолжал Бармокар. – Скажи мне, но только откровенно: что ты думаешь об этих горах?

– Этих? – Грек кивнул в сторону гор.

– Да, этих самых.

За него ответил Гэд:

– Чего думать?! Когда придем к ним – тогда и поговорим. А сейчас что говорить? Только язык точить. Вы знаете про ливийский перец? Он как огонь во рту. Вот такого перца мы зададим Риму – тогда обо всем и поговорим. Меня поняли или не поняли?

Ахилл отрицательно покачал головой:

– Ты немножко глупый... О таком знаешь как говорят в Аргосе?.. Такого, как ты, запросто схарчат в горах.

– Что такое – схарчат? – спросил Гэд.

– Что такое? Ничего такого – харч знаешь?

– Знаю.

– Значит, схарчат. Потому что ты думаешь, что сильнее всех. И этих гор тоже.

Гэд и Бармокар покатались с хохоту.

– Артисты! – сказал грек и принялся пожирать кабанье мясо. Живо расправившись с ним, отбросил кость в сторону, вытер ладонью засаленные губы: – Теперь ясно вам? Схар-чат!

– Ясно, ясно! – сказали пращники.

– То-то же! А теперь слушайте. Что такое Альпы? Альпы – это горы. Что такое горы? Горы – это высокая земля. Та же равнина, та же пустыня, только изуродованная. Ясно? Это немного по-философски – но ничего. Это так. Но не совсем. Потому что эта неровная земля посыпана снегом. Это плохо. Но не очень. Потому что у нас есть голова. Когда есть голова – ничего не страшно.

Гэд слушал разинув рот. А Бармокар щурил глаза: что значит – та же равнина, но немного изуродованная? Это же белиберда какая-то. Может, даже философская.

– Мы сейчас здесь, – сказал грек по-финикийски, подпрыгнул и снова твердо стал на ноги, не упал. – А потом будем там. – Он повернулся к горам и плюнул в их сторону. – Вот так мы плюнем на Рим. Как у вас скажут? С высокого дерева?

– Да, с высокого, – подтвердил Гэд.

– Я гаварю. Я все знал, когда гаварил, – хвастал грек на ужасном греко-финикийском. – Наш Ганнибал имеет большую голову. Он бить Рим. И за Грецию тоже. Я сам слышал, как скажет Ганнибал: «Греция должна снова делать великая». А почему так скажет? Потому что мы, греки, и вы, карфагеняне, как братья. Вот так. – Ахилл сплел пальцы на своих руках. – А когда мы так, кто бить будет? А Рим – что? Он за гора. Они пьют и спят с женщина, они думают, что как боги на Олимпе. А они не ведают, что на Олимпе паши боги, что Олимп нас, гресеский. Верно говорю?

– Верно! – подтвердил Гэд. – Но ты объясни мне, Ахилл: почему меня схарчат в горах, а тебя – нет?

– Меня? – Грек ухмыльнулся. – Сутка скасал. А Бармокар как скажет?

Бармокар мялся. Ему показалось, что рано хоронят Рим. Рим – большая сила, и ее сломит только большая сила. И еще: эти горы, которые стоят могучей стеной перед самым носом, не такие простые, как это представляется Гэду. Скажем, люди пройдут через перевалы, а слоны, а кони?

– Этот, – Ахилл указал на Бармокара, – многа, многа думай. Это осень, осень плоха. Сто есть сизнь воина, а? Сто есть? Война есть, а не философия Аристотеля там или Сократа там...

Гэд заступился за товарища:

– Ахилл, я открою тебе секрет: Бармокар влюблен.

– И сто зе?

– Ничего. Просто влюблен.

Грек – этот Геракл – вдруг неподобающе захихикал:

– Когда много солота будет, будет много зенчин, будет многа, многа любов-в-в!..

Во льдах и снегах

Четвертые сутки подряд валит снег. Как бешеный. Иногда кажется, что это дождь. Тучи опускаются все ниже и ниже – до них можно рукой достать. Слева – снег, справа – снег, под ногами – лед. Все белым-бело. Это и есть Альпы? Или настоящие Альпы, то есть нечто еще более страшное и опасное, еще впереди?..

Там внизу, в долине Исавра, Ганнибал говорил на солдатских сходках. Он высмеивал трусов и маловеров, изничтожал едким словом тех, кто вздрагивает при слова «Альпы». Можно подумать, говорил он, что полчища галлов не проходили в этих местах по пути в Цизальпинскую Галлию! Только люди, вовсе выжившие из ума, могут полагать, что Альпы – это сплошная ледяная или снежная стена. Смелый воин пройдет через Альпы легче, чем через рыжий песчаный холм где-нибудь в ливийской пустыне. Слишком близка победа, слишком велико богатство, лежащее по ту сторону Альп, чтобы думать о трудностях. От каждого зависит, что станет с этим богатством... Командующий может сказать наперед, что римское золото попадет в руки доблестного войска, штурмующего Альпы. Ведь эти горы – последнее препятствие на пути в Рим. Позади – много тысяч стадий, верный путь только один – вперед! Но тот, кто не в состоянии преодолеть страх перед снегами и льдами, может повернуть назад. И пусть пеняет на себя, ежели погибнет, ибо галлы не щадят отставших, одиноких беглецов. Еще и еще раз каждому надлежит зарубить себе на носу: победа рядом, до золота можно дотянуться голой рукой, слава идет на шаг впереди любого смелого воина. Вот и вся речь!

Ганнибал без усталости говорил на сходках – перед тяжеловооруженными, пращниками, всадниками, погонщиками слонов, обозниками. Командующий не щадил ни сил своих, ни слов. Пусть все берут пример с него: он вместе со всеми, он дышит со всеми одним воздухом, ест одну пищу, спит на одной земле, пьет одну и ту же воду!..

Воины понимали, что хода назад не будет. Есть одна возможность, чтобы сохранить свою жизнь: идти вперед и бить врага, одолеть его в мрачном городе Рима. Только разрушив римские стены, солдаты Карфагена могут считать себя настоящими победителями...

Гано Гэд слушал речь командующего, и душа пращника ликовала. Да, ему крайне необходимо золото, много золота! Он-то найдет ему достойное применение!

Бармокар понял одно: надо держаться вместе. Тот, кто отойдет в сторону – хотя бы на шаг! – погибнет.

Ахилл, хитроумный грек, немножко помрачнел, когда полил дождь, а потом пошел снег. В долине Исавра было лучше. Правда, Ганнибалу удалось снабдить войско новым оружием, запастись теплой одеждой и пищей. Искусные проводники честно исполняли свой долг, указывая наилучшую в этих горах дорогу.

Однако многие сильно приуныли, когда четверо суток непрерывно валит снег. Что ни шаг, то вопрос: что за крутым подъемом или спуском, что за ближайшей скалой? Только милость великих богов, их благоволение могут спасти человека в этих горах, которые скорее напоминают подземное царство.

Осенняя погода в горах уготовила Ганнибалову войску плохой прием. Но это не удивительно – погода от богов. А вот местные жители, которые дали слово держаться в стороне, – вдруг оскалились. Они бросали сверху каменные глыбы, кидали дроты, часто затевали рукопашную. Хорош был бы Ганнибал, если бы на мгновение поверил в благородство диких альпийских галлов. Командующий на всякий случай укрепил арьергард и находился все время начеку.

– Правда ли, что эти галлы или пес их знает кто, – спросил Гэд, – едят лед и снег?

Вопрос был обращен к Ахиллу.

Бармокар тоже слышал что-то подобное. В самом деле, правда ли?

Ахилл – хитроумный грек – ответил вопросом на вопрос:

– А правда, что нумидийцы жрут песок?

Пращники обменялись недоуменными взглядами. Гэд пожал плечами – вроде бы нет, нумидийцы не жрут песок.

– А-ха! – обрадовался грек. – Это вы снаете. Почему вы ресили, что эти горные или снежные люди – насыфайте как хотите – жрут снег?

– Мы ничего не решили. Мы слышали, – обиделся Бармокар.

– Вот скифы жрут конину, – сообщил грек на эллинском.

– А кто это такие?

– Народ. Там, далеко. – Грек посмотрел на небо, но на небе были сплошные черные тучи. – На востоке.

Разговор шел под скалой на узкой тропе, шагать по которой было так же просто, как по натянутому канату. Не туда ступил – лети в пропасть! А сколько воинов полетело в пропасть? Кто их сосчитает? Здесь только одно средство, если хочешь спасти свою душу, – плотнее прижимайся к скале и не засматривайся в черную пасть, готовую проглотить тебя.

А Бармокар думал не только, вернее, не столько о себе, сколько о Рутте. Говорят, несколько слонов уже там, в бездне ледяной, прожорливой. Говорят, вместе со слонами погибли и их погонщики. Как найти Рутту? Чем помочь ей?.. Это все равно что искать крохотную звезду на небе среди тысячи тысяч звезд.

– Думаешь? – участливо спросил Гэд. У него зуб не попадал на зуб.

– Думаю, Гано.

– О ней?

– О ней.

– Лучше о себе позаботься.

Не успел Гано Гэд произнести эти слова, как сверху посыпался снег – почти лавина. И вместе со снегом – камни, настоящие булыжники.

– Они! – закричал Ахилл.

– Нападение! – громыхнуло вокруг.

Что делать? С кем драться? Где же враг? Где-то наверху. А как достать его?

– Жмись к стене! – орет Гэд. – Прижимайся затылком!

Они лепятся к ледяной стене, а где-то впереди уже летят в пропасть и зовут на помощь маму. Прямо как малые дети. Здесь не то что мама, сам Ваалхаммон не поможет!

Гано Гэд пытается найти для ног более надежную опору и вдруг соскальзывает, будто хочет присесть на корточки. Солдатская котомка катится в одну сторону, галльская шерстяная шапка – в другую. Что это он вздумал?

И вот на глазах друзей, съезжившихся от холода, Гано Гэд медленно сползает вниз по тропе, к самой пропасти. Он пытается уцепиться за что-нибудь. Но это у него не получается, и поначалу становится даже смешно: большой дядя беспомощно барахтается словно в речке – раскидывает руки, дрыгает ногами. И вдруг Гано Гэд начинает орать не своим голосом:

– Помогите-е-е!

А пращники стоят и не двигаются – не могут взять в толк: шутка это или?.. Вот тут и срывается с места Бармокар, падает на колени, скользит по льду, хватая Гэда за ногу и чудом оттаскивает к стене. А потом уж и другие пращники дружно поднимают Гэда, ставят его на ноги.

– Живой? – спрашивают. И смеются. Точнее, гогочут.

Гано Гэд бледен, трясется, его бьет африканская лихорадка. Из носа течет кровь.

– Послушайте, – кричит один из пращников, – что же вы торчали, будто дохлые? Этот мог запросто сигануть в пропасть.

Гэда прошибает пот. Губы его шепчут невнятное...

– Что? – спрашивает Бармокар и сует ему в рот флягу с иберийским вином.

– Как это произошло? – спрашивает трясущийся Гэд.

– Лед же, – объясняет Бармокар.

А остальные жмутся друг к другу – самым худо, не до чужих бед.

– Я стоял, и земля вдруг ушла из-под меня, – шепчет Гэд. – Это очень коварная земля... Ты спас мне жизнь.

– Полно, – говорит Бармокар, – сам бы удержался...

– Я? – Гэд оглядывается на пропасть. – Я? Никогда! Я твой должник.

– Забудь про это...

– Нет, Бармокар, как можно забыть? Я стоял, и земля вдруг ускользнула. Я был беспомощен, как грудной младенец... Дай еще вина.

Глоток, еще глоток... Цвет возвращается к лицу Гано Гэда – розовеют губы, щеки, в глазах уже светится жизнь.

К нему пробирается сквозь толпу солдат – это грек Ахилл.

– Осторожно, – предупреждает его Бармокар.

Ахилл показывает ступни: башмаки перевязаны толстой бечевкой.

– Теперь ноги не скользят, – говорит Ахилл. – Надо всем перевязать ноги. А в веревку продеть железные гвозди. Это ясно вам? – Он говорит на родном языке, который не очень понятен.

А по рядам уже передают приказ командующего: всем рубить ступеньки на ледяной тропе, расширять ее, чтобы кони и слоны могли пройти. Ледорубы, изготовленные дружественным галльским племенем, пошли из рук в руки. Лед этот по прочности можно вполне приравнять к железу. Он раскалывался под ударами, с треском в стороны летели колючие, жалящие, как финикийские стеклышки, кусочки. Однако все трудились без усталости, всем хотелось, чтобы тропа стала пошире, чтобы

проклятые пропасти перестали проглатывать людей, слонов и коней.

По рядам воинов понесся новый приказ командующего: усилий не жалеть, долбить лед безжалостно, остерегаться коварных горцев, а завтра, на рассвете, сам командующий покажет всему войску нечто, от чего у каждого воистину вырастут соколиные крылья. И еще прошел приятный слух: до перевала меньше десяти стадий.

Сотники командовали:

– Сил не жалеть! Желанная цель близка!

Ахилл вдруг сообщил недобрую новость: два слона с пятью погонщиками исчезли в пропасти.

– Когда? – У Бармокара упало сердце.

– Только что...

– Где это?

– Там. За ближайшим поворотом.

Не говоря ни слова, Бармокар двинулся со всей возможной поспешностью к ближайшему повороту.

– Куда он? – опешил Ахилл.

Гано Гэд сказал по-эллински:

– Оставь его. Он скоро вернется. Его друг – погонщик слонов.

– А если сотник спросит?

– Разве сотник может помочь падающему в пропасть?

– Едва ли...

– То-то и оно, Ахилл. Давай делать свое дело, а сотнику я все объясню сам.

К полуночи тропа превратилась в довольно сносную дорогу. Работа разгорячила воинов. Они даже пошучивали. Казалось, страх сменился уверенностью. Да и снег вроде бы перестал...

– Где же твой друг? – спрашивал Ахилл Гэда.

– Разве он не появился?

– Я что-то не вижу.

– В Риме повстречаемся с ним, – пошутил Гэд.

Бармокар появился далеко за полночь. Он потребовал ледоруб и с силой вонзил его в звенящий лед. Пращник работал довольно долго, а потом распрямил спину и сказал:

– Он жив-здоров.

– В таком случае... – Гэд протянул руку. – Твою флягу, дружище!

Ганнибал проспал на медвежьих шкурах ровно два часа. Проснувшись, не мешкая вылез из-под теплых одеял.

– Явились? – спросил он легковооруженного телохранителя.

– Они там, у костра, – был ответ.

Ганнибал сделал глубокий вдох, подставил лицо крупным, водянистым снежинкам, растер их по лицу.

– Ну вот, – сказал он, – я умылся.

Вокруг костра, ради которого не пожалели с полдюжины крупных деревьев,

сидели Бомилькар, Бирикс, Наравас, Матос.

– Где Магон? – спросил Ганнибал.

– Я здесь, – ответил из темноты Магон.

– А Махарбал?

– Он горюет... – сказал ливиец Матос.

– По какому случаю? – Ганнибал насторожился.

– Не меньше полусотни коней свалились в пропасть.

– Так... – Ганнибал опустил на сосновый пенек.

– Эти негодяи, – Матос показал рукою на горы, что теснились с левой стороны, – устроили снежный обвал.

– Только кони, Матос?

– Нет, и воины.

Ганнибал прошелся взглядом по горным вершинам: сквозь снежную пелену они казались серыми, а дальние и вовсе терялись, смешиваясь с плотной теменью.

– Бывает, – сказал Ганнибал.

Длинноносый Бомилькар, начальник легковооруженных, закашлялся, попросил теплой воды. И сказал, грея окоченевшие руки возле жаркого пламени:

– У меня тоже грустные вести... – и взглянул на командующего, словно спрашивал: «Продолжать ли?»

Ганнибал кивнул.

– Это же война, – проговорил Бомилькар. – Вести на войне бывают разные. Я кое-что тоже припас... Так вот: донесения свидетельствуют о больших потерях. Мы лишились половины слонов, трети конницы и, с помощью богов, быть может, сохраним всего половину войска. Я имею в виду и те потери, которые неизбежны при спуске в долину. Да будет всем известно, что спуск не менее опасен, чем подъем.

– Очень опасен, – подтвердил Ганнибал. Голос его звучал ровно, казалось, командующий был спокоен. То есть спокоен настолько, насколько это возможно при столь неутешительных вестях. Военачальники не без удивления посмотрели на него, потом обменялись друг с другом многозначительными взглядами. Ганнибал размышлял: «Эти перепуганы... Когда военачальник трусит, что остается делать воину? Страх – явление обычное. Человек с детства приучен к страху. То есть он знает, что есть страх. Хлопни в ладоши – иной бледнеет и потеет. Страх... Как уберечься от него? И надо ли? Возможно ли?.. А все-таки эти трусят? Бомилькар говорит так, словно у него смертельно заболела любимая тетушка. Это и хорошо и плохо. С одной стороны, самоуверенность – враг военачальника. Это верно. Но другое дело – уверенность... А вот Наравас? Этот нумидиец вот-вот сторит в огне – так ему холодно. Он бледен, он испуган. Бирикса не разберешь. А Магон? Магон греет руки и улыбается, глядя на огонь. Чему же улыбается? Это не самоуверенность или уверенность... Скорее – растерянность...»

– Пошлите кого-нибудь за Махарбалом! – Ганнибал приказывает, чтобы слышали те, которые за его спиной.

– Я здесь! – доносится из темноты.

Все поворачивают головы в ту сторону, откуда послышался голос. Все, кроме

Ганнибала. Неужели он не удивляется тому, что так быстро исполнен его приказ?

Махарбал соскакивает с коня, подходит к костру, и все видят, что от него идет пар, будто он горит в огне.

– Промок до костей, – объясняет он.

– Что у тебя? – мрачно спрашивает Ганнибал.

– Обычное. Горцы напали, в нас полетели камни и снежные валы. Кого могли – уберегли, а кого нет – лежат на дне пропасти.

– И лошади тоже?

– Да, и люди, и лошади.

– Садись!

К Махарбалу подкатывают толстое бревно, похожее на берберский барабан.

– Дайте воды. Да похолоднее! – И Махарбал пьет ледяную воду с бóльшим удовольствием, чем иберийское вино.

Ганнибал обращается в военачальникам:

– Все должны говорить то, что думают. Я слушаю.

Наравас как бы размышляет вслух:

– Мы пока что не видали римлян в глаза. Боя настоящего не было. А сколько потерь?

– Сколько? – Ганнибал смотрит в землю.

– Не менее трех тысяч погибло у меня. Они воевали со снегопадом, со льдом, с тропой...

Ганнибал остановил его:

– Повтори-ка...

– Что повторить?

– Вот это самое: они воевали... и дальше.

Наравас повторил:

– Они воевали со снегопадом, со льдом, с тропой... Это, что ли?

– Да, это самое. Значит, ты уже повидал врага.

– Я? – удивился Наравас.

– Да, ты, – озлобился Ганнибал.

– Я имею в виду римлян.

– А я – врага!

Магон перестал улыбаться. Он сказал:

– Мы всего-навсего на пути к Риму. Схваток с римлянами не было. А смертей не счесть.

– Смертей или поражений?

– А какая разница?

Ганнибал терпеливо разъяснил разницу:

– Человек чаще всего умирает в постели. Как это прикажешь понимать? Как поражение в бою? Как победу врага?

– При чем тут враг, Ганнибал?

– Сейчас отвечу... Ты что-то хочешь сказать, Бирикс?

Галлиец сказал, что Альпы сами по себе есть сущая крепость. Когда берут

крепость – гибнут воины. Однако... Тут Бирикс поднял указательный палец:

– Однако надо знать, с чем мы явимся на ту сторону проклятых Альп. Будет ли у нас войско? Если да, то сколько? Если известно сколько, то что это будет за сила? Я хочу сказать: сколько будет годных к бою?

– Сколько? – в упор спросил его Ганнибал. – Отвечай!

Галлиец пожал плечами.

– Не имеешь права! – воскликнул Ганнибал. – Ты военачальник, а не римский гадатель. Спрашиваю еще раз: сколько?

Ганнибалов взгляд колкий, словно протыкает вертелом.

Галлиец вскинул голову.

– Вижу одни горы, вижу снег и вижу мрак.

– Так отвечают в Афинской академии. Она от нас далеко. Мы в Альпах, Бирикс!

Махарбал жестом дал понять, что желает говорить.

– Первое, что бы я хотел сказать: все мы знали, что Альпы – не простая штука. Альпы перейти можно, хоть это и трудно. Второе: однажды, когда я был мальчиком, наша семья с караваном двинулась на юг. Все было к нашим услугам: еда, вода прохладная, чистая постель в пути, разные, даже вавилонские, снадобья для врачеванья. И тем не менее в пути умерло трое. Трое из тридцати путешественников. Разве это мало? Учтите: никто в нас не кидал камней, никто не запускал в нас стрелы и дроты. Напротив, нас встречали добрыми улыбками. И при всем этом – три смерти! Это немало. Чего же вы ждете от Альп?

Махарбал подставил ладонь густо падающему снегу и слизнул снежинки языком. А пар от него все валил.

Ганнибал залюбовался им: вот настоящий герой! Он обратился к военачальникам:

– Кое-что из того, что я хотел сказать, уже высказал Махарбал. Давайте оглянемся и посмотрим, что мы совершили этим летом. Оглянемся, а потом посмотрим вперед. Мы раздавили врагов в Иберии, прошли через Пиренеи, прошагали через всю Галлию. Через Родан мы переправились с немалым мастерством, мы обманули римлян. В долине Исавра мы чувствовали себя как дома: мы ели и пили вдоволь, запаслись новым оружием, взяли в дорогу теплую одежду, отличные башмаки. Я полагаю, что мы не можем, просто не вправе жаловаться на свою судьбу. Поход, как всякий поход, был не очень легким, но приятным. Почти прогулка! А теперь мы в Альпах. Одни твердили, что они неприступны. Но мы же в Альпах! Говорили, что горы здесь высоченные – до неба. А как сами видите, это не так. Нам остается совсем немного, чтобы прийти туда, куда идем. Чего мы ждали от Альп? Снега? Да. Он есть. Он очень неприятен, но знали, что он будет. А лед? Разве мы собирались шагать по мощеной дороге? Вовсе нет! Мы запаслись ледорубами, у нас прекрасные проводники, мы приняли меры против коварных горцев. Словом, мы с вами сделали все для успеха. Учтите: когда мы говорим о войне, то держим в уме и наш переход через Альпы. Это тоже война, война против жестокой природы. Я, кажется, говорил, что переход через Альпы – есть часть войны с Римом. А там, где война, – там и потери. Верно, чем меньше потерь, тем лучше. Но вешать нос при виде слона, падающего с кручи? Позвольте!.. А где же воинская доблесть? Где смелость? Где решимость?.. А теперь я хочу сообщить вам самое важное:

мы почти на гребне этого перевала. Завтра с рассветом я надеюсь показать вам нечто, от чего у вас, как говорится, душа запоет. Мы увидим – увидим воочию! – прекрасную долину, всю зеленую, богатую хлебом и прочей пищей. Это будет прямая дорога на Рим. Мы на пороге Рима! Мы у нашей цели! Победа в наших руках! Сообщите обо всем этом нашим воинам!

Последние фразы Ганнибал произнес стоя. Он верил. Он был уверен. И эта его вера передалась его помощникам.

Махарбал сказал за всех:

– Мы покажем себя и свою силу!

– Еще два слова, – продолжал Ганнибал. – Я пойду туда, на гребень перевала. Я буду вместе с воинами. И вы идите к своим. А тебе, Бирикс, приказываю: возьми тысячу легковооруженных и займи все высоты слева по нашему движению. Эти горцы ушли в свои жилища, а завтра, когда проснутся, то увидят, что мы – повсюду. И тогда мы сможем двигаться вперед, не опасаясь нападений.

Бирикс заявил, что горцам не поздоровится. Он предложил жечь костры по всему движению войска, чтобы горцы не смели приближаться.

– Хорошо, – сказал Ганнибал. – Действуй, Бирикс. А на рассвете мы сойдемся на прекрасном месте.

Ганнибал потребовал коня, сел на него и вместе с многочисленной гвардией двинулся вперед сквозь снег, преодолевая значительный подъем. Но ехал он уже не по тропе, а по довольно широкой дороге, проложенной солдатами.

А снег и не думал униматься. Он стал более хлестким, слепил глаза, приходилось зорко следить за дорогой, уверенно править конем.

Время от времени кто-нибудь падал в бездну и истошные вопли жутким эхом разносились по горам. Но, несмотря ни на что, войско медленно, но верно подвигалось вперед. Воины при свете факелов узнавали своего предводителя и криками приветствовали его. Окруженный всадниками, Ганнибал подвигается во мгле. Какая же сила могла удержать его, если сами Альпы, пусть с трудом, но покорялись ему?

Вдруг всадник, ехавший справа, качнулся в сторону. Ганнибал мигом схватил его за плечи и привлек к себе.

– Что с тобой? – участливо спросил он.

– Ничего, это лошадь споткнулась.

– Не бойся.

– С тобой мы всегда храбры, – браво ответил всадник.

А снег все усиливался. Холод донимал так, что казалось – само сердце замерзнет в груди.

Вдруг перед мордой коня выросли двое: Они приветственно подняли руки.

– Кто это? – спросил Ганнибал.

– Проводники, – объяснили ему. – Спендин и Ригон.

– О! – воскликнул Ганнибал. – Вот и встретились!

– Верные помощники, – объяснил Махарбал.

Ганнибал с силой потянул поводья.

– Славному Спендину! Славному Ригону! – приветствовал Ганнибал галльских

проводников. – Каков перевал?

– Каким бы он ни был – тебе, великий господин, он покорится!

Меч, дарующий жизнь

Миркан Белый молчал. И Ганнибал тоже молчал. И это молчание было очень тягостным. Одно дело – молчание там, в Новом Карфагене, другое – здесь, на берегу реки Пад близ города Плаценции. Казалось, можно было обойтись без этого молчания, которое давило, словно глыба. Проклятые Альпы позади, солнце светит в Цизальпинской Галлии, тепло, сытно. И все-таки – это тягостное молчание, как на похоронах.

В походной палатке ярко горят светильники. Миркан Белый держит в руках белую италийскую розу – единственное, на первый взгляд, живое существо в этой палатке. Единственное, если не считать огня.

Полночь, осень – а тепло. Альпы кажутся теперь кошмарным сном.

А римляне потрясены этим переходом. Они и не думали, что Ганнибал решится на столь безумное предприятие.

Сципион в устье Родана принял от Манлия и Атилия войско. Он тоже не верил, что Ганнибал осмелится перешагнуть через Альпы. И ошибся.

Ганнибал тоже не думал, что Сципион успеет на встречу в долине реки Тицина близ Плаценции. И тоже ошибся.

Вроде бы квиты. Но от этого ни Ганнибалу, ни Сципиону не легче. И одному, и другому приходится командовать усталым войском, а времени – в обрез. Отдыхать, набираться сил, выбирать место для боя – почти невозможно. Оба полководца – рабы обстоятельств...

У Ганнибала есть надежда. Сципион едва ли подходит для роли полководца, едва ли способен организовать отпор даже на своей италийской земле. Однако Ганнибал ошибся...

Сципиону доложили, что войска у Ганнибала – по крайней мере сто тысяч. Он поверил было. Но вскоре понял, что ошибся: уж очень велики оказались потери пунийца в Альпах. Говорили, что карфагенский вождь привел с собой в долину Пад чуть ли не полсотни слонов. Сципион поверил было и в это. Но вскоре тоже понял, что все это не так...

Но в одном Сципион был прав: Ганнибал выиграл оттого, что появился в долине Пад. И это ясно почему: многие галльские племена, недовольные Римом, переметнулись к нему. Даже на крайнем юге италийской земли иные племена настороженно выжидали, что же будет дальше. Они, несомненно, примут сторону Ганнибала, если военное счастье изменит Риму...

Сципион спрашивал своих помощников:

– Как могло случиться, что этот головорез одолел Альпы?

Ганнибал задавал Миркану Белому вопрос:

– Как это римлянин смог прошагать так быстро от устья Родана до берегов Тицина, до самой Плаценции?..

Долго продолжалось молчание в палатке командующего. Нарушил его опять же

Ганнибал, в который раз задавая риторический вопрос:

– Как сумел этот бездарный Сципион?..

Старик Миркан поднял на него глаза – немигающие, мутные старческим угасанием глаза. Он, казалось, не мог понять, как молодой умный полководец задает столь неумный, просто по-детски глупый вопрос? Если ты воюешь и заранее полагаешь, что имеешь дело с ничтожеством, то поручи это трудное дело – войну – своему помощнику, а лучше всего – сотнику.

– Кто сказал, что он ничтожный?

– Кто? Разве сенат выбирает способного? Всему свету известно, что сенат погряз в интригах.

Миркан – печальным голосом:

– Пусть думает так целый свет. А ты полагай иначе.

Ганнибал поднялся, подошел к пологу и выглянул наружу. Ночь была почти такая, как в Новом Карфагене: небо цвета сажи, звезды яркие, наподобие июньских светильников, и такая же большая луна. Лагерь спал, бодрствовали только часовые. И недалеко – рукой подать! – стоял ненавистный Рим. И где-то совсем, совсем рядом – этот Сципион с войском. Ганнибал вернулся на свое место, чтобы дослушать Миркана. А когда тот начал говорить, командующий думал совсем о другом.

А Миркан Белый, чуть покачиваясь, точно в лодке, говорил, как ему и положено, слова стариковские, мудрые.

– Дело сделано, – говорил он. – Пусть кто-нибудь другой попробует хлебнуть лиха, подобно тебе и твоему войску. Я хочу поглядеть на героя, который последует твоему примеру... Что ты сделал? Что смог сделать? – Старик глубоко вздохнул. – Ты заставил воевать Рим не где-нибудь – в Африке или в Иберии, – а здесь, можно сказать, в его же доме, во всяком случае, у его порога. Отныне италийская земля есть та арена, где Карфаген и Рим померятся силой. Здесь решится судьба, а не на море, где Рим силен, и не на африканской земле, в нашем доме, и не в Иберии – далеко от Рима. И это сделал ты, Ганнибал. В чем еще твое преимущество? Разные племена, в том числе и галлийские, хлебнувшие лиха из римского котелка, отпадают от него, идут тебе навстречу как друзья. И это тоже сделал ты... А что же плохо? Учти одно великое обстоятельство... Рим понимает, что явились к нему в дом, чтобы покончить с ним. Это все равно что к нам бы, в Карфаген, ворвались римские легионы! Разве не положили бы мы свои животы ради спасения отечества? Разве это не прибавило бы нам силы, не удесятерило ее? Римляне обозлятся. Они забудут междоусобицы и дружно ополчатся против тебя. Придется воевать, много воевать. Прогулкой тут не пахнет – учти это. До прогулки далеко. А раз так, – старик еще раз глубоко вздохнул, – надо, чтобы войско твое билось, словно бы его числом в десять раз больше. Надо, чтобы каждый воин видел перед собой – во сне и наяву – только и только Рим. А больше ничего... Ты слушаешь меня?

Ганнибала словно растолкали. Он вздрогнул:

– Повтори еще раз последние слова.

Старик повторил:

– Надо, чтобы каждый воин видел перед собой – во сне и наяву – только и только

Рим. А больше ничего...

– Победу! – жестко проговорил Ганнибал. – Победу видел! Какая она там? – не знаю. С крыльями или без. – Вскочил, быстро прошелся по палатке. – Я знаю, что надо. Знаю!

Ганнибал вдруг возбудился. «В чем причина? – спрашивал себя старый Миркан. – Какая мысль пришла ему в голову?» И, глядя куда-то в сторону, командующий раздумчиво проговорил:

– Я научу... Я покажу, что есть жизнь... И как за нее бороться. Бороться насмерть. Как ты полагаешь, уважаемый Миркан, меч способен даровать жизнь?

– Меч? – удивился старик.

– Да, боевой меч.

– Кому даровать? Право, не знаю, что и сказать.

– А я знаю! – Ганнибал повеселел. Ударил трижды в ладоши: – Магона ко мне! Живее!

Бармокар шел рядом с индусом – маленьким погонщиком слонов. Увы, ее слона уже не было на свете – он покоился в альпийской бездне, как и другие клыкастые великаны. Только трое из них набираются сил, чтобы в случае необходимости принять участие в атаке против Сципиона.

Вскоре Бармокара нагнал Гано Гэд. Он с трудом приходил в себя после проклятых ледников. Впрочем, его друг тоже хлебнул всякой всячины, и если бы не маленький индус, который воодушевлял его, вряд ли он шагал бы сегодня так уверенно по зеленой траве.

Сегодня командующий обещал нечто особенное. Вокруг просторного поля на невысоких холмах было собрано все войско. Трубачи особыми сигналами призывали к тишине и вниманию. Сотники требовали строгого порядка.

День был теплый, можно сказать – жаркий. Об альпийском переходе думалось теперь как о жутком сне. Даже не верилось, что есть на земле край, где лед и снег обжигают хлеще огненного языка...

– Давайте туда, – сказал Гэд, – там выше. Оттуда будет виднее.

Рутта не понимала, зачем надо повыше и что будет виднее. Воинов видимо-невидимо. Они устроились на холмах, весело переговариваются – ведь альпийские тяготы позади, под цизальпийским небом тепло и сытно.

Бармокар только сейчас заметил, как изменилась его подруга: похудела, вокруг глаз – лиловые круги, щеки утратили свежесть. Да, переход дался непросто... Но, слава богам, она жива, она даже весела, сохранила свою пылкость. И это большое счастье. Скоро, наверное, она сможет снять эту ужасную азиатскую одежду и снова стать неотразимой Руттой, той самой, которая и мертвого оживит, коли захочет...

Гано Гэд поднимался все выше.

– Не довольно ли? – спросил Бармокар.

– Следуйте за мной, – сказал Гэд.

– Что же все-таки будет? – любопытствовала Рутта.

– Чего не знаю – того не знаю. А вот и Ахилл, – обрадовался Бармокар, – он все

знает. Ахилл, наш индус хочет знать, что за зрелище ждет нас.

Грек поманил их к себе:

– Ви знаешь, как забавляет этруски?

– Кто это? – спросил Гано Гэд.

– Кто? Народ такая. Римская соседи.

Бармокар почесал затылок. Проговорил:

– Этруски... Этруски... Что-то припоминаю. Это их гладиаторские игры?

– Во! – обрадовался Ахилл. – Ты молодец, Бармокар! У тебе гольова как у афинянина – тозе умный. – Он обратился к индусу: – А у вас есть гладиатора?

Рутта отрицательно покачала головой.

– Ты совсем молодой, – сказал грек. – Мозет, снают, а ти не снаешь. Это проста, когда чиловека ничего, кроме слонов, не снает. Верно говорю?

Гэд и Бармокар не поддержали его. Гэд сказал:

– Оставь в покое Индию. Скажи лучше, что будет на этом поле.

Ахилл сказал по-эллински:

– Хорошая забава будет. Великий Ганнибал пожелал: «Хочу, чтобы мое войско повеселилось». А как веселиться? Лучшее веселье – этрусская игра. Скажу какая: один стоит здесь, а другой – там. – Ахилл показал рукой, кто где становится. – Потом один берет меч или вот такой нож. И другой тоже. Они начинают драться. Долго дерутся. Иногда совсем недолго. Если один упадет, но еще дышит, другой вонзает меч в самое сердце. И все очень веселятся. Хлопают в ладоши и кричат.

Индус в ужасе прикрыл ладонью глаза.

– Что? – удивился грек. – Разве страшно?

– Противно, – хрипло проговорила Рутта.

– Совсем еще мальчик! – пожалел индуса Ахилл. – Когда будешь настоящий мужчина – полюбишь этрусскую игру.

– Никогда! – запальчиво воскликнул индус.

Грек поразился:

– Какой нервный! Как девица!

В это время с особой силой заревели трубы.словно азиатские буйволы. На середину поля – на обозрение всей гогочущей солдатни – вывели связанных попарно пленных, захваченных в Альпах. Их морили голодом, жаждой, холодом. Всю дорогу свистели над их спинами бичи. И жизнь стала бременем для них, освобождение от которого явилось бы величайшим благом. Сто пар несчастных, влачащих отекающие ноги, выгнали на зеленое поле... Бичами их сгрудили в тесный круг.

Между тем во все концы огромного импровизированного амфитеатра понеслись всадники. Каждый из них занял свое место и обратился с краткой речью к солдатам. Один из всадников – шустрый ливиец – остановил своего коня против того места, где толпились пращники на отлогом холме.

– Воины! – зычно выкрикнул всадник. – Я передаю вам слова нашего великого, непобедимого и победоносного вождя. Он говорит: «Я желаю, чтобы мои воины, преодолевшие несказанно тяжелое горное препятствие, посмотрели веселое зрелище, набрались сил и бодрости перед тем, как вступить в проклятый город Рим и добыть для

себя несметное богатство». Так говорит наш Ганнибал. Смотрите: вон там, на поле, двести пленников. Они удостоились этой особой чести по жребию. Каждому из них будет вручен меч. Перед каждым будет вооруженный противник – его соплеменник. Победивший в единоборстве получит полную свободу, полное вооружение, коня и пищу на целую неделю. И он сможет направиться куда пожелает...

– А тот, кто погибнет? – прошептала побелевшая Рутта.

Бармокар сурово взглянул на нее.

– Не болтай, – сказал он. – Воин не смеет задумываться и сомневаться. Это тебе не Индия.

– Итак, – продолжал всадник свою громкую речь, – оружие в руках героя окажется освободителем. Ибо герою нет пути назад, кроме как через сражение, притом победоносное.

Тут всадник огрел коня плетью и помчался по полю туда, где под голубым шатром находился Ганнибал со своими военачальниками.

– Сюда идут, – сказала Рутта.

– Это пленные, – пояснил Гэд.

– Они будут биться, – сказал Ахилл. – И мы сейчас увидим настоящую этрусскую забаву. – Он потер от удовольствия руки.

Бармокар крепко сжал хрупкую ладонь Рутты и проговорил, чтобы слышали и другие:

– Да, это забава для настоящих героев.

Ахилл посмотрел на него и согласно кивнул. Гэд был увлечен происходящим и не обратил внимания на слова своего друга.

Совсем близко от пращников двух пленников остановили, дали им вина из фляги, сняли с них оковы, предоставили возможность поразмяться. Это были люди, и они были полны решимости победить и добыть желанную свободу. Надсмотрщики вручили им оружие и отошли в сторону.

Пленники сбросили с себя лохмотья, и их полуголые тела засверкали, как снег на ярком солнце. Галлы набирались сил, размахивая мечами перед боем.

– Смотрите, – сказал Ахилл, – как они готовятся, с каким воодушевлением.

– Почему? – спросила Рутта.

Грек пояснил:

– Этот, который ближе к нам, у которого короткие ноги и длинная шея, и тот, который подальше от нас, у которого руки длинные, и плечи широкие, и ноги крепкие, – оба они думают так: «Я ничего не имею против моего невольного врага, но я хочу жить – значит, я должен умертвить стоящего против меня. Зарезать, попросту говоря, и обрести свободу».

Рутта затаила дыхание.

– И они оба, – продолжал Ахилл, – думают так: «Если умру и останусь на этом поле – избавлюсь от великих мук и страданий. Зачем мне жить, если я мучаюсь и страдаю?» Так думают они оба...

– Ты разговаривал с ними, что ли? – спросил Гэд.

– Зачем? – Ахилл поднял вверх указательный палец. – Каждый грек имеет свою

голову. Я скажу так: эти галлы будут драться. Один из них умрет, другой будет жить. А что это для нас? Вы об этом думали? А? Тебя спрашиваю, Гэд! И тебя... – Ахилл уставился на индуса.

«Что-то подозревает этот хитрец...» – вдруг испугалась Рутта.

– А что тут думать? – буркнул Бармокар. – Только дурак не понимает. У нас тоже есть голова.

– Есть? Тогда скажи.

Бармокар сказал:

– По правде говоря, это этрусское представление не столько для них, – он кивнул на поле, – сколько для нас. Скажу, как это понимать: у нас – у тебя, у него, у меня – только один выход: сражаться. Другого пути нет. Нам говорят: вы в западне. Хотите на волю? Идите на Рим...

– Кто говорит? – резко спросил Гэд.

– Не знаю кто. Наверно, эти, которые с мечами пойдут друг на друга.

– Чепуха! – Гэд сплюнул.

– У него есть голова, – похвалил Ахилл Бармокара, – он видит на глубину семи локтей. – Грек пальцем указал на землю. – Все знает Бармокар. И я тоже скажу: у нас один путь – на Рим. Кто пойдет назад через Альпы? Кто пойдет на запад через Пад и Тицин? Там же Сципион! Дорога одна: на юг! Хочешь жить – иди на юг.

– И пойду, – мрачно заявил Гэд.

– Мы тоже, – поспешил грек.

– А ты, индус? – сказал Бармокар.

– Я – как все. На юг – пойду на юг! У нас есть еще слоны. Правда, их всего три, но все-таки есть. Они разнесут Рим на части.

– Молодчина! – восхитился Ахилл. – Такой хрупкий и маленький, а дух сильный. Вы все такие в Индии?

– Все, – сказала Рутта.

– Недаром Македонец стремился в Индию. У него была умная голова. Он был большой человек. Настоящий грек.

– Ганнибал выше, – заметил Гэд.

– Да, да, – поспешно согласился Ахилл.

– Смотрите же! – вскрикнула Рутта.

– Что за писклявый голос, – возмутился Ахилл.

– Это от простуды, – извиняясь, пояснил индус.

Галлы, в последний раз испытав мечи, которыми они неистово рубили воздух, пригнулись и пошли друг на друга. Воины на холмах замерли – зрелище было необычное, и каждому было видно, что и как делается на поле.

– Один из них будет свободен, – сказал Гэд.

– Будет жить! – сказал индус.

Ахилл, подумав, спросил его, не есть ли жизнь и свобода – понятия однозначные? Индус, как видно, не размышлял над этим. Он вопросительно глянул на Бармокара.

– Ахилл прав, – сказал Бармокар. – Жизнь без свободы – не жизнь, а большое несчастье. Жить надо свободно.

Галлы медленно двигались по кругу, понемножку сближаясь. Осмотрительно, как звери. Иногда выбрасывали меч вперед, словно определяя, достигает ли он противника. А на другом конце поля уже раздались рукоплескания.

– Он убил его! – сказал индус.

– Кажется, один лежит...

– Лежит! Лежит!

Гэд не видел ни победителя, ни убитого. Он во все глаза смотрел на двух галлов, которые были очень близко от него. Этот, на коротких ногах, казался более шустрим. Наклонив голову, он готов был нанести удар. А тот, который высокий, с благородным лицом греческого жреца, длинноногий и длиннорукий, спокойно выжидал заветного мгновения. На лезвии меча его сверкало солнце, и зрители решили про себя, что коротышке несдобровать. Собственно, к тому и шло дело: длинноногий понемногу оттеснял коротышку к зрителям, и тот пятился задом, впустую размахивая мечом. Галлы дрались не на шутку: каждому хотелось выжить.

Вдруг длинноногий, гаркнув, сделал выпад правой ногой, и меч его, словно огромное змеиное жало, устремился к груди коротышки.

– Все! – крикнула Рутта.

В следующее мгновение оказалось, что не «все»: этот коротышка увернулся, и длинноногий проткнул мечом воздух, да с такой силой, что чуть не распластался по земле. А коротышка оказался у него за спиной и тут же нанес удар. Но удар был неточным, видимо, только царапнуло бедро длинноногого: струйка крови полилась вдоль голени к лодыжке.

– Этот мальщ, – сказал Гэд, – мог бы сейчас выпустить душу из этого дылды.

– Нет, – возразил Ахилл, – расчет был плохой.

– Смотрите, смотрите! – Рутта ахнула.

Но ничего особенного: длинноногий сделал круговое движение, и меч его просвистел возле коротышкиной шеи.

– Здорово! – обронил Гэд. – Этому малому будет конец.

– Да, наверное, – тихо проговорила Рутта. Ее доброе сердце было полно тревоги, ей было жаль обоих. Она не очень понимала, к чему вся эта жестокость. А Бармокар шептал ей: «Тихо, индус, тихо! Ты же воин!»

Длинноногий наступал, а его противник то пятился, то, спотыкаясь, уходил куда-то в сторону. Как видно, силы изменили ему. По телу струился пот, а противник его был как финикийское стеклышко, будто только-только приступил к бою после прекрасного отдыха.

А коротышка, теряя силы, все пригибался к земле, будто пытался пролезть сквозь небольшую дыру в основании высокой изгороди. В самом деле, уж слишком согнулся он, вот-вот поползет по полю. Его противник чувствует, что перед ним слабый, теряющий силы человек, и все ожесточеннее становятся его атаки.

Гэд сказал:

– Слишком уж чикается этот дылда. Я бы давно прикончил...

– Каким образом? – поинтересовался Бармокар.

– Очень просто: надо бить сверху и наотмашь. Вот так. – И Гэд показал, как надо

бить наотмашь.

Ахилл заметил, что бить так неразумно, меч противника может вонзиться тебе в живот.

– В живот? – удивился Гэд. И, усмехнувшись, махнул рукой: – Ты же пращник, Ахилл, меч не по тебе.

– А сам-то ты кто?

– Я могу и мечом, и пращой, – прихвастнул Гэд.

На ближайшем холме снова прокатился рев: это пал еще один галл, и еще один завоевал свободу.

А эти двое – коротышка и длинноногий – все бились. Коротышка тяжело дышал, он почти что ползал на коленях, оставалось только отрубить ему голову. Именно это и вознамерился проделать длинноногий. Вдруг – о боги! – он упал как подкошенный: коротышка нанес ему удар в живот и мигом прыгнул ему на грудь. Можно сказать, пригвоздил длинноногого к земле. По амфитеатру прокатился рев.

Гэд не верил своим глазам:

– Ведь коротышка, да? Или я ошибаюсь?..

Нет, он не ошибался: маленький галл, убедившись, что противник повержен и недвижим, поднялся и поплелся куда глаза глядят. Как совсем пьяный...

Рутта стояла бледная.

– Что, не ждал этого, индус? – весело спросил грек.

Рутта покачала головой. За нее ответил Бармокар:

– Нет, не ждали. Ни он, ни я.

– Ни я, – сказал Гэд.

Письмо Ахилла поэту Лахету, сыну Евфикла

Ахилл – Лахету, привет и добрые пожелания!

В тот час, когда ты получишь это письмо, находясь в своем уютном домике и любуясь морем, с трудом пытаюсь понять, что перенесли я и мои друзья в течение этого месяца.

Спрашиваю тебя: что было, где были и куда идем? Ты – поэт, славный Аргос – родина аргонатов – располагает к прекраснодушным размышлениям и высокой поэзии. Я – человек военный, голова моя забита повседневными заботами, главная из которых – стремление выжить. Если бы хоть на одно мгновение я забыл об этом, значит, жди гибели.

Ты никогда не одобрял моего желания нажиться на ратных делах и сделаться тихим фавном где-нибудь в лесистой местности Ахайи. Обзавестись тихой и малозаметной Афродитой из Беотии, где женщины, на мой взгляд, особенно послушны и трудолюбивы, растить детей и внуков. Такова моя цель, над которой ты постоянно смеялся, а я выносил твои насмешки ради нашей дружбы, освященной дружбой наших отцов.

Я обещал тебе написать, внемля твоему совету и дружескому требованию. До сих пор я не держал слова, ибо не о чем было писать: двигаться от Нового Карфагена на запад по красивой земле галлов – не такое уж геройство.

Но вот Альпы за мною, битва на реках Тицин и Над – позади, и есть что порассказать этим самым моим корявым стилем на трофейных римских дощечках. (Потом перепиши на папирусе, если моя писанина придется тебе по душе.)

Что ты скажешь теперь обо мне и о моих планах, читая это письмо, которое передает тебе мой друг Пифодор, лишившийся ступней и левого глаза? Вижу твое лицо: оно то хмурится, то на нем появляется ироническая улыбка.. И ты думаешь: что, брат Ахилл, здорово хлебнул из солдатского котелка?

Да, хлебнул. И об этом мой рассказ.

Выйдя в поход из города, называемого Новый Карфаген (он находится на юге Иберии), мы прошли страну галлов невдалеке от морского побережья. На пути встречались галльские племена. Между собою они бывают в различных отношениях: то милуются, то дерутся. Но если кто со стороны зайвится к ним, да еще и с мечом, – тут они объединяются и выступают как один народ. Но не всегда. Одни встречали нас хлебом-солью, другие дротами и стрелами, и их приходилось усмирять.

Вел нас славный вождь, карфагенский Ганнибал, сын Гамилькара Барки, что значит по-нашему Молния. Войско у него разноязычное, но весьма сплоченное. А почему? Да потому, что Ганнибал обладает удивительным свойством: он обещает и делает то, что обещает. Ему верят, ему доверяют. И я в том числе. Так что в Аргос я надеюсь вернуться человеком богатым. (Как обещает Ганнибал.)

Римлян на протяжении лета и ранней осени мы не видали в глаза. Следовательно, и не могли воевать с ними. Самая большая битва, которую мы пережили, была битва с Альпами. Эти снежные горы оказались таким врагом, который чуть не погубил все

наше войско. Римлян не было видно, а половина войска погибла в пропастях. И кони погибли, а главное, слоны, наводившие на врага ужас.

Так что, когда мы спустились в долину по ту сторону Альп, очень многих недосчитались. И вот тут-то мы и встретились с настоящими римлянами. Пока что, до этой поры, Ганнибал одерживал победы над различными племенами, но ни разу, как говорил, не довелось его войску сразиться с римлянами.

Есть у меня друзья, и не в малом количестве. Одни – ближе моему сердцу, а другие – подальше. Но все-таки – друзья. Мы вместе делим тяготы и радости. И пока, – слава богам! – все живы, если не считать царапин и небольших ран, которые довольно быстро заживают под воздействием разных трав. (Должен заметить, что карфагенские врачеватели не очень искусны в своем деле, но они заимствуют у чужеземцев их познания.)

Итак, поздней осенью мы оказались в прекрасной долине реки, называемой Пад, под теплыми лучами солнца. Альпы остались далеко за нами, крики падающих в пропасти уже смолкли в наших ушах, и, славя богов за избавление от ужасов, мы дышали полной грудью и мнили себя под стенами Рима.

Ганнибал имел все основания полагать, что победа близка. Но где-то в глубине души его зарождались сомнения. В самом деле: где же враг? С кем идет война? Не с Альпами же? Не с реками же? Если хочешь победить врага, то надо с ним повстречаться. А такой встречи у Ганнибала пока не было. Можешь представить себе, мой Лахет, что сделалось с нашим предводителем, когда увидел он цветущую долину после ужасающего альпийского перевала и почувал близость врага...

Мы расположились лагерем сначала близ реки Пад, а позже подвинулись на запад, почти к самой реке по названию Тицин. А по слухам – так оно и оказалось в действительности, – на том берегу Тицина находились римские легионы. Ими командовал, как говорили, знатный римлянин по имени Сципион.

Теперь, когда и эта битва позади, а мы идем напрямиком на Рим (как я полагаю), могу рассказать, как произошла первая встреча с римлянами. Ты ведь любитель всякого рода историй, и тебе, может, пригодится моя писанина...

Стало быть, так: римляне – на том берегу Тицина, а мы – на этом, восточном. Между нами и берегом – порядочное расстояние, оставленное Ганнибалом, как оказалось, с особым умыслом.

Этот вышеназванный Сципион, ободренный тем, что Ганнибал медлит, разбил свой лагерь на порядочном расстоянии от реки – вознамерился переправиться через реку и обосновать лагерь на восточном берегу. То есть Сципион сделал то, о чем мечтал Ганнибал.

Римское войско было никак не меньше нашего, пожалуй, даже больше! Ганнибал выставил вперед пращников, метателей дротов, за ними поставил тяжеловооруженных, а на правом и левом флангах – нумидийскую конницу. Я слышал, как иные очевидцы несколько иначе рассказывают про эту битву, но верь мне, Лахет, сам я стоял лицом к лицу со Сципионом и сам был участником этого побоища. И пусть не рассказывают сказки про то, как случилась битва Ганнибала со Сципионом на Тицине.

Поначалу, видя, как Ганнибал дает врагу возможность обосноваться на левом

берегу Тицина (это уж в стране инсумбров), и не только обосноваться, но и укрепиться, воины стали роптать.

Один мой друг, карфагенянин, сказал:

– Ахилл, мы подставляем врагу свою грудь.

Мне нечего было возразить, ибо даже слепцу было видно, что грудь подставляем. А проще сказать – всю голову, по самую шею.

Позже оказалось, что это не совсем так. То есть совсем не так. Но я расскажу по порядку...

Пока эти римляне наводили мост и переправлялись, конница Махарбала (это великий карфагенский военачальник) направилась к соседним племенам добывать хлеб. И тут опять же рассказывают сказки: Махарбалу якобы приказано было грабить италийские племена. Но это неправда! Ганнибал велел дружить с италиками назло Риму, а кто обидит италиков – того наказывать. Так что, друг Лахет, не верь всяким рассказням, а слушай мою сущую правду. Тем более если надумаешь что-либо сочинить обо всем происшедшем с нами.

Махарбал со своей конницей добывал хлеб, обменивая его на золото и серебро. Он это делал в то время, как Сципион размещался на нашем берегу.

Лично я в утро битвы видел перед собой римских конников, копьemetателей, а далее в тумане мало что примечал. Слонов Ганнибал не выводил из лагеря потому, что было их всего три или пять – остальные погребены в альпийских снегах.

Я набрал достаточно камней – с острыми гранями и просто плоских галек, летящих далеко, – и стал приглядываться к легионам врага. Мне показалось, что, несмотря на страшные доспехи и шлемы, они такие же люди, как и мы. Мне даже лица их показались знакомыми, словно на одной улице выросли. Были среди них и совсем молодые, и в возрасте, бывалые воины. Но молодых, безусых, было большинство. Скорее всего, набрали их на скорую руку. Как видно, испуг римлян был столь велик, что они бросили в бой малообученных юношей.

У меня в праще лежал увесистый камень – горе тому, в кого он попал бы. В голове моей вдруг мелькнуло: чье копьe вонзится в мою грудь? И, говоря по правде, не желал видеть то копьe – так мне захотелось жить. И я приказал себе не думать о смерти.

Ты, Лахет, вправе спросить: ладно, ты хотел жить, так чего же полез в самое пекло?

Объясню тебе, Лахет. И лучше всего словами моего друга-карфагенянина.

– Ты слышал слова командующего? – сказал он.

Я кивнул.

– Он обещал всем землю.

– Да, так.

– Свободу рабам, прислуживающим своим начальникам.

– Верно.

– Много золота каждому.

– Разумеется.

– Ты слышал его клятву?

– Не только слышал, но и видел, как он клялся...

– Как поклялся он и как разможил голову ягненку?

– Да. В знак того, что исполнит свою клятву, или же пусть, в противном случае, боги разможат камнем голову ему, как этому ягненку. Верно?

– Да, верно.

Мой Лахет, золото, земля, слава манили нас, и мы верили Ганнибалу. Как себе самому. И даже больше.

У нас чесались руки. Всем хотелось поскорее кончить с этими римлянами и победителями войти в Рим. И мне того же хотелось.

И еще про одного чудака расскажу тебе. Звать его Бармокар, карфагенянин. Помоему, чуточку трусоват он. Осторожен. Не просто, а от избытка ума. Ибо трусить можно только от этого, от ума. А отчего же еще?

Я же не трусил по двум причинам: первая – я служу за хорошие деньги, а второе – желаю еще больше денег и земли. Я стараюсь не думать о смерти. А тут подходит ко мне этот Бармокар, не выдавший в глаза римских легионов, и спрашивает:

– Ахилл, они из железа? – Серьезно спрашивает, с тревогой.

– Нет, – говорю, – они из плоти и крови. Как и мы.

– Слушай, – говорит, – я люблю. Впервые в жизни.

– Это хорошо, – говорю.

– Ничего хорошего. А если он меня убьет?

– Кто?

– Один из этих, закованных в доспехи.

– А разве на тебе нет доспехов?

– У них лучше.

– А ты отбери у них и носи сам.

– Ты думаешь?

– Не думаю, а даю верный совет.

– А если убьют?

– Возможно...

– Но я же люблю. Как же она?

– Кто? Та девушка?

– Нет, любовь.

И у него сверкнули глаза. Неужели, думаю, слезы? А ведь с виду этот карфагенянин немножко грубоватый – неуклюжий, приземистый.

Мне стало смешно при слове «любовь», которое было произнесено с юношеским придыханием в полсотне шагов от смерти. И я сказал себе: он или трус, или настоящий человек – господин сам себе. Если не господин, то, во всяком случае, не слепой раб некоего господина. У него своя голова. Правда, я не совсем понимаю таких, которые, боясь смерти, идут на смерть. Что надо этому Бармокару под стенами Рима, если любовь сильнее богатства и славы? Я, признаться, не совсем понимаю. А ты, мой Лахет?..

Я сказал карфагенянину:

– Гляди в оба, а иначе разможат тебе голову, и тогда вовсе не до любви будет.

А он и глядел в оба. Глядел и бледнел при этом. Мне все-таки кажется, что

трусость была в нем, а не любовь. Думает о смерти тот, кто трусит на поле боя. У меня и в мыслях нет, что камень прошибет мне голову. У меня руки чешутся, когда я слышу ржание вражеской конницы и вижу блеск мечей тяжеловооруженных. Мой камень из пращи несет врагу неминуемую смерть, и я горжусь этим. Я никогда не забываю, что эллины победили персидские полчища, что Македонец покорил многих азиатов и достиг пределов Индии...

Погода в тот день была неважная: тепло сменилось прохладой, моросил дождь. Временами проглядывало солнце. И все-таки это не Альпы, и, как говорится, жить было можно.

Должен сказать тебе, что нумидийская конница – прекрасная. Создается впечатление, что и всадник, и конь – одно целое, наподобие кентавра. А мчатся они по полю пуще ветра. Но для этого им нужен простор. Нумидийцев нельзя зажимать холмами или ограничивать их действия оврагами. Лучше всего ровная местность – здесь они разворачиваются в полную силу и сметают все на своем пути. Здесь они непобедимы.

А что сказать о тяжеловооруженных? Если сравнить карфагенянина с римлянином, то превосходство второго тотчас бросится в глаза. Думается, что дело здесь не только в боевом духе или в каждодневных боевых упражнениях. Многие зависят от вооружения. Римское оружие – и это несомненно! – заслуживает самой высокой похвалы. Оружейные мастера в Риме куют отменные мечи, снабжают воинов прекрасными шлемами и доспехами. Говорят, такое искусство у них от неких этрусков (это такое племя). Возможно, что и так, а иные приписывают искусствоковки греческим умельцам.

Катапульти и прочее тяжелое вооружение у нас неплохое и не уступает римским. (Я видел, как применяли их против Сагунта.) Толстенные стены в конце концов поддавались железным бивням. Но здесь, на италийской земле, я не вижу, когда и как можно применить стенобитные машины – разве что против Рима. Предвижу, что на пути к Риму многое будет решаться на открытом поле. Слоны здесь пригодились бы наверняка, да жаль – осталось очень мало, их даже не видно – берегут.

Пращи у нас очень хорошие: они из прочной сыромятной кожи, а вместо пеньковых веревок – бычьи жилы или сплетенные кожаные ремни. Когда раскручиваешь камень – кругом стоит свист, и летит камень во врага тоже со свистом. Доложу тебе, мой Лахет, это грозное оружие – не заметишь, как между глаз окажется смертоносный камень.

Впереди, во вражеском стане, я заметил два глаза. Они были черные, точно афинские маслины, но светились наподобие двух огоньков в ночи. Почему-то я обратил внимание именно на них, хотя глаз было видимо-невидимо: тысячи и тысячи. И среди них тоже немало черных и светящихся.

Я глядел в оба. Шарил по вражескому строю и каждый раз возвращался к тем черным глазам. Мне вдруг показалось, что этот римский воин завораживает меня, хочет лишить меня сил. Говорят, в Вавилоне немало подобных людей, умеющих напускать на врага различную слабость и даже хворь, – а потом расправляются с ним, как сокол с перепелом. У меня и в самом деле вроде бы руки закоченели и в коленях

пробежала дрожь. «Ну, – думаю, – плохо дело, если на поле боя всяческая вавилонская дребедень завелась». По здравом соображении я незаметно вложил камень в ремень и выпустил его в направлении тех глаз. И полетел мой камень в римлянина. Каково же было удивление и мое, и моих соратников, когда глаза упали на землю и их огонь погас.

Тут выскочили вперед римские метатели дротов, и завязалась битва. Сначала на нашем участке, а мгновения спустя – и по всему длинному фронту.

Римляне, по своему обычаю, выпустили в нас дроты: тысячи воинов выбежали вперед, метнули дроты и скрылись за рядами тяжеловооруженных. По моему разумению, это была их ошибка, ибо, отступая после метания, воины невольно нарушали ряды, а тысячи метателей на время оставались без ратного дела.

По команде сотников мы метнули камни из пращей. Это был настоящий каменный град, смертоносный.

Солнце уже вставало из-за гор, которые высились далеко за нашими спинами. Римское войско освещалось как напоказ. Насколько понимаю, солнечные лучи причиняли им немалые неудобства – приходилось воинам отводить глаза, превращать ладони в некие козырьки, дабы видеть противника.

Ганнибал рассудил как великий полководец. Он оценил расположение врага, который неосторожно перешел через Тицин и, таким образом, лишился пространства для маневрирования, зажатый между нами и водной преградой, и приказал нумидийской коннице взять римское войско в обхват. И надо было видеть, как нумидийцы – эти скифы Африки – бросились вперед, наводя на противника ужас. Одновременно двинулись и мы. Я бежал с моими друзьями так быстро, как это только возможно человеку, обуреваемому жаждой победы. Наше войско рычало, подобно стаду бешеных буйволов, и враг дрогнул. Собственно, он дрогнул уже тогда, когда метатели дротов внесли замешательство в собственную среду. Не знаю, насколько здесь к месту слово «замешательство», но неудобство у римлян было явное. От него-то и проистекло все дальнейшее.

Мы приближались к римским рядам, а римляне медленно отступали, смыкая строй. Многие из них остались лежать на земле. И мой черноглазый воин тоже. Когда я поравнялся с ним, нагнул, чтобы снять с него шлем и доспехи, я увидел прекрасное лицо молодого Аполлона, бледное, как египетский папирус. Ему не было, наверное, и двадцати лет. Я невольно подумал о его матери, брате, сестре, отце, возлюбленной. Со мной прежде такого не случалось, и это я приписываю моим преклонным годам – учти: мне уже за тридцать.

Стало жаль его, казалось, разбил я прекрасное произведение великого Фидия. Готов был рыдать, если бы не приказ нашего сотника, который подгонял меня бранными словами карфагенских портовых грузчиков. Впрочем, и в Аргосе тоже наши морячки за бранным словом далеко не лезут. Я еще раз поглядел в помутневшие глаза римского Аполлона, его шлем и доспехи оставил сотнику – они не нужны были, я бы все равно не пользовался ими. Еще раз повторяю: во мне заговорили мои немалые годы. Не знаю, сколько битв еще впереди, но после этой я изменился, что-то перегорело во мне.

Римляне под нашим натиском отступали. Но куда? Не в реку же падать! Вот тут и

полностью обнажилась ошибка Сципиона, попавшего в ловушку. Говорят, в римском сенате поднялся настоящий переполох, как в гончарном ряду, куда вдруг забрался забияка-пьяница и стал колотить горшки. Враги Сципиона, – а в Риме каждый второй враг третьему, – подняли голос и потребовали отозвать его. Родственники и свойственники заспешили ему на помощь. Они сетовали на то, что Сципиона охаивают вместо того, чтобы помочь ему войском. Но я забежал вперед...

Прижатые к Тицину, римляне бились отчаянно. Мы напирали, видя близкую победу. Сципион, говорят, приказал навести мосты и отступать за Тицин, спасти все, что можно спасти.

Ганнибал приказал во что бы то ни стало пленить Сципиона. С этой целью Махарбал вклинился в гущу римлян и начал пробиваться к палатке их предводителя. Сеча разгорелась. Конные спешили с обеих сторон, и началась пешая битва. Нам, пращникам, делать было нечего с этими нашими камнями, и мы взялись за клинки. Меня царапнул некий римлянин. Правда, царапнул падая – легко задел меня, и рана оказалась пустяковой. Наверное, тебе интересно узнать, что ранил меня безголовый: голова его, отсеченная мгновение тому назад, валялась в двух шагах от него, и глаза его не успели померкнуть. Мне приходилось сражаться за собственную жизнь, и я не мог позволить себе наблюдать за ужасом, который бушевал вокруг. Я убежал вперед, влекомый живой лавиной, и сам я влек эту лавину, ибо был частицей ее...

В разгар боя заметил я моего друга-пращника, по имени Гано Гэд. Вид у него был очень свирепый, он размахивал сицилийским кинжалом и косил врага своей длинной ручищей. Насколько я мог уразуметь, ему не терпелось пограбить Рим и сразу же разбогатеть. А его товарища по имени Бармокар я так и не увидел в бою. Мне кажется, он скрывался где-то за нашими спинами.

Вскоре я уже шагал по щиколотку в крови, она была теплая и липучая – молодая, быстро густеющая кровь. Мне и в голову не пришло, что она могла быть и моей кровью. Я не первый раз в кровавой переделке, но с римлянами сражаться не приходилось. Они очень стойкие и точно выполняют приказы, как спартанцы Леонида.

Воины яростно сопели, сморкались кровью, и каждый старался подороже продать свою жизнь. Но точнее сказать – во что бы то ни стало выжить, победить. А может быть, это я сейчас так соображаю (во время же боя я ни о чем подобном не думал). Увертывался, наступал, замахивался, отбивался, делал выпад правой ногой, отступал на шаг, чтобы точнее прыгнуть вперед.

Бой закончился к полудню. Солнце стояло высоко. Оно изрядно пригревало землю – об этом можно было судить по ядовитым парам, которые поднимались от травянистой почвы, политой потоками крови. Неожиданно для себя я оказался на высоком берегу Тицина и легко мог бы свалиться в воду. Я продолжал размахивать кинжалом – сам не знал, что делаю.

Гано Гэд подошел ко мне и, сверкая глазами наподобие волка, сказал грубовато:

– Что, друг? Воздух режешь?

И расхохотался.

А я продолжал «резать воздух» и убил бы любого, кто попался бы под руку.

– Остановись! – приказал Гэд.

Я остановился. Присел на траву, и мне захотелось в воду.

– Да ты, брат, никак сползаешь? – сказал Гэд. Схватив меня за плечи, оттащил подальше от скользкого спуска.

Я посмотрел на него и спросил:

– Где Бармокар?

– Не знаю.

– А индусик жив?

– Тоже не знаю. Главное – живы мы с тобою, хотя души, наверное, ушли в пятки.

– Гэд, дай вина выпить...

Он раздобыл у кого-то глоток галльского вина. Мне стало легче...

Скажу тебе, брат Лахет, не так-то просто биться с римлянами. Это сволочной народ, и молись богам за меня, чтобы нам с тобой довелось снова увидеться в нашем милом, уютном, захолустном Аргосе...

Военный совет в Плаценции

Дом, в котором Ганнибал собрал военный совет, принадлежал некоему купцу. Купец сбежал в Рим к богатым родственникам. Это была загородная вилла с мраморными бассейнами и хорошо ухоженным садом.

Военачальники сидели на скамьях, укутавшись в меха, которыми снабдили их галлы еще там, за Альпами. Предводитель шагал по залу, поглядывая на своих соратников. Ему хотелось убедиться в том, что они не только в добром здравии, но и полны решимости продолжать начатое, невообразимо дерзкое, но осуществимое дело. В общем, Ганнибал остался доволен, но Махарбал показался ему то ли усталым, то ли встревоженным. И не только Махарбал. Командующий ощущал некую перемену, происшедшую в военачальниках. Перемену едва заметную. Возможно, она связана с усталостью после тяжелых боев. Все это и объяснимо, и понятно. Ганнибал опасался другого: не пасуют ли военачальники перед будущим? Это было бы худшим из того, что можно себе представить. Главное в том, чтобы те, кому надлежало вести войско вперед – вперед до самой победы, – были решительны и уверены. Никто – и в первую очередь собравшиеся – не должен сомневаться в успехе, все должны верить, причем твердо, что Рим скоро, скоро падет.

Ганнибал остановил взгляд на своем брате Магоне, щека которого алела свежим рубцом. И вдруг подумал: «А сам-то я верю?» Вопрос был риторический, ибо верит он так же твердо, как верит богам великого Карфагена, ни разу не оставлявшим его своим благорасположением. Рим обречен – это несомненно. Надо, чтобы эти, сидящие перед ним, чувствовали это же всем сердцем, всей душой. Малейшее сомнение равносильно поражению в битве...

Члены карфагенского Совета могут быть довольны: из рук Ганнибала они получили немалую военную добычу. Однако ждать от них настоящей помощи – бесполезно. Надо рассчитывать на себя, и только на себя. Конечно, Ганнон и его прихлебатели ждут не дождутся дурных вестей от Ганнибала. Это был бы для них настоящий праздник. Вот бы они ликовали! Но Ганнибал не доставит им такой радости. Скорее подохнут Ганнон и его приспешники, чем узнают о неудаче Ганнибала. Да и можно ли сейчас не только говорить, но даже думать о какой-либо неудаче? Разве поход через Галлию, через покоренный Сагунт не победа? Разве переход через Родан не победа? Разве покорение Альп не победа? А битва при Тицине и завоевание всей Цизальпинской Галлии не победа? Имея все это, можно ли даже на мгновение сомневаться в чем-либо? Нет, разумеется! Чего же, в таком случае, Махарбал нос повесил? Мало ему всего этого?.. И чего ерзает на скамье этот Магон? Ему тоже мало всего этого? Им нужен Рим? Получат и Рим! Никуда он не денется!..

– Итак, – говорит Ганнибал, продолжая вышагивать. Руки заложены за спину, глядит себе под ноги. Ступает твердо, в одном и том же ритме, как римский воин в походе. И долго, долго молчит...

– Ждем твоего слова, – говорит ливиец Матос. Голос у него звонкий, не скажешь, что в летах.

– Моего? – удивляется Ганнибал.

– Разумеется! – Матос вскидывает руки. – Видит небо: мы победители! Твоя голова, Ганнибал, привела к победе. Тебе же и первое слово. А кому еще?

– Скажу, – говорит Ганнибал. И улыбается. Уголками губ. Чуть-чуть, слегка прищулив глаза.

– Ему есть что сказать, – обращается Матос к своим соратникам. – Ганнибал, уши наши прочищены, ждем твоего слова.

Магон подумал, что Ганнибал изменился. Внешне он так же статен и крепок, как и прежде. Но что это в глазах его, в уголках губ? Усталость? Возмужание? Морщинки мудрости? Печать заботы? Или – не приведите боги! – неуверенность в будущем? Нет, нет, это тот же Ганнибал, тот же – решительный, находчивый, хитрый, мудрый. И все же не тот... Хорошо, если все это только от усталости и пережитого...

Ганнибал начал медленно, процеживая слова:

– Первое. Главное. Возношу хвалу богам, что вижу вас здоровыми, полными сил и по-мужски красивыми. – Ганнибал двигался вдоль зала, продолжая глядеть себе под ноги, изредка озираясь по сторонам. – Второе. Очень важное. Мы идем к своей цели – неуклонно, неудержимо. Это я обещал. И я сдержал слово. Так мне кажется. – Он остановился, подкинул кверху могучие ладони. – И это все благодаря вам, вашей помощи, вашему ратному труду и великому радению! – Ганнибал вдруг упал на колени, прижался лбом к холодному каменному полу. – Я низко кланяюсь вам и говорю вам, о други: спасибо! – И тут же вскочил на ноги и быстро-быстро зашагал по залу, как зверь в клетке.

Военачальники переглянулись: что это с ним? Неужели он перенял галльские благодарственные обычаи? Пожалуй, не столько галльские, сколько германские... Но как бы там ни было, все были растроганы бурным всплеском чувств непобедимого Ганнибала.

– Ты – велик! – выкрикнул Наравас.

Но Ганнибал, казалось, не расслышал этого. Он упорно глядел себе под ноги, будто кто-то подбросил ему скользкую тыквенную корку.

– Мы все в одной колеснице... – продолжал Ганнибал. – Нет, нас не везут. – Он остановился. – Мы впряжены в нее. Вместо коней. Вам это должно быть ясно. Колесница небольшая. – Ганнибал попытался с помощью ладоней определить ее размеры: два локтя, три локтя, еще локоть и еще... Хитровато улыбнулся, будто радуясь тому, что ловко надул своих друзей. – А называется колесница просто: Карфаген.

Военачальники разом вздохнули: то ли от неожиданности, то ли оценив смешливую выходку командующего. Ничего себе колесничка – Карфаген!

Однако Ганнибалу не до шуток. Он нахмурил брови:

– Каждому следует высказаться, как жить дальше. – И снова зашагал по залу.

Магон подтолкнул Нараваса. Нумидиец откашлялся. Подумал, подумал – дольше, чем перед конной атакой, – и сказал:

– Альпы покорены. Это больше чем полдела. За Македонцем такого не числится. Слишком велик подвиг. Римляне-дурни не думали не гадали, а Ганнибал тут как тут. И вот – Цизальпинская Галлия у нас за пазухой. И мы под носом у римлян...

– Нет!

Все повернули головы. Как по команде. «Нет» произнес сам полководец. И стал вроде тучи: угрюмый, мрачный, другой совсем, незнакомый.

– Нет! – снова отрезал он.

Наравас удивился:

– То есть как это «нет»?

– Очень просто: победа при Тицине не есть полная победа. Мы всегда должны отдавать себе отчет и точно оценивать победы. Верно, Наравас, мы взяли верх. Мы, которые спустились со снежных гор, мы – усталые, голодные, холодные. Едва придя в себя – победили. Это так! Но это не та победа, которую я хотел. Сципион, говорят, ранен. Что с того? Он в наших руках? Нет. Его утащили, он жив. А его войско? Разгромлено? Да. Но не полностью. Пехота римская спасена. Спа-се-на! И это очень плохо. Я, кажется, выражаюсь ясно. А теперь слушайте внимательно: я жду совета. Как быть дальше?

И вдруг Ганнибал куда-то заторопился, чуть не забегал, но тут же опомнился, вошел в прежний ритм. Воины принесли вина и горячего хлеба с сыром. Разнесли по залу. Ганнибал отказался и от питья, и от еды.

– Воды! – приказал он. – Похолоднее!

Ему хотелось остудить себя.

Наравас отпил глоток вина и продолжил свою мысль:

– А я все-таки полагаю так: Цизальпинская Галлия очищена от римлян. Нужно уточнение? Почти очищена. Если спросите, то скажу вам так: нам нужна еще одна небольшая битва, одна небольшая победа. На пути к главной победе.

Магон сказал:

– Значит, вызвать Сципиона на бой?

– Да. Так или иначе. Наш командующий – мастак по этой части.

Молчание...

– Говорите, говорите, – приказал Ганнибал.

Галлиец Бирикс начал с того, что разгром Сагунта – начало большой победы. Он, Бирикс, предвидит величайшую победу, когда наконец падет проклятый Рим. Вот тогда вздохнут народы! И в первую очередь галлы – все галльские племена.

– Я предложил бы, – заключил Бирикс, – идти на Рим. На Рим, не сворачивая с прямого пути.

– Когда? – резко спросил Ганнибал.

– Без промедления.

– Без отдыха? Без новых упражнений?

– Да! Именно так.

– Очертя голову, что ли?

– Почему? Разве я похож на самоубийцу? Мне хочется еще потягаться с Наравасом по этой самой женской части.

Ганнибал поморщился. Можно подумать, что ему преподнесли дохлую крысу.

– Нельзя ли без этих портовых выражений?

– Я – человек простой. Говорю, как умею. – Бирикс повесил голову: мол, виноват.

– Стало быть, на Рим? – сказал Ганнибал.

– Да, на Рим.

– А где Сципион?

– Да мне какое дело, где он?! – Бирикс стукнул кулаком себя по колену. – Мне нужен Рим, а не Сципион. Мне – это значит нам! Медлить нельзя. Наши воины доказали, что могут сражаться с хваленными римлянами и выигрывать битвы. Свою конницу я подготовил к походу. Да что, собственно, готовить? У нас одна дорога. Я повторяю: у нас одна дорога. Мы видели эти этрусские игры. Мы видели, как люди бились насмерть. А почему? Да потому, что у них не было другого выхода. Как у мыши в мышеловке.

– При чем тут мышь?! – гаркнул Ганнибал.

– При том, – пояснил Бирикс, – что льву нет здесь места. Лев не подходит.

Ганнибал усмехнулся:

– Разве ты походишь на мышь?

– Пожалуй.

Ганнибал пожал плечами.

– Кто еще? – спросил он нетерпеливо.

Махарбал поддержал Бирикса. Он тоже заявил, что его всадники хоть сейчас готовы скакать к Риму. Им не терпится увидеть хваленый город и пограбить его. Битва со Сципионом показала, что римские легионы не так уж страшны, как кажутся. Они страшны для трусов. Разве карфагенская конница не показала себя с лучшей стороны? Разве она не превзошла римскую? Так чего же, собственно, ждать? Дать Риму время, чтобы прийти в себя? Зачем? Добивать надо – и все тут!

Махарбал говорил горячо и довольно долго. Он несколько раз возвращался к уже высказанному им, подчеркивал слова особой интонацией. Его неистребимый нумидийский акцент порой вызывал усмешку у слушателей. Но покорял темперамент: говорил он убежденно, четко. Безо всяких оговорок...

На протяжении всей его речи Ганнибал стоял против него и смотрел ему прямо в рот, словно именно во рту рождалось все, что говорил Махарбал. Будто голова тут была ни при чем. А когда Махарбал кончил речь, Ганнибал все еще стоял перед ним и обдумывал слова предводителя конницы. Несомненно, в словах Махарбала была доля истины. Так полагал Ганнибал. Несомненно, опытный Махарбал был вправе судить о деле так, как судил. Но это всего лишь мнение одного военачальника. А как другие?

Бомилькар был довольно краток. Говорил спокойно, слова его были продуманны, ничего лишнего, никаких особых страстей, говорил, точно читал по книге. Время от времени почесывал длинный нос. В чем главный смысл его выступления на военном совете? Он укладывался в две последние фразы, сказанные им без нажима:

– После битвы всегда положен отдых. Испокон веку отдых был помощником грядущей победы.

И тут он умолк, оставил в покое свой длинный нос.

Ганнибал ценил опыт Бомилькара. Этот начальник легковооруженных происходил из богатой семьи. Его отец участвовал в сицилийской войне и погиб в Сицилии. Братья Бомилькара – уважаемые купцы. Их суда пересекали море в самых различных

направлениях. Это были граждане Карфагена, содействовавшие процветанию государства, укреплению его мощи. Ведь известно, что мощь измеряется не только числом катапульта, но и казной. Каждый талант золота и серебра – это и военная мощь. Поэтому братьев Бомилькара можно было причислить к видным военачальникам.

Вдруг Ганнибал резко повернул голову и словно выстрелил из лука:

– А Матос? Что скажет Матос?

Ливиец Матос – уже в годах. В годах и шрамах. У него недостает трех пальцев на левой руке – это память о схватке под Лилибеем на Сицилии. Он встает, расправляет бороду, как вавилонский мудрец перед речью, и говорит глуховатым голосом:

– Я хочу – это скорее для себя – обозреть мысленно весь мир. Если бы был я птицей, то подобное обозрение было бы более точным. И все-таки я попытаюсь... – Матос сверкнул лиловыми очами и, широко раскинув руки, продолжал: – Вот он, весь мир: от Индии до Кадиса. Весь, весь, весь! Раскаленные сахарские пески – не в счет. Не принимаем во внимание и северные варварские страны, где люди живут в снегу и сосут лед... Вот он, весь мир, как на ладони. Я его вижу. А вы? – Матос смотрел вокруг как бы сверху вниз. – Кто же в этом мире главенствует? Египет? Ха! Может, Вавилон или Сирия?.. Смешно даже говорить о них! Финикия? Греция во прахе. Иллирия трепыхается, пока ее не раздавит Рим кованой подошвой. Галлия? Иберия? Спрашиваю: может, они? Нет и нет! Главенствуем мы, и соперничает с нами Рим. Вот как обстоит дело в этом мире. Хорошо это или плохо? Так угодно было богам. Им же угодно столкнуть нас с Римом, и мы находимся здесь по воле богов. Мы – покорители Альп. Кто же сможет – нет! – кто смеет одолеть нас? Римляне мечтают высадиться в Африке и сокрушить Карфаген. В Африке! Вам это говорит что-нибудь? Что же оказывается? Спрашиваю – что? Мы на земле италиков, и стены Рима уже дрожат, ржанье наших коней доносится до ушей сенаторов. Кто же перед нами? Я не вижу врага. Где он, покажите мне его! Посему, – Матос пытливо оглядел соратников, – посему предлагаю единственно разумное решение: идти на Рим без промедления.

– Сегодня, что ли? – спросил Магон.

– Почему бы и нет?

Матос поклонился неизвестно кому, скорее всего, всем присутствующим, потребовал вина и уселся.

В это время появился сотник, почтительно подошел к Ганнибалу и что-то проговорил очень тихо. Командующий выслушал его, подумал немного и сказал:

– Приведи его.

Вскоре ввели некоего бородача. На первый взгляд, он изрядно настрадался в пути. Но так ли это на самом деле? Ведь немало любителей прикинуться жертвами трудного путешествия «на благо родного Карфагена».

– Подойди! – приказал ему Ганнибал.

Бородач выказал необыкновенную прыть: он мигом оказался возле командующего и, низко склонившись, вручил папирус.

Ганнибал развернул свиток, прочитал. Прочитал, аккуратно свернул. Кое-кому показалось, что он готов вернуть свиток, но вроде бы раздумал.

– Отдохни, – сказал бородачу командующий, – ты получишь ответ.

Дождавшись, пока удалится бородач, Ганнибал сказал:

– Вот здесь, в этом свитке, вся душа благопристойных отцов Карфагена. Совет ждет не дождется наших даров – плодов побед, которые даются кровью. Этим торговцам мерещатся только золотые таланты. И ни слова в письме о помощи, которую могли бы оказать нам. Ни единого слона!.. Нет, я не против торговли, но худо, когда судьбы государства решают торговцы с истинно торговскими мерками и понятиями...

– Какими дорогами занесло сюда этого бородача? – спросил Наравас. – Неужели через всю италийскую землю проехал?

– В письме сказано, – пояснил Ганнибал, – что посланец намерен плыть морем в Иллирию, а потом сушей пробираться к нам, в Плаценцию... Сколько можно послать в Карфаген золота? Вот в этом письме спрашивают нас. А что отвечать?

– Пока что золота кот наплакал, – сказал Магон. – Но со временем пошлем.

– Верно, пошлем, – подтвердил Ганнибал.

– А как с подмогой для нас? – спросил Бирикс.

– Об этом ни слова.

– Это их не интересует?

– Об этом я бы хотел спросить тебя, Бирикс.

Бирикс поднялся со своего места, подошел к командующему. Медленно поворотил голову к своим соратникам. Показал им мизинец.

– Видите палец? – сказал он громко. – А на кончике пальца – что?

– Ноготь, – сказал Магон.

– Верно, Магон. Ты – башковитый. – Потом Бирикс обратился к Ганнибалу. – Вот цена этому письму.

– Ноготь от мизинца?

– Нет, не весь ноготь. А та часть, которую отстригаем. Под которой вся грязь собирается.

Военачальники разразились смехом. Хвалили Бирикса за точную оценку. Бирикс стоял молча.

Ганнибал почесал затылок. Раскрыл свиток. Прочитал еще раз письмо и разорвал его. На части. На мелкие. И развеял по полу.

– Так, что ли? – спросил он.

– Именно! Только так! – раздалось в ответ.

Ганнибал сказал:

– Будем считать, что с этим покончено. Есть у нас дела поважнее. Так на чем же мы остановились?.. Да, на предложении уважаемого Матоса – идти на Рим...

– Без промедления, – дополнил Матос.

– Да, великие начальники, – сказал Ганнибал, – это важное предложение. Стало быть, без промедления. Но тут были и иные речи. Великие мужи предлагали дать войску отдых. Только я не слышал: на сколько дней, ночей, недель или месяцев давать отдых? И еще не слышал: каким путем двигаться? Прямой ли дорогой? Или держаться западного побережья? А может, идти восточной стороной? И какие народы дружественны нам, и кого следует опасаться из италиков? Это все не праздные вопросы. Они не плод прихоти. Вот над чем следует подумать сообща. Недаром я вас

позвал, недаром теряем время. А тут еще эти... – Ганнибал махнул рукой, – ну, эти, отцы достопочтенные, заседающие в Совете. – И вдруг со злобой, сверкнув очами: – Интриганы несчастные! Торговцы, крохоборы!..

Побагровел. Сжал кулаки. Сдвинул их, напрягая мускулы, точно пытался раздавить некую нечисть...

– Можно подумать, – проговорил Магон, – что мы ждали помощи из Карфагена. Возблагодарим богов за то, что отцы в Совете не клянут нас открыто, а всего лишь протягивают руки за добром.

– И то правда, – сказал Ганнибал. – Я редко обращался за помощью, памятуя о великих интригах, на которые они такие мастера, что порой могут потягаться с римскими сенаторами. – Передохнул, скрестил руки на груди, прочно утвердился на ногах наподобие римской статуи. – Я внимательно слушал вас. Выделяю два мнения, полагая, что третьего нет и быть не может. Первое: идти без промедления на Рим. Второе, а если угодно, первое – это не меняет дела: отдыхать, заняться упражнениями, а потом уже собираться в поход, заштопав последнюю прореху в плаще и залатав последнюю дырку на башмаке. Ведь так я понял – не правда ли?

Раздались голоса:

– Верно!

– Это так!

– Властью, данной мне моими воинами – от мала до велика, – я принимаю такое решение... – Ганнибал сильно хлопнул в ладоши.

Два воина стали возле него и развернули подобие скатерти, сотканной из прочного египетского льна. На ней были начертаны жирные черные линии, а в нижнем левом углу было написано: «Рим».

– Всем видно? – спросил Ганнибал.

– Всем, – был ответ.

– Вот этот путь – очень приятный. Он проходит недалеко от Лигурийского побережья. Не пойти ли по нему? Очень бы хотелось. Но дорогу эту прочно оседлали римляне. Вот еще дорога. Она значительно восточней той, о которой я только что говорил. Здесь она. Велико желание двинуться по ней прямо в Рим. Но вот беда: на ней устроили засады римские легионы. Можно попытаться выйти к Адриатическому морю по долине Пада, а у самого берега повернуть на юг, к реке Метавр. Тоже приятная дорога. Но и тут беда – римские легионы. Должен огорчить и себя, и вас: римляне зорко следят за каждой дорогой, ведущей из Цизальпинской Галлии к Риму. Но ведь этого надо было ожидать. Только глупый мог предположить, что римляне станут устилать пути в свой дом ароматными цветами. Я предвидел это. И я говорю вам: мы огорошили римлян своим походом через Альпы. Они не ждали нас с этой стороны. Они не думали о нас как о героях. Они полагали, что имеют дело с каким-нибудь обычным противником, пусть даже сильным. Теперь вы видите, как жестоко они просчитались... Мы и на этот раз должны ошарашить их. Мы должны действовать неожиданно, смело, решительно. Они стерегут свои мощные дороги, а мы выберем путь другой, о котором они и думать не смеют. Вот он, этот путь. Он ведет через Этрурию. Путь этот неприятен. На нем много болот. Тропа, а не дорога, вьется меж

холмов и болотистых низин. Отсюда не ждут нас. А мы – тут как тут!

Ганнибал приподнялся на носках, стиснул кулаки.

Махарбал подался чуть вперед, внимательно слушая его.

– Да, – продолжал Ганнибал, – так обстоит дело. Вы спросите меня: плохо или хорошо? Я отвечу: хорошо! Мы пойдём на Рим нелегким путем, но мы обязательно придем в Рим. Та победа и те богатства, о которых я говорил еще в Новом Карфагене, совсем близки от нас. Что же требуется? Воля, решимость, преодоление тягот. Если каждый из нас, каждый из воинов уяснит все значение моих слов – близкая победа обеспечена.

Ганнибал говорил уверенно. Но почему-то, закончив речь, стал подозрительно высматривать кого-то. Но кого? И каждый присутствующий невольно принимал на свой счет испытующий, неприятный взгляд командующего.

– Великий господин, – сказал Наравас, – недостает еще одного слова.

Ганнибал повернулся к Наравасу:

– Какого еще?

– Когда выступаем в поход?

Командующий обдумывал ответ. Он сказал:

– Поскольку я не предвижу встречи с противником на пути, который выбрал, даю на сборы два дня. Каждый из вас должен выступить на сходках. Укрепить сердца молодых, воодушевить слабых, а всех вместе собрать в единый кулак. – Ганнибал показал, как это сделать: медленно поднял вверх правую руку и медленно сжал пальцы во внушительный, угрожающий кулак.

Военачальники расходились. Один Махарбал оставался на месте. Ганнибал смерил его взглядом с головы до ног. Ничего не скажешь: смелый человек, преданный. Но слишком горячий.

– Что-то неясно, Махарбал?

– Нет, все ясно. Даже слишком.

– Это же хорошо, Махарбал.

– Я бы поторопился. Ушел бы с этих мест не через два дня, а завтра же.

– Подойди ближе, – сказал Ганнибал.

Махарбал, светя белками, точно волк во мраке, сделал несколько шагов. Ганнибал положил руку ему на плечо.

– Брат мой, – доверительно начал командующий, – я хочу задать тебе один вопрос.

– Именно мне, Ганнибал?

– Да, только тебе.

– Уши мои открыты.

– Наш разговор слышат только боги.

Махарбал кивнул.

– Стало быть, из смертных будем знать ты да я.

Махарбал снова кивнул.

– Ты в быструю победу веришь? Нашу победу.

Махарбал заглянул в самые зрачки командующего, словно собирался проникнуть в его душу.

– Правду сказать, Ганнибал? В скорую не верю.

Болото

Утром Гано Гэд с трудом узнал Бармокара. Как-то быстро ужался, умялся, усох этот Бармокар. И вся грязь, какая только была на этой проклятой дороге в Этрурию, казалось, прилипла к нему.

– Ты? – удивился Гэд.

– Я.

– Где же ты был?

– Там же, где и ты.

Гэд попытался оглядеть себя, вытягивал шею, ворочал головой, изгибался влево и вправо, вперед и назад. Где бы раздобыть медное зеркальце? Спросил Бармокара:

– Я тоже такой?

Тот кивнул.

Туман понемногу рассеивался. И по мере того, как воздух становился прозрачней, стали видны толпы воинов, утопавших в грязи. Люди двигались медленно, а иные все еще спали на маленьких островках. Этими островками были павшие лошади. Но некоторым счастливицам удалось выспаться на прекрасной постели: сырой, но твердой земле. К ним принадлежал Ахилл, свернувшийся, подобно озябшей собаке, у ног Гано Гэда. Грек спал крепким сном, причем столь крепким, что казался мертвым. Вот почему Бармокар спросил Гэда:

– Он живой?

– Не знаю.

Бармокару следовало наклониться, чтобы узнать, жив его товарищ или нет. Но не хватало сил, и ему, говоря откровенно, было безразлично, что с Ахиллом. Более того, он сомневался в том, что сам-то жив-здоров.

– Пни его ногой, – посоветовал Бармокар.

– А ты не можешь?

– У меня ноги прилипли к земле.

Гэд пнул грека, и тот болезненно вздохнул.

– Живой, – обрадовался Гэд и тут же забыл о нем. – Послушай, Бармокар, если и следующая ночь будет такая, я не вынесу.

– Как так – не вынесешь?

– Очень просто. Ты посмотри на эту зеленую тину. Видишь черные холмики? Это же люди! Они уснули стоя, а потом спокойно утонули в болоте.

– Где ты видишь черные холмики?

– Открой глаза пошире – они перед тобой.

– Я вижу туман.

– А ты глянь левее.

Бармокар повернулся то в одну, то в другую сторону. И замотал головой.

– Ослеп, что ли?

– Ага.

– Глянь на меня.

Гэд взял в свои ручищи голову друга, точно арбуз на августовском рынке.

– Да ты, брат, и впрямь слепой... Есть тут вода? Нет воды.

Гэд поплевал на пальцы и попытался стереть грязь, налипшую на глаза Бармокара. Тот покорно терпел. И вскоре действительно прозрел.

– Теперь вижу, – сказал он. – Да, кажется, люди. О боги! Ведь и мы с тобой могли оказаться такими же холмиками. И Ахилл тоже.

– А ты думал!

Бармокар растолкал грека. Ахилл продрал глаза.

– Он сладко спал, – сказал Гэд.

Ахилл ощупал постель. Видимо, она показалась ему слишком липкой – так определил Гэд. Грек, изображая крайнее отвращение к своему ложу, медленно присел.

– Где я? – спросил он.

– На маменькиной постельке, – пошутил Гэд.

Бармокару стало смешно:

– Вот что скажу: если шутить начали, – значит, живы.

– Да еще как, – сказал грек и кряхтя стал подниматься. – Я вител болот, в детстве не рас попадал ф тина, но такого я есе не витывал.

– Еще не то увидишь.

– Гэд, возьми свой слов обратно! Я больсе не могу. Второй такой ночь не винесу.

– Вынесешь, – проворчал Гэд. – И долго еще вспоминать будешь.

– Хде сдесь вода, Гэд?

– Воды захотел? Прощеди эту зеленую грязь – получишь воду. Такую ледяную. Как в Альпах.

– Напомнил, – сказал грек, – напомнил Альпы. А снаешь, что сказу?

– Не знаю.

– Сказу, что в Альпах было приятней. Лезишь, по крайней мере на цистом льду, а не на вонюцей тине.

Туман поднимался все выше и, влекомый тихим ветром, уходил на восток. Солнце начинало понемногу согревать землю, продрогшую за ночь. Становилось теплее. Но с теплотой сильнее завоняла тлетворная зеленая жижа, щедро разлитая по земле.

Сотники начинали собирать воинов. Зазвучали сигналы. Все, кто мог подняться, откликнулись на них.

Из-за холмика показался слон. В отличие от людей, он был чистенький, выхоленный. Шаггал по-прежнему величественный, но острый глаз непременно приметил бы в его облике нечто ущербное, такое, что обычно не вязалось с понятием «слон». Впрочем, его берегли, в бою он не участвовал. А все его товарищи уже погибли: одни – в Альпах, другие – в боях и тяжелых переходах. Какими ни казались слоны могучими, а человек все-таки оказался более выносливым.

– Это он, – сказал Гано Гэд.

Бармокар не сразу уразумел, кого имел в виду Гэд. А грек догадался.

– Комантуюсий на слоне, – сказал он с почтением.

– Значит, и этот, индус?.. – обрадовался Бармокар.

– Что ты прицепился к нему? – усмехнулся Ахилл.

На помощь другу пришел Гэд.

– Старые друзья. Еще по Карфагену. Его брат женат на его сестре.

– Ево, ево! – передразнил грек. – Цей брат? Цья сестра?

Гэд вспыхнул, ткнул пальцем в грудь Бармокара:

– Его брат... Того индуса сестра. Твои мозги переварили?

– Перефарили, – успокоил его Ахилл. – Осторожней, слон!

И в самом деле прямо на Гэда двигался царь джунглей. На нем восседали Ганнибал и погонщик. Десятки всадников двигались вослед. А Рутты не было видно.

Воины почтительно расступились, чтобы дать дорогу слону. Но великан остановился. Ганнибал указал на Гэда и резко спросил:

– Кто ты?

– Гано Гэд, пращник, великий господин.

– А ты?

– Тоже пращник. Мое имя Бармокар.

– Ты?

– Ахилл. Афинянин. Прасник.

Шлем на голове командующего пламенел, словно огонь жертвенного костра. Доспехи на нем сверкали при лучах восходящего солнца. Ни усталости, ни тревоги на его лице. Все в нем по-воински – и стать, и оружие, и взгляд.

– Эта грязь на тебе очень вонючая, – сказал командующий, и душа Гэда ушла в пятки.

– Великий господин, я спал в грязи и не успел почиститься.

– Когда ты это сделаешь?

– Солнце только взошло, и я, наверное, найду воду.

– А ты?

Бармокар, запинаясь, пояснил, что спал на сдохшей лошади, а во сне свалился в тину. Теперь вот, мол, дождался рассвета и надеется вновь обрести достойный воина вид.

Грек не стал дожидаться, когда командующий укажет на него и прикажет объяснить легко объяснимое. Он сказал по-эллински:

– Великий господин, поскольку впереди я вижу по меньшей мере сотню болот, то полагаю привести себя в порядок в конце этого пути, по которому – слава богам и тебе! – мы все-таки прошагаем, не уронив чести!

– И как далеко ты думаешь прошагать, любимец Зевса?

– Это зависит от твоего приказа.

– Если я прикажу шагать неделю?

– Прекрасно!

– Две недели?

– Очень, очень хорошо!

– Три недели?

– Пусть даже четыре! С моими друзьями, – Ахилл указал на Гэда и Бармокара, – мне ничего не страшно.

Ганнибалу понравился этот наемный пращник. Эти наемники требуют немало

золота, но бьются честно...

– Соратники, – сказал Ганнибал, – я верю в вас, и эта вера ободряет меня! Слава тем, кто погиб в этих болотах как воин!

И слон прошествовал дальше. А за ним и всадники ливийские.

– Я аж вспотел, – продолжал Ахилл на родном языке. – А он как ни в чем не бывало. А? Разве эти болота не отравляют его? Разве он не дышит одним с нами воздухом?

– Это – бог, – сказал восхищенный Гэд.

Бармокара стошнило зеленой жижей. Он упал на колени, его пригибало к земле.

– Смерть пришла, – простонал он.

Ахилл раздобыл флягу с вином и дал Бармокару.

– Тебе лучше? – спрашивал грек. – Лучше?

Бармокар делал рукою непонятные знаки. Он чуть не уткнулся в землю носом. Его тошнило, а желудок был пустой.

– Ти глубже дыси, – советовал грек.

Подошел сотник – широкоплечий рыжеволосый детина.

– Что с ним?

– Тоснит, – пояснил грек сотнику.

– Что же с того?

– А ницево, – весело сказал грек.

– Тоснит! Кого теперь не тошнит? – И сотник пошел по своим делам, крикнув: – Всем держаться стойко! Слышите?

Гэд стоял в полной растерянности, плохо понимая, что делается вокруг: едет на слоне божество, этого Бармокара воротит, а сотник чего-то орет.

– Или я сошел с ума, – сказал Гэд, – или кто-то другой спятил...

– Сколее друкой, – пошутил грек. И обратился к Бармокару: – Слушай, друк, тебе лучше?

Опять непонятные знаки рукою.

– Сто это знацит? – спросил грек Гано Гэда.

– Ты знаешь, что такое хана?

– Хана? – грек задумался. – Это карфакенское рукательство?

– Почти. А означает вот что... – Гэд провел ребром ладони по своей грязной худящей шее. – Понял?

– Теперь ясно, – сказал грек. – У тебя сейчас плохое настроение?..

– Нет, почему же? – возразил Гэд. – Я готов драться с кем угодно. Но валяться в грязи – не в моем обычае...

А Бармокар упал наземь. Его следовало поднять, оказать помощь. Этим и занялись грек и Гано Гэд.

Ганнибалу сообщили, что Миркан Белый, великий звездочет, умирает.

Командующий находился в своей походной палатке. Был холодный вечер, высоко в небе сияла почти белая луна. И свет падал на землю белый-белый. От этого и тина казалась не зеленой, а желтоватой, и местность, насколько хватало глаз, выглядела

умирающей...

– Что? – спросил командующий, точно его, сонного, вдруг растолкали.

– Господин великий, умирает Миркан,

– Какой Миркан?

– Белый, великий господин.

– Кто ты сам?

Вестник был человек молодой, чистый, точно из бани, и в чистой одежде военного жреца.

– Я недостойный помощник Миркана Белого.

– Что с ним?

– Годы его немалые, а воздух здесь гиблый...

Ганнибал вспыхнул:

– Ври, да не завирайся, сосунок дикой собаки! Где ты нашел гиблый воздух?

Молодой жрец опешил, попятился к пологу.

– Стой, тебе говорят! – Ганнибал чуть не подпрыгнул. – Запомни, собачий сосунок: нет здесь гиблого воздуха, как нет гиблых мест! Умирает тот, кто умирает по своей глупости, по дурости, по наивности, наконец! Умный и смелый никогда не умрет, не сразившись с врагом. А где враг? С кем идет сражение? Скажи мне! Кого поразил римский меч? Кого уложил римский пращник? Кому проломили череп римской катапульты? Ага, молчишь? Не знаешь? И не можешь знать! Ибо нет врага поблизости, мы идем своей дорогой. Понял?

Жрец упал на колени. Слезы текли по его щекам. Хотел было сказать что-то, да не мог: в горле застрял ком.

Командующий брезгливо отвел глаза в сторону, он тяжело дышал и не знал, куда девать руки – то ли их за спину убрать, то ли на груди скрестить. Понемногу он задышал спокойнее. Спросил, не глядя на жреца;

– Где он?

– Недалеко. За холмом.

– Заболел, что ли?

– Третьего дня. Его лихорадило.

– С чего это?

– Внутренний жар, господин великий.

– А откуда жар?

– Победила желчь, господин великий. Вода отступила от сердца, и тут занялся внутренний жар.

– Да, – проговорил Ганнибал, – это похоже на правду. Веди меня к нему!

Жрец приподнялся и не разгибаясь пропустил вперед командующего.

– Сюда, по этой тропинке, господин великий, – сказал он.

Впереди и сзади Ганнибала уже шагала личная охрана – тяжеловооруженные гвардейцы. Тропинка была узкая, не топкая. Она вела к холму, поросшему кустарником, огибала его. При лунном свете она выглядела так, точно ее посыпали бледно-розовым мелко битым кирпичом.

– Здесь он, – проговорил жрец, склонившись в три погибели.

В двух шагах по левую руку блеснул теплый огонек, показалась островерхая палатка, чужеродная на фоне дикой поросли.

Резким движением Ганнибал откинул полог и вошел в палатку. Осмотрелся – где он?.. В глубине – окруженная неяркими светильниками широкая постель.

– Оставьте нас, – буркнул командующий.

– Это ты? – раздалось из постели.

– Миркан, ты решил болеть? – участливо спросил командующий, присаживаясь на краю постели, устланной шкурами телят. На лицо его падал оранжевый свет ближнего светильника, сладко коптившего деревянным маслом, и старик выглядел отлитым из бронзы.

Больной ладонью защитил глаза от света.

– Значит, ты? – произнес он.

– Я, Миркан... Что с тобой?

– Ничего особенного, господин великий... Просто всему есть конец...

– Как? – испугался Ганнибал. – О чем ты, Миркан?

– О себе, разумеется... Читал я в одной умной вавилонской книге, что человек может и должен жить дольше черепахи...

– Черепахи? – брезгливо спросил командующий. – Это которая ползает, когда надо бежать? На брюхе ползает...

– Да, – произнес старик, – дольше этой самой черепахи. Но вот беда: не может человек ползать. Он бьет нетерпеливо копытами, точно конь. Тебе нет еще и тридцати, а я прожил чуть ли не трижды тридцать... Это немало, господин великий...

Ганнибал мрачно уставился в леопардовую шкуру под ногами. И внимательно слушал Миркана Белого.

– Я пил снадобья, приготовленные на диком меду, сваренные вместе с диким орехом и желчью телки. Я пил это целительное снадобье в тот час, который предписывали египетские врачеватели глубокой древности. Я это делал, точно соблюдая все их предписания, все их советы. Ты вправе спросить: Миркан, почему ты так дорожишь своей жизнью?..

Старик замолчал. А Ганнибал ждал продолжения его речи.

– Спроси же, господин великий.

– Что спросить, Миркан?

– Почему я хочу жить...

– Ах да! – Ганнибал махнул рукой, словно бы упрекая себя за непонятливость. – Так вот, Миркан: почему ты дорожишь своей жизнью?

– Отвечу, господин великий... – Старик протянул костлявую пожелтевшую руку к кувшинчику. Выпил снадобье. – Дело простое... Не хотел оставаться во льдах. Надо было многое терпеть, чтобы не умереть. Я должен был жить, чтобы не унывали другие и прошли сквозь снега...

И снова замолчал... Дышал тяжело, прерывисто, будто в гору взбирался. Ганнибал взял его руку в свою – она была холодная. «Просто озяб», – решил командующий. Бережно положил ее под шкуру, укрыл ее, чтобы потеплела, ибо это был еще не смертный холод. Это была старческая зябкость...

– Послушай, Миркан...

Старик повернул к нему голову.

– Ты меня хорошо слышишь?

– Хорошо.

– Я знаю: ты все разумеешь. Ты очень мудрый. И у меня к тебе одна просьба. Одна-единственная...

В голосе командующего зазвучали нотки предельного волнения. Волновался человек, который никогда не волновался. То есть никто не замечал его волнения, чувства его оставались в глубине его души и редко прорывались наружу. Только гнев имел право покидать те таинственные глубины. И гнева своего, если гневался, никогда не скрывал: пусть узнают те, которым он предназначался.

Старик снова поднес к губам заветный кувшинчик.

– Миркан, сделай все, призови на помощь всех богов, чтобы выздороветь и показаться моим воинам. Многие из них уже погибли в этих болотах. Я говорю: они погибли по глупости, по своей вине. И с них по справедливости надо бы взыскать, но их нет в живых. А что возьмешь с мертвого? Ты должен жить, Миркан! Сделай для этого все! Ты меня слышишь?

И откуда-то, с опозданием, словно со дна колодца донеслось хрипловатое:

– Слышу...

– Мне, Миркан, очень нужна твоя жизнь сейчас. Как никогда. Дело идет – страшно сказать! – о жизни или смерти нашей. Нет, не о моей или твоей, но всего Карфагена. Этим могут рисковать они, в Карфагене, а я не могу. Мне слишком многое завещано отцом моим Гамилькаром...

– Знаю, знаю, господин великий...

– Так ты выполнишь мою просьбу? – Голос командующего дрогнул.

– Какую, господин великий?

– Не умирай.

– Как? – Старик попытался привстать, но рухнул на подушку – пуховую, в два раза больше обычной. И почти утонул в ней.

– Вот так! – Ганнибал становился нетерпеливым. – Я должен дать сражение. Может быть, на берегу Тразименского озера. Понимаешь? Это будет последнее большое сражение. Представь тебе, что остается до Рима. Мы спустимся по долине Тибра и вонзим кинжал в сердце мерзкой державы. Мы же совсем рядом! До Рима рукой подать! Нужно одно сражение. – Ганнибал воодушевился. – Пусть Фламиний ведет свои легионы к озеру. Я только этого и жду. Я сам выберу место для боя. Я покажу римлянам нечто, и им станет жарко. Так жарко, что нам останется только одно: шагать парадным маршем до Рима. По моим сведениям, Фламинию посланы подкрепления. Гней Сервилий Гемин хочет помочь ему? На здоровье! Пусть шлет сюда легионы. У нас достаточно рук, чтобы перемолоть и его легионы. Побольше бы сюда римлян! Не скоро отыщется место более подходящее для римских могил, чем это Тразименское озеро! Я это предвижу, и у меня чешутся руки. И ты должен быть свидетелем всего этого, ты своей жизнью должен воодушевлять моих воинов, а не удручать их своей бесполезной смертью в столь неподходящий час. Понял меня?

Ганнибал присмотрелся к старику. Что с ним? Миркан был мертв. Командующий обращал свою речь к покойнику.

– Не к месту! Не вовремя! – проговорил Ганнибал. И, немного подумав, хлопнул в ладоши. В палатку вбежал начальник телохранителей. – Подойди ко мне. – Ганнибал сделал паузу. – Есть у тебя четверо доверенных лиц?

– Есть, великий господин.

– Возьми долбленку, своих четырех друзей, выйди на середину болота, что недалеко от нас, и аккуратно погрузи тело...

– Тело? – испуганно спросил начальник телохранителей, могучий чернобородый ливиец.

– Ушел от нас Миркан Белый, Миркан Великий, – торжественно объявил ливийцу Ганнибал. – А он так жаждал увидеть нашу близкую победу над Римом.

Ливиец подошел к постели.

– Не дышит, – сказал он. – А как живой.

– Он умер только что.

– Когда хоронить?

– Когда вокруг не будет ни души. Ни единой души, ни единого глаза. Отвечаешь головой.

– Если спросят, куда девался Миркан Великий?..

– Он ушел вперед. К Риму. Понял?

– Понял, господин великий.

Ливиец покинул палатку и вскоре вернулся:

– Никого. Все спят. Только звезды в небе.

– Где долбленка?

– Она у подножья холма. Совсем рядом.

– Действуй! Я постою. Погляжу на вас, на болото.

Ночь была красивая: красиво светилась луна, красиво мерцали звезды, даже прохлада казалась приятной. Худо было одно: зловонные испарения от болот.

Разумеется, Миркан не выдержал – они убили его раньше времени. А впрочем, что значит раньше или позже? Кто это может определить?..

Ливиец со своими товарищами действовали с великой поспешностью. Они вынесли завернутое в шкуры тело Миркана Белого, живо раздобыли камней, их тоже завернули в шкуры вместе со стариком. Спустили долбленку на болотную жижу, погрузили покойного и поплыли к середине болота, выгребая жижу лопатообразным веслом.

Вот они удалились на порядочное расстояние. Они почти не заметны в ночной мгле. Только луна порой высвечивает тугие всплески водянистой тины.

Ганнибал до конца наблюдал за тем, как хоронили Миркана Белого. Жаль было старика: он был подспорьем в мгновения душевного разлада, который случается со всяким смертным, в том числе и с вождем...

Вот уж долбленка плывет обратно. Уже ясно различимы взмахи весла. Различимы долбленка и люди на ней...

Жить, чтобы любить

Бармокар увел своего друга в пустынную местность. Пугливо озираясь, остановился возле небольшой возвышенности. И тихо сказал:

– Шагай, шагай... Вот сюда...

Гано Гэд не мог понять, куда это шагать – «вот сюда»: впереди вроде бы только темная стена. Бармокар показал куда – рванулся вперед и потянул за собой Гэда. И совсем стало черным-черно. И вдруг – тепло.

– Здесь хорошо, – проговорил Гано Гэд. – Озяб, как собака.

– Проходи дальше. И тогда будет светло.

Бармокар присел на корточки, поковырял палочкой в земле. И вдруг засияла крошечная звездочка.

– Огонь?! – воскликнул Гэд.

– А сейчас будет настоящий костер.

Бармокар принялся изо всей мочи дуть на уголек. Его рука нащупала комочки сухого мха. Вскоре и в самом деле запылал огонь. Гано Гэд с удивлением осмотрелся: это была пещера, довольно просторная, сухая пещера – прекрасное жилище в этой болотистой стороне...

– Как тебе нравится?

– Очень, – сказал Гэд, грея руки. Можно было присесть на камни, которые вполне заменили низкие скамьи.

– Я все приготовил, – хвастал Бармокар. – Почистил эту пещеру, приволок эти камни, набрал мха побольше и этих сучьев. Чем не дом?

– Послушай, брат, я готов жить в этом доме. Здесь приятней, чем на болотах.

Оба пращника удобно устроились на своих сиденьях, а спинкой им служила плотно слежавшаяся глина.

– Я даже вина раздобыл, Гэд. Отдал много золота.

– Где же оно?

Бармокар вытащил кувшин из небольшой ниши, прикрытой дерном.

– И еще есть хлеб, – сказал он. – Пей.

Гэд приложился к кувшину и долго тянул из него. И молча передал сосуд Бармокару.

– Что скажешь, Гэд?

– Крепкое.

– Оно от простуды.

Гэд обхватил руками голову и уставился на огонь. Бармокар шумно пил вино, и оно булькало в кувшине. Рвал зубами черствый хлеб.

– Ешь, – предложил он Гэду.

– Дай лучше вина. Мне оно кажется прекрасным. Почти как иберийское.

– Пей, Гэд, а скажу я тебе вот что... Когда я мерз на льду в этих проклятых Альпах, думал, что умру, хотя была какая-то надежда. А сейчас мне кажется, что умру наверняка. И нет надежды... Я не мог вообразить, что есть на свете нечто, что похлеще

и снега, и льда, и пропастей. Не мог вообразить, что на свете так много болот и таких страшных, как здесь. Отсюда только один путь – в загробное царство.

– Выпей еще, и ты перенесешься в свой родной Карфаген, в свою гавань. Я уже одной ногой там...

– Ты шутишь, Гэд, а я – серьезно. У меня разрывается сердце. И я спрашиваю себя: зачем я здесь?

Гэд хмыкнул. Почесал кончик носа:

– Зачем? Чтобы сокрушить Рим.

– А теперь я не желаю.

– Почему это, Бармокар?

– Потому что силы нет. Потому что гибну в болотах. Я пока живой человек. А ты – разве нет?

Гэд молчал. Бармокар выпил еще, вытер кулаком губы:

– Я скажу тебе нечто... Сокровенное... Как брату... Можно?

– Можно, – промычал Гэд, не глядя на друга.

– И не выдашь?

– Не знаю, – сказал Гэд.

Бармокар махнул рукой:

– Ладно, можешь выдавать! А я все равно скажу. – Бармокар подбросил сучьев в огонь, пламя поднялось на высоту трех локтей. – Вот что замыслил: сейчас приведу Рутту.

– Где ты возьмешь ее? – бесстрастно спросил Гэд.

– Я знаю, где она...

– Ночь темна – хоть глаз выколи.

– Сказал, найду – значит, найду.

– И ты приведешь сюда, в это подземелье?

– А чем здесь плохо? Светло, тепло.

– Это правда, Бармокар. А ежели сотник хватится?

– Нет, не хватится.

– Уснет, что ли?

– Словом, не хватится.

– Дал?

– Дал, – признался Бармокар. – Чистого золота.

За земляным порогом было тихо. Пещера плавно изгибалась, и свет костра был светом в некоем подземном царстве, воистину волшебным среди тлетворного болотного окружения.

– Тащи ее сюда, – сказал Гэд. – Тащи да поживее. Кажется, ты прав: мы ляжем в эту тину, и засосет нас, да так, что никто не найдет нашей могилы... Торопись, Бармокар!

Над миром бледная луна. На болотах ее бледный свет. Зеленые болота шипят коричневатыми испарениями. Лагерь спит. И мир спит глухим сном.

Он знал, где искать индуса. И нашел его. Он бы выискал его даже в морской

пучине – так нужна была эта Рутта. Он умрет без нее.

Она спросила:

– Куда?

Ничего не ответил. Не все ли равно – куда? Она согласилась: да, все равно.

Бармокар наклоняется к ней и шепчет на ухо:

– Я умираю без тебя.

– И я.

– Мне кажется, что мы идем по кладбищу.

– Ты не ошибся. Это и есть кладбище.

– А я хочу любить. Тебя. Будь что будет – ночь наша, только наша.

Рутта прижалась к нему. Они думали одинаково. Ей тоже хотелось любви.

– Далеко ведешь?

– Нет, сейчас будем дома.

– Как – дома?

– А так: свет, тепло, уют.

Ей не верилось. Шли они не по тропе, а посреди колючих кустарников. Было страшно от тишины и полной заброшенности.

– Там тоже так, Бармокар? – Рутта оглядела местность.

– Где там?

– В подземном царстве...

Он торопился. Она шла рядом. Не отставая. И откуда в ней такая сила?..

Над головой пролетает что-то тяжелое, черное. Раздается жуткий крик. Не сова ли? А коричневатое испарение расплзается по земле, точно тяжелая, вязкая жидкость. И луна стоит в небе вся дрожащая – зимняя, озябшая луна...

Они вваливаются в пещеру. С удивлением рассматривает она земляное жилище и неподвижного Гано Гэда. Бармокар усаживает Рутту между собой и Гэдом.

– Здравствуй, индус, – говорит Гэд и дружески обнимает ее.

Она отстраняет Гэда, целует Бармокара и сладостно вздыхает:

– Хорошо...

Рутта хвалит жилище, греется у огня. Ей весело. Как быстро забываются все невзгоды!

Бармокар глядит на нее, точно иберийский бык, – то ли сердит, то ли возбужден при виде возлюбленной. А Гано Гэд прикидывается совершенно спокойным.

– Скажите мне, – говорит Рутта, – скоро кончится этот ужас?

Вот тут наступает тишина. Пращники не могут сказать ничего путного. Бармокар подкладывает хворосту в огонь. Гано Гэд ковыряет палочкой в твердом земляном полу...

– Молчите? – спрашивает Рутта.

Бармокар наблюдает за ее тонкими пальцами, которые даже здесь, среди болот, бело-розовы и нежны, как в Новом Карфагене. А Гано Гэд глядит в огонь, в самое пламя, с отсутствующим видом.

– Скажи, Гано, скоро кончится этот ужас?.. Ты рвался в поход. Ты верил в скорую

победу. А где она? Ты не молчи. Скажи что-нибудь... Я вам верила – тебе и Бармокару, – пошла с вами. И я хочу знать.

– Она права, – говорит Бармокар.

Гано Гэд молчит. Только желваки ходят на его щеках. Наверное, знает кое-что, да не желает отвечать.

– Один я виноват, – бормочет Гэд.

– Вы что-то скрываете, – говорит Рутта. Ее ноги так плотно укутаны в шерстяные повязки, что совершенно потеряли волнующие очертания. И Бармокар пытается представить себе их, ибо они словно изваяны эллинскими ваятелями...

Гано Гэд усмехается:

– А что скрывать? Эти болота?

– Куда мы идем?

– Объясни ей, Бармокар, – говорит Гэд.

– Почему – я? – удивляется Бармокар. – Ты верил ему. Ты говорил его словами. Ты рвался в бой.

Гано Гэд отвечает, как истый карфагенский рыбак:

– Я верил? Я говорил? Я рвался? – и разводит руками.

Один умный человек в Карфагене, в квартале Нэщ, заваленном тухлой рыбой, говорил умные речи:

– Что такое костер? Горит дерево, дым поднимается кверху и тает. Превращается в ничто. Люди, приглядитесь получше: это же ваша жизнь...

Гано Гэд берет в руки кувшин, взбалтывает содержимое (булькает ли еще?) и, отхлебнув изрядное количество, говорит замогильным голосом:

– Бармокар... Кто мечтал об этом? Кто бежал за некоей Руттой? Кто разжигал костер в этом великом доме? Если я не ошибаюсь... – Здесь Гано Гэд надолго умолкает. А после продолжает: – Если не ошибаюсь, ты, Бармокар, мой друг и брат. Когда все сбылось, как в лучшем сне, мы сидим и несем сущую околесицу: что будет? Куда идем? Да кто что говорил?.. Разве дело в этом? Умные люди, задайте сами себе вопрос: в этом сейчас дело?

– А в чем же? – Рутта вдруг становится той самой Руттой из Нового Карфагена – царицей рынка и площадных девиц.

Гано Гэд кладет ей руку на колени и медленно движет вверх, к животу. Она и не думает сопротивляться, ей приятна эта грубая мужская повадка.

– Гэд, – говорит Бармокар прерывающимся голосом, – у меня тоже есть рука. – И смеется. Через силу.

Гэд отталкивает Рутту и отворачивается от нее.

– Бери ее. Не жалко. Только не надо тянуть эту дурацкую песню. Меньше слов, больше дела. Разве не этому учили нас босяки в Карфагене?

Бармокар исподлобья глядит на Рутту – что скажет? Она прикрывает глаза. Это воистину зов дикой серны. У него вот-вот разорвется сердце.

– Что-то душно здесь, – говорит догадливый Гэд. – Я люблю землю, но она порою

давит. Простор лучше любого подземелья. Нет, я не хаю эту пещеру. Я отошел здесь: во мне снова бьется сердце, которое, как мне казалось, остановилось... Я выйду на свежий воздух. Подышу...

– Куда ты?.. – для приличия выговорил Бармокар.

Рутта ладонью прикрыла его губы.

– Он – настоящий мужчина, – сказала Рутта, – знает, когда уходить...

Удивительная тишина стояла над болотами. Лагерные костры горели рыжим дымным пламенем. Все здесь было во власти гнилостных миазмов. Даже тишина, казалось, родилась именно из миазмов – противная была тишина.

Сколько же может выдержать человек?

Бармокар сидел виноватый, а Рутта гладила его волосы.

– Значит, много думал обо мне? – Рутте хотелось, чтобы он еще и еще раз подтвердил, что думал много, все время, ежечасно, каждое мгновение. Но зачем ей все это?

Он кладет руку ей на грудь – такую крепкую, вроде еловой шишки. Хочет сказать нечто, ему есть что сказать, но в этот час, когда она рядом, – лучше помолчать.

– Рутта, я умру без тебя.

– Но я же с тобой!

– Я хочу, чтобы все время.

– И я.

Бармокар вдруг развязал язык. Ему вдруг захотелось выговориться. Может, потому, что ждет она его слов. Нельзя молчать, если ей приятны его речи. Он говорит:

– Я подумал там, в Новом Карфагене, что человек живет для того, чтобы побеждать другого, добро копить и затем проживать это добро в Карфагене, в родном портовом квартале. А теперь, Рутта, я думаю иначе. Мне кажется, что надо жить, надо выжить ради тебя, ради любви к тебе. Часто спрашиваю себя: выживу ли? Я думал, что страшен враг, закованный в доспехи, со шлемом на голове и с мечом в руке. А теперь я понял другое: холод страшнее, лед страшнее, и эти болота страшнее того врага. Позавчера я чуть было не утонул. И где? В двух шагах от тропинки. Падал не потому, что был ранен, а потому, что устал, оттого, что искусала мошкара. Это пострашнее римского воинства. Или я, может, не прав?

Рутта сказала:

– Прав.

– Стало быть, – вдохновился Бармокар, – я кое в чем повзрослел, кое-что лучше понял. Я ведь и раньше немного сомневался... Повзрослев, говорю тебе: надо жить, чтобы любить.

Рутта усмехнулась:

– Я это давно поняла.

– Сама догадалась?

– Сама.

– А я боюсь, – признался он.

– Чего? – удивилась Рутта.

– Вдруг нас разлучат? Вот ты болела... И я могу заболеть... Могу умереть. Запросто. Уткнувшись в болотную жижу. Ты не видела, как умирают искусанные мошкаррой, голодные, холодные?

– Видела.

– А ежели и со мной стряется такое?

Она не стала успокаивать. Она была сильная и в рассуждениях, и в любви. Она сказала:

– Все может быть. Ведь нашей судьбой повелевают боги. Не мы властны над нею, а они, боги.

Он задумался. И тут заметил, что становится темно, что костер теряет яркость, пламя оседает, вместо того чтобы рваться кверху.

Бармокар живо подложил в костер целую охапку колючих сучьев. И оборотился к Рутте, чтобы продолжить разговор. Но почувствовал ее горячее дыхание возле своих губ, увидел ее глаза – сверкавшие огнем совсем, совсем близко.

– Ты нужен мне, – прошептала она, – и нет мне никакого дела ни до хвороб, ни до смертей. Пусть умирают недотепы.

И, не давая опомниться, снова прильнула к нему...

– Теперь я – греческая губка, – признался он.

– И я, пожалуй, – сказала Рутта.

– Может, позовем его?

– Зови, – смеясь, согласилась иберийка.

Гано Гэд откликнулся немедля. Появился злой, колючий. Живо примостился у костра. Хмыкал и громко чмокал губами.

– Замерз? – спросил Бармокар.

– Я? – Гэд пожал плечами. – Где мне мерзнуть? Там такая теплынь, благоухают розы...

– Сердишься? – Рутта похлопала его по спине. – Гано, ты хороший товарищ. Ты спас мне жизнь, а заодно и ему.

– Вам бы только по земле кататься... – проворчал Гэд.

– Правду говоришь. Что делать, если нет постели?..

– Пей да дела своего не забывай, – сказал весело Бармокар.

– Какое теперь у нас дело? – Гэд заскрежетал зубами.

– Погляди на него! – воскликнул Бармокар. – Кто лез в драку? Кто звал с собой? А теперь нос повесил?

– Не повесил... Но повешу...

– Это почему же, Гэд?

– Все потому же.

– Если тебе нужна Рутта – разговор будет особый.

– Никто мне не нужен. И сам себе тоже не нужен.

– Это он с холоду. Озяб он, – участливо произнесла Рутта. – Поддай огня, Бармокар!

Тот послушно исполнил приказ. Языки пламени взметнулись кверху. Даже жарко

сделалось.

– И вина мне... Если осталось...

– Этого добра предостаточно, – прихвастнул Бармокар и полез в мешок.

Все трое выпили поочередно. Дольше своих друзей пил из глиняного горлышка Гано Гэд. Пил с остервенением, с желанием напиться, и как можно скорее. Кувшин не вернул хозяину, зажал в руках, облизывал губы, словно меда наелся.

– Не много? – осторожно спросила Рутта.

– Нет, – ответил за друга Бармокар. – Он крепкий.

– Нет, – жестко возразил Гэд. – Теперь не крепкий. Я совсем не тот!

– То есть как это?.. – подивился Бармокар.

– Очень просто! Был Гэд, и нет Гэда! Вам это ясно?

– Мне, например, нет, – сказал Бармокар. Он сидел поджав ноги, подражая старым ливийцам – большим любителям костров и циновок.

– Что неясно, Бармокар?

– То, что происходит с тобой. Можно подумать, что только тебе худо. А ты позабыл, как я совсем недавно чуть не окочился? Позабыл?.. Рутта, разве не он уговаривал нас идти в этот поход? Не он? Может, кто-нибудь другой?

Рутта сказала:

– Я пошла по своей воле. И не жалею.

– Тебе – что? – Гэд сердито махнул рукой.

Наверное, там, у входа в пещеру, Гэда посетили невеселые мысли. И в голове у него все смешалось. Не может же опытный пращник менять свое мнение о войне из-за того, что вдруг стало тяжело на этих дурацких болотах. Военное счастье переменчиво, и настоящий воин должен это понимать и духом не падать. Раз уж случилось такое – надо выкарабкиваться...

Бармокар сказал:

– Гано, ты нуждаешься в утешении?

И вдруг неожиданный ответ:

– Да, нуждаюсь.

Гэд посмотрел на друга долгим, но пустым взглядом. «Не пьян ли?» – подумал Бармокар. А может, он все из-за нее, из-за Рутты? Ревнует, что ли? Вот он желтый какой-то, глаза не его, чужие, руками ухватил кувшин и не отдает... Жалко друга. И вот Бармокар говорит:

– А можно начистоту, Гэд? Скажи, что тебя грызет?

Гэд потрянул головой и глубоко вздохнул:

– Ладно, скажу. – Гэд закашлялся, с трудом пришел в себя. – Кто говорил, что надо в поход? Я. Кто был уверен, что Рим быстро будет разгромлен? Я. Кто верил каждому слову командующего? Я. Кто соблазнил вас обоих в поход? Думаю, что я. А теперь говорю: доживу ли до завтрашнего дня? А почему не знаю? Да потому что муторно на душе. Потому что сердце чует беду. Допустим, что увижу рассвет. А дальше? Пусть доживу до следующей битвы. А дальше? Вы видели, как умирают люди на болотах? Видели, как спали они на трупах лошадей? Если кому-нибудь рассказать все это – не поверит. Клянусь всеми богами – не поверит! Мы пьем вино. Спасибо тебе, Бармокар!

А какую воду мы пили? И что мы будем пить завтра? Я чувствую себя виноватым перед вами. Я втравил вас в эту беду. Вы спросите: а победа все-таки будет? Отвечаю: будет, но без... Нет, нет, вы увидите ее... Будет, но без меня. Это уж точно! А теперь дайте мне поспать в тепле до утра, а сами можете миловаться сколько угодно. Считайте, что здесь только вы и один... труп.

С этими словами Гано Гэд лег на теплую землю лицом к земляной стене и вскоре захрапел.

Бармокар сидел, словно оглушенный. Все в той же позе – поджав ноги по-ливийски. Рутта сказала:

– У нас есть еще время, чтобы жить и любить. До рассвета.

А Бармокар словно окаменел: пырни ножом, кровь не пойдет.

Второе письмо Ахилла – поэту Лахету, сыну Евфикла

Ахилл – Лахету, привет и добрые пожелания!

Сколько прошло времени с того дня, когда написал тебе первое письмо из италийского похода великого Ганнибала? Не счесть дней и месяцев. Кажется, прошло целое столетие: ведь за моими плечами не только Альпы, но – что страшнее во сто крат! – болота по дороге в Этрурию.

Ты спросишь, мой далекий друг: разве не видали мы с тобою болот? Что с них особенного? Чем они страшнее снегов и льдов альпийских, о которых писал тебе?

Скажу без лишних слов, которыми иные поэты вышибают слезу из глаз своих слушателей: я и мои соратники побывали в подземном царстве. А ты восклицаешь: «Побывал, Ахилл, и остался жив?!» Да, побывал, но жив ли я, сказать затрудняюсь. Убей меня – не знаю.

Начну с того, что мошкара там размером, наверное, с воробья – во всяком случае, не меньше, ибо так жалить простой комар не в состоянии. Люди пухли от укусов, а ведь стояла зимняя прохлада. Неужели не имеют значения времена года? По-видимому, нет, если судить по тому, что я видел и что пережил.

Тот, кто, благодаря сочувствию богов, перенес укусы здешних комаров и прочих летающих разбойников, тот запросто мог утонуть в вонючей болотной жиже. А почему утонуть? – спросишь ты, ибо, по здравому суждению, надо держаться подальше от жижи. Но как держаться? Мы же ушли в болота, чтобы избежать встречи с римлянами. Мы спали на спинах павших лошадей, на каких-то грязных кочках. А во сне падали в грязь – от усталости и бессилия. Падали и задыхались в тине.

Я никогда не предполагал, друг мой Лахет, что человек способен вынести столько, сколько выпало на нашу долю в этом необычном походе. Если не все передохли по дороге в Этрурию, то, наверное, только потому, что вел нас великий Ганнибал. Он тоже спал, как все мы, в болотных миазмах, как и все мы, ел одинаковую с нами пищу и пил одну и ту же вонючую воду. Он даже потерял один глаз – он у него воспалился, а бездарные врачеватели ничем не могли помочь. Так окривел наш Ганнибал.

А были мы недалеко от Рима. И расчет, полагаю, был простой: если выживет хотя бы треть войска – она благополучно доберется до Рима и войдет в его ворота как победительница.

Не помню, писал ли я о моих друзьях-пращниках Гано Гэде и Бармокаре? Писал ли я о некоем маленьком индусе? Если нет, то запомни эти имена, ибо я скоро коснусь их, и ты узнаешь о них нечто. (Лишь бы хватило этих римских дощечек!)

Мне трудно говорить обо всем, что случилось со всем нашим войском на болотах. Может быть, один маленький пример кое-что и скажет тебе. А пример такой: рядом со мною сражался при Тицине некий Сокл, рожденный в Сицилии, такой же наемный воин, как и я. Этот красавец двадцати пяти лет от роду упал рядом со мною, сраженный приступом лихорадки. Это случилось в ночное время. Я сам был в полузабытьи. Он стонал, и я не смог оказать ему помощь. Ни я, ни другие. А утром,

когда взошло солнце, мы увидели труп: Сокл умер, как и многие другие. Я плакал. От бессилия и горя. Я рвал на себе волосы, пока меня не успокоил наш сотник, влив в меня этой иберийской огненной жидкости. Да, брат Лахет, такова одна из тысяч трагедий, которая сама по себе сильнее любой великой трагедии Софокла.

Днем мы шагали, отыскивая любую тропиночку меж болот, по которой могли бы пройти к Тразименскому озеру, куда вел нас командующий. И мы радовались тому, что идем к озеру, а не к огромному болоту, – ведь мы смогли бы хоть руки помыть. Это нам казалось подлинной благодатью. И как припоминались наш Аргос и замечательное лукоморье за городом – так готов был нестись вприпрыжку к берегам италийского озера. От озера до Рима – совсем рукой подать. При одной этой мысли сердца наши усиленно бились, а ноги несли нас сами по себе.

(Я писал, что тина была зловонной. Но это мало что скажет тому, кто сидит далеко отсюда в прекрасном доме прекрасного города Аргос. Если хочешь знать, что это, – возьми большую горсть тины из болота, что на южной окраине Аргоса, примешай к ней побольше тухлой рыбы, которую собери на берегу, примешай также собачьего помета и полей все это прошлогодней мочой – и ты будешь иметь некоторое представление о здешней тине.)

Верно то, что поход в Этрурию через болота избавил нас от встречи с римскими легионами. Но скажу так: лучше битва с римлянами, чем эти болота! Наберись терпения, дочитай мое сумбурное письмо до конца, и ты, я уверен, согласишься со мной. Вообрази хотя бы это: когда смотришь на болота днем – они напоминают зеленым цветом большое поле, а вечером – некую ржавчину, покрывшую огромное пространство... Словом, видеть все это и нюхать ядовитые испарения – величайшее бедствие для человека. И среди болот мы вспоминали Альпы как сладкое сновидение...

Итак, милый Лахет, мы двигались к Тразименскому озеру. Нам говорили, что на берегах озера нет врага и в помине. Стало быть, мы идем к Риму, не встречая пока сопротивления. Только Ганнибалу могла прийти эта счастливая мысль. (Так говорит наш бравый сотник.)

Прошло немало дней, прежде чем увидели мы озерную гладь и все, кто остался в живых, радостно вздохнули. Погода была неважная, и мы не смогли в полной мере оценить всю прелесть воды.

Озеро это окружено холмами: одни – повыше, другие – пониже. Одни – голые, другие поросли кустарником, а на третьих красуются прекрасные сосны. А главное – под ногами у нас твердая земля, а главное – нет вокруг болот, а главное – впереди пресная вода, ее даже можно пить.

Между водой и холмами, которые на северной стороне озера, лежит просторная поляна. К ней с запада и с востока ведут узкие проходы. Не могу сказать в точности, как располагались войска Ганнибала. Ливийцы и иберийцы стали на центральных холмах. Мы же, пращники, двинулись к восточному проходу. Всадники и галлы укрылись в кустах, которые обильно росли у подножия холмов. Вот что знаю об этом...

Мой друг – карфагенянин Бармокар сказал мне:

– Ахилл, теперь, когда я увидел эту воду, мне кажется, что буду жить вечно.

А вот слова его друга по имени Гэд:

– Душу свою я пронес-таки через болота. Неужели плоть моя погибнет на этом поле?

– Почему – поле? – спросил я.

И он объяснил:

– Потому что поле это создано для боя.

Он оказался провидцем: вскоре разнесся слух, что к озеру движется Фламиний со своими легионами. И тут, разумеется, мы, пращники, пришли к заключению, что именно здесь, у Тразименского озера, произойдет новое и, может быть, последнее сражение. (Еще раз повторю: отсюда до Рима – рукой подать.)

Дорогой Лахет, я не могу описать всего, что относится к Тразименской битве. Учти: я не историограф, а всего лишь воин, который действует пращей лучше, чем пером. И теперь, когда эта великая битва позади, я смог расспросить ее участников – моих соратников – и выяснить кое-какие подробности. Мои впечатления – впечатления человека, занятого на своем маленьком участке истреблением врагов и защитой собственной жизни в кровавом человеческом месиве...

Так вот, отдыхали мы всего неделю, и на рассвете туманного дня по цепи передали приказ командующего: быть наготове – враг уже рядом.

Я с товарищами стоял на некотором возвышении. Пазуха была полна камней. И в мешочках набедренных – тоже полно камней.

Рядом со мной стоял высокий карфагенянин по имени Гано Гэд. Он был мрачен, как само туманное утро. А другой карфагенянин по имени Бармокар сказал мне:

– Не испустить бы дух...

Кажется, так он сказал на финикийском, который я до сих пор плохо понимаю. Я спросил:

– О чем духе ты говоришь?

– Если хочешь – и о твоём.

Я обратился к его другу:

– Гэд, что скажешь ты?

– Что? – проговорил он мрачно. – Это ты узнаешь вечером.

– Не долго ли ждать? – пошутил я.

– Нет, не долго, – сказал он.

Туман понемногу стал подниматься. И вот по поляне, насколько хватает глаз, двинулись римляне. Шли они не совсем уверенно из-за этого самого тумана. Видно, не подозревали, что мы поджидаем их. Наш командующий, говорят, выбрал именно это место на берегу озера и заманил сюда Фламиния. Если это так, то иначе как западней, ловко поставленной, все это не назовешь. В самом деле, мне не совсем понятно, как это Фламиний, прослышав о том, что мы у озера, сам направился туда, где враг его выбрал место для битвы. Так может поступать только существо неразумное или слишком самоуверенное. Трудно представить себе, что Фламиний шел добровольно навстречу своей гибели. Но, верь не верь, все было так, как я описываю, ибо полагаю, что тебе надо знать правду, а что касается Фламиния, то правду о нем скажут сами римляне.

Так вот, шли римляне немного растерянные, потому что вокруг все было спокойно и врага нет и в помине. А как же нас заметить, если мы надежно скрыты за холмами и в кустах на склонах холмов. А ведь все это – хитроумные проделки нашего командующего. Как ни говори, а всем этим Фламиниям и прочим преторам и пропреторам далеко до Ганнибала. Наш прекрасно знает свое дело и смотрит далеко вперед. И потом, есть у него нюх на военные дела, то есть угадывает замыслы врага и сам опережает его, как бы подставляясь ему, а на самом деле завлекая его в свои сети. Таков этот карфагенский бесстрашный рыбак!

Римляне растянулись в длинную колонну, устали с дороги – это было заметно. Голова колонны приближалась к нашему холму, а хвост терялся в дали, все еще туманной, чтобы мы могли хорошо видеть все движение римского войска.

Когда же множество римлян оказалось на поляне – она немалая, как ты можешь себе это вообразить, – Ганнибал дал приказ атаковать.

– Ты готов? – спросил я вышеназванного моего соратника Гэда.

Он мрачно закусил нижнюю губу и пробормотал что-то невнятное. А его друг Бармокар изготовился, чтобы послать полбульжника в темя какому-нибудь римлянину. Перед боем – да будет тебе известно! – испытываешь некоторую робость. Ярость приходит позже. Я на редкость был спокоен, потому что видел все, что делается у меня на глазах. И не надо быть особенным стратегом, чтобы понять, что Фламиний был обречен. Только удивительно, как этого сам не понимал! Но, видно, на войне, как и в спортивном соревновании, каждый полагает, что поступает правильно. Это только потом – много позже – выясняются промахи враждующих сторон.

Итак, сигнал был дан. Сотники повторили его длинными посвистами дудочек, и мы ринулись с холмов прямо на голову римлян. Наш удар пришелся в нескольких местах, и римляне решили, что окружены. Впрочем, это так и было. Мигом расстроились боевые ряды Фламиния. Он, видимо, пытался как-то исправить положение, построить войско для отражения атаки. Но как это сделать? Ведь приказов уже никто не слышит, а тот, кто слышит, не понимает их смысла. Словом, вскоре у них все смешалось. Это было к выгоде карфагенян.

Наши пращники засыпали градом камней ряды римлян. Я видел их испуганные лица: они не думали не гадали, что произойдет нечто подобное. Галлы послали во врага сотни легких дротов. Засвистели в воздухе стрелы. Пока римляне приходили в себя, половина их полегла: кто – бездыханный, кто – корчась от ран.

Я рванул вперед, споткнулся о дурацкую кочку и распластался на земле. И тут через меня полетел Гано Гэд. А за ним и Бармокар, который навалился на меня.

– Что с вами? – ругаюсь я. – Ошалели, что ли?

Этот, Бармокар, подымается, вытирает ладонью лицо, и ладонь вся в крови.

– Ранен, – говорит он.

Я встаю, бока изрядно болят.

– Куда ранен? – спрашиваю.

Бармокар мотает головой, щупает ее со всех сторон.

– Не знаю, – говорит.

– Откуда кровь?

– Не знаю.

Пока мы с ним разговариваем, что-то под ногами у нас зашевелилось и застонало. Гляжу – он, Гано Гэд. Весь в крови. Грудь его проткнута дротом насквозь.

– Он! – кричу я. – Это его кровь!

Бармокар склоняется над другом. И слышит едва сказанное слово:

– Прощай...

Мы повернули Гэда лицом кверху: бледный, как папирус, и, можно сказать, не дышит.

– Неужели? – чуть не плача, произносит Бармокар.

И тут – голос сотника:

– Вперед! Чего торчите?!

И мы понеслись вперед. И на ходу слышу слова Бармокара:

– Погиб друг! Погиб он!..

А битва разгорелась. Пошли врукопашную. С боковых холмов ударили по римлянам иберийцы и галлы. Началась такая резня, что описать трудно...

Несколько тысяч римлян загнали мы в воду и ну топить их и разбивать им головы камнями. Озеро быстро окрасилось молодой кровью. Могу сказать тебе, о Лахет, что я не посрамил аргосцев – дрался как лев. Когда же туман совсем рассеялся, почти в полдень, – стало ясно, что римляне разбиты наголову: одни полегли на поле, другие утонули в воде, а третьи были взяты в плен.

Сотник приказал искать тело Фламиния, который, говорят, был убит.

– Зачем? – спрашиваю его.

А он орет:

– Как зачем, болван? Чтобы достойно похоронить.

– А как же он?

– Кто – он?

– Мой друг, Гано Гэд.

– Погиб, что ли?

– Погиб.

– Похороним после... Скоро все кончится...

А чему кончатся? И так все кончено: раздевали убитых – снимали с них доспехи, выбирали себе римские щиты и мечи, которые, доложу тебе, отменные. Я тоже облюбывал себе меч и такой кинжальчик, который вешается на пояс.

«Где же Бармокар?» – думаю. Повернул назад, к своему холму, где оставил Гано Гэда. Смотрю: над ним склонился Бармокар. Слезы у него из глаз. Будто первый раз видит убитого.

– Уже холодный, – говорит он, не стыдясь своих слез.

Глядя на него, и я прослезился. Правда, чуточку.. Потому что человеку, который повоевал с мое, трудно добыть слезу из собственных очей. Сколько же нужно иметь в запасе слез, чтобы плакать над трупами друзей?

Бармокар сказал:

– Последнее время он пал духом... Он всегда говорил: надо идти за командующим. И он шел. Он и меня вел... А вчера сказал: если умру – помоги моей старой матери.

Сделай для нее что можешь. «Может, погибну я», – говорю. «Нет, – говорит, – ты не должен погибнуть. Я тебя уговаривал идти в этот поход. Ты не должен погибнуть. Должен жить, чтобы любить». Это он говорил мне. Мы с детства были дружны. Ахилл, я очень его любил. У него добрая мать. Она нас всегда угощала жареной рыбой. Это было очень вкусно.

– Надо похоронить его, – сказал я.

– Наверное, надо.

– А иначе его погребут в общей могиле. Потом поставят камень и напишут, что под сим камнем лежат герои...

– Герои? – спросил удивленно Бармокар. – Но он не был героем. Он воевал, но всегда боялся. Как и я.

– Он боялся смерти?

– И смерти тоже.

– А еще чего?

– Что не увидит мать. Что его ранят, что лишится зрения и не увидит мать.

– А зачем ее видеть? – сказал я.

– Она же мать.

– Много на свете матерей. Разве он этого не знал?

Бармокар посмотрел на меня эдак пытливо, эдак вопросительно:

– Много, говоришь?

– Очень.

Он показал рукой на поле, усеянное трупами:

– И у них тоже?

– Да, и у них.

Бармокар задумался. А тут проходил сотник.

– Эй! – крикнул он. – Чего торчите?

– Разговариваем.

– О чем?

– О нем.

Сотник посмотрел на холодного Гано Гэда, который казался еще длиннее, чем был.

– Ушел в царство теней? – сказал сотник. – Ну и дурак же он! Нашел время, когда тут такая победа!.. А Фламиния не нашли... Так вот что: закапывайте его и – идите к тому месту, где знамя!

И сотник ушел.

– Будем хоронить? – спросил Бармокар.

– Да, будем.

– Где заступ? Земля твердая.

– Это мы найдем, – сказал я. – Трудно жизнь вернуть, а заступ – дело нехитрое.

Вон землю копают – найдем и мы заступ.

– А еще, – сказал Бармокар, – надо найти друга... Одного индуса...

– Такого маленького!

– Да, да! – обрадовался Бармокар.

И вот, милый мой Лахет, исполнили мы свой долг перед нашим другом, погребли отдельно от других на вершине холма, поставили камень – большой, грубый, солдатский. Потом сели мы под кустом и поели черствого хлеба с иберийскими солеными маслинами. И запили озерной водой.

– Что я скажу его матери? – шептал Бармокар.

А я посмотрел на него и подумал: «А что кто скажет твоей матери?» И в следующее мгновение спросил себя: «А моей матери?» Но вслух я ничего такого не сказал.

К вечеру на солдатских сходках было объявлено о великой победе у Тразименского озера: столько римлян убито, столько-то ранено, столько-то взято в плен, столько-то скрылось в позорном бегстве. Назывались многие тысячи убитых и пленных.

И каждый из участников этого похода решил, что с утра двинемся на Рим. А куда же больше? Ведь мы явились на италийскую землю не для того, чтобы пахать и сеять, а чтобы разрушить Рим и набить свою мощну. Так нам говорили. Так мы и полагали. Я спросил Бармокара, что думает он по этому поводу. Сказал, что думает именно так и не иначе. Мол, близок час, когда тяготы забудутся и все мы уплывем в Карфаген, исполнив танец на развалинах Рима. Но я не знаю, думал он так на самом деле или просто болтал...

Он горевал о своем друге, сказал, что есть у него одно дело и что вечером мы вместе отужинаем у костра. Не успел Бармокар отойти, как обращается ко мне один смелый и опытный пращник с таким же вопросом:

– Ахилл, это твой близкий друг?

– Да, близкий.

– А кем доводится ему некий индус, присматривавший за слонами?

– Такой тщедушный?

– Да, маленький.

– Они дружили еще там, в новом Карфагене. А что?

Этот пращник говорит:

– Я и подумал, что они крепко дружили.

– Ты не ошибся.

– Наверное, и ты знал индуса?

– Да, конечно.

– Послушай, Ахилл, мне передали плохую весть, и не могу не сказать тебе об этом.

Приготовься услышать нечто удивительное.

Я, разумеется, насторожился: думаю, что это за новость такая, которая может ошеломить меня?

Этот пращник продолжал:

– Нынче во время боя некий римлянин убил из пращи индуса, который стоял на гребне холма. Как на таком расстоянии римлянин сумел поразить несчастного, который за неимением слонов сделался конюхом?

– Да, – сказал я, – многие заплатились жизнью...

– Это так. Но главное не в этом. Я скажу нечто, и ты подпрыгнешь от удивления.

– Я? От удивления? Что может быть хуже горькой вести о гибели нежного

существа – индуса из далекой Индии?

– Может быть, – сказал пращник. – Ты давно знал индуса?

– С начала похода.

– И ты не замечал ничего странного?

– В чем?

– Не в чем, а – в ком?

Я сказал, что ничего такого не замечал. А что, собственно, должен был заметить?

– Когда индус упал – к нему подбежали воины. Камень попал в самый висок. И когда попытались обнажить грудь, чтобы растереть ее холодной водой, как это делают при глубоких обмороках, то выяснилось, Ахилл, что никакой это не индус.

– А кто же? – спросил я.

– Красивая женщина. Молодая совсем.

– Как – женщина?

– Вот так! Как положено женщине – грудь, прекрасные волосы, широкие бедра и всякое такое. Женщина в роли солдата! Что скажешь?

Я разинул от удивления рот.

– Значит, индус погиб?

– Да, его уже похоронили. Говорят, сам Ганнибал пришел посмотреть на нее – он не поверил, что женщина смогла преодолеть Альпы и дорогу в Этрурию.

– Ты меня поразил, – сказал я. – Индуса этого я знал потому, что был он другом моих друзей. А что сказал командующий, когда увидел женщину?

– Говорят, долго смотрел на нее. И не рассердился, что женщина оказалась в армии без его ведома. Он только сказал: «Героиня она. Вот какова доблесть наших женщин! Что же сказать о мужчинах?»

Я расстался с пращником и кинулся искать Бармокара. Его многие видели, и я побежал по его следам. Долго не мог найти. И кого бы ни спрашивал – каждый говорил, что видел только что, он должен быть где-то поблизости. Но где? Я обегал весь холм. Я искал его повсюду. Был на берегу озера. Его видели и здесь. Но где же он?

Искал до полуночи. Так и не нашел. Вернулся к своим. Многие видели, а след его простыл. Вдруг один говорит:

– Разве он не купался?

– Где? – спрашиваю.

– В озере.

– Когда?

– Вечером.

– Купаться в такую пору?

– Чепуха! – сказал сотник. – Он явится. Он часто являлся на рассвете.

Отпрашивался, разумеется.

– А он отпросился сегодня?

Сотник сказал:

– Нет. – И это обстоятельство его смутило.

С того часа прошло несколько дней, милый Лахет, а Бармокара все нет. Наверное, погиб от чьей-либо руки или же утонул в озере. Так или иначе, в один день я лишился

двух хороших друзей.

Когда я пишу это письмо – наша армия отдыхает. Скоро мы узнаем, куда мы пойдём, длинен наш путь или короток. Я пишу, а рука моя коченеет, и я принужден все ближе подвигаться к огню. Мне у огня тепло, но мои воцеленные дощечки не очень любят тепло, прохлада им по душе.

Пишу, думаю о тебе и милом Аргосе и скажу так: несмотря ни на что – я надеюсь. Я тешу себя надеждой. Это моя великая надежда. Думаю, что Зевс не оставит меня без внимания и приведет к тебе с немалыми ратными успехами...

Быть по сему!

В палатке было прохладно.

– Опустите полог! – приказал Ганнибал. – Эта сволочная погода в печенках сидит.

– Опускай не опускай – зима свое берет, – сказал Магон.

Ганнибал прищурил глаз, тот самый, который уцелел. В другом так и не было света. И веки этого глаза словно бы окаменели, как на римской мраморной скульптуре. «Лоб чуточку посерел, – подумал про себя Магон, глядя на брата. – Это все от той проклятой простуды...»

Полководец был раздражен: раздражали его холод, надсадный кашель Нараваса, посапывание Бомилькара...

– Где эта гнусная подстилка? – проворчал Ганнибал, перебирая ногами под столом.

– Правее, правее, – сказал Магон.

– Вижу сам, что правее, – произнес Ганнибал. – А все-таки здесь холодно. Надо зажечь светильники.

Зажгли светильники. «Будет придирааться ко всему», – решил Магон.

– Великие господа, – хрипловато начал Ганнибал, – хочу напомнить, освежить, так сказать, в памяти: после Тицина – победа при Требии, после Требии – разгром римлян на берегу Тразименского озера. Здесь не просто победа: тысячи римских трупов на поле битвы, тысячи уопленников в озере, тысячи пленных – тяжеловооруженных и всадников. Правда, части всадников удалось унести ноги – они бежали к Риму. Но и того, чего достигли мы, предостаточно, чтобы гордился нами весь Карфаген – от мала до велика. Может быть, я немного привираю? – Ганнибал наклонил голову набок и оглядел своих военачальников. – Привираю, да?

– О чем это ты?! – сказал Наравас. – Правду говоришь, истинную. – И пошел кашлять.

– И на этом спасибо, – прохрипел Ганнибал. И тоже закашлялся. Казалось, на кого-то сердился. Но на кого? И за что? Не на себя ли? Сердиться после очередной и очень убедительной победы? Не решил ли он на милость богов отвечать ворчливыми речами? Может быть, устал? Но кто же не устал в этой кровавой битве и жутком переходе через болота?..

– А теперь скажите мне... – Ганнибал понизил голос. – Скажите мне: далеко ли до Рима?.. Да, да, до того самого Рима, который казался недосыгаемым. Человек с прекрасным слухом сможет уловить говор самих римлян в их треклятом городе. – Это, разумеется, было преувеличение, но не такое уж большое. Спору нет – Рим под боком. Это ясно даже слепому и понятно даже несмышленьшу в колыбельке. Верно, долгожданный Рим готов упасть к ногам, словно перезревший плод. Но вот командующий вспылит: – Что?! Я не слышу речей! Одно молчание! Можно подумать, что я вру, а вы не смеете уличить меня. Спрашиваю: где Рим?

Осмелился Магон:

– Брат! Разве мы сговорились и все вместе пытаемся отрицать наши великие

победы?

Ганнибал взглянул на него сущим зверем.

– Ну?.. Ну?.. – нетерпеливо бормотал он.

– Да вон он, Рим, – сказал Магон. – Приподними полог, и ты увидишь Рим.

– Да, разумеется, Рим, – подтвердил Бомилькар. У него болел коренной зуб.

Командующий уловил некую подозрительную нотку в его голосе. И придрался:

– Не так говоришь, Бомилькар.

– А как же, великий господин?

– Не знаю как, но не так... – Ганнибал сплюнул.

– Это не удивительно, – признался Бомилькар. – У меня разболелся зуб, и я немного не в духе.

– Зуб? – Ганнибал подозрительно глянул на военачальника. – А раньше он не болел?

– Иногда.

– Что еще у кого болит? – Командующий, казалось, вот-вот превратится во льва, как в сказке, и набросится на своих соратников.

«Что с ним? – подумал Магон. – Злится, когда Рим почти в его руках? Не пристало, брат...» И он громогласно объявил:

– Больше ни у кого ничего не болит и не будет.

Ганнибала точно растолкали во сне: он схватился за голову.

– Это хорошо, – пробормотал он. – Не болит... Болеть не будет... Это хорошо... Так о чем это мы? – Он обвел сидящих мутным взглядом. – Да, о Риме! Значит, мы победили и на этот раз. Дорога на Рим свободна... Впрочем, свободна ли?.. Точнее: почти свободна. Они не смогут выдержать нашего натиска. Никогда не выдержат! Так вот, великие господа, положение такое: у нас за плечами далекий путь, великие победы. Римское войско оказалось не таким уж страшным. Вы слышите стенания тысячи раненых и тысячи пленных?! Они оплакивают свою судьбу. Но только ли свою? Разве Рим не шатается? Разве не решается его судьба? А может, уже решена?.. Хочу услышать ваши речи, и вот о чем: как быть дальше? Здесь может быть и одно, и два, и три решения... – Ганнибал подпер голову руками. – Слушаю вас...

Был меж полководцами молодой начальник всадников, ибериец Унодорт, храбро сражавшийся при Тицине и при Требии. Статный, грудь колесом, и с лицом квадратным, как у египтянина. Свое слово он начал так:

– Великий господин, в трех сражениях на земле италиков, под боком у Рима, мы показали примеры мужества и воинского умения. Короче говоря, мы победили. – Тут Унодорт-ибериец, выдвинувшийся в начальники при указанных выше битвах, поднял кулак и, грозя неведомому врагу, продолжал: – Итак, мы – победители. Здесь нет и не может быть двух мнений. Посему и решение, которое должно последовать, должно быть однозначным. Если спросите меня, то скажу только одно: немедля на Рим! То есть не теряя ни единого мгновения – на Рим! Я полагаю, что серьезного сопротивления не встретим, а ежели кто и подымет меч, тот погибнет в своем безрассудстве.

Говорил Унодорт-ибериец убежденно, ясно, четко, двух толкований слова его не

допускали. Возможно, что в его прямолинейности сказывалась молодость – было ему всего двадцать два года, – но речь произвела некоторое впечатление на бывалых полководцев. А если вспомнить храбрые действия Унодорта на поле брани – пройти мимо его слов было бы неразумно. Долго смотрел на него Ганнибал, о чем-то раздумывал. Но так ничего не сказал. Промолчал.

После него слово взял карфагенец Гискон Самнит. Тоже молодой, подобно иберийцу, и тоже храбро воевавший при Требии и Тразименском озере. И тоже выдвинувшийся в военачальники, ибо заметил его зоркий глаз Ганнибала. Этот с виду был щуплый. Зато – весь из мышц и жил. А рубил он наотмашь, и весьма отменно: надо было поглядеть, как летели в стороны римские головы! Командовал он нынче легковооруженными.

– Я внимательно выслушал Унодорта, – сказал Гискон Самнит, – и мысленно прошел весь наш путь от Альп до этого озера. Рим еще не взят, следовательно – главное впереди. Главное в смысле исполнения нашего желания, во имя которого мы здесь, на земле италиков. Я слышу вокруг – одни говорят, что следует двигаться к Риму, а другие возражают им: мол, войску отдых нужен. Но никто не говорит: пойдём назад. Ясно, почему: ходу назад нет! Стало быть, следует рассмотреть два мнения: отдыхать или идти на Рим без передышки. И в том, и в другом положении есть свой резон. Ибо тот, кто говорит «давайте отдыхать», имеет в виду, что после отдыха, набравшись сил и приведя в порядок воинское снаряжение, легче разгромить Рим одним ударом. «Не надо отдыха, – говорят иные, – лучше кончать разом с этим Римом, а потом отдыхать». Ибо, говорят, римляне не опомнились, пока еще пребывают в великой растерянности. Следовательно, тут их и надо кончать. Повторяю, великие господа: в каждом из двух предложений есть свой резон, и нам следует мудро рассмотреть и одно, и другое, а потом уж решать...

– Хорошие слова, – заметил мрачно Ганнибал. – Но где же твое мнение? Или ты желаешь спрятаться за двумя предложениями, а решение оставить нам?

– Нет, – возразил Гискон Самнит, – есть у меня и свое мнение. Но смею ли высказать перед столь великими господами?

– Смеешь! – прохрипел Ганнибал. – Почему бы тебе не сметь?! Мало ты показал себя в боях, что ли? А? Мало, спрашиваю?

«Что с его голосом? – подумал Магон. – То сипит, то хрипит...»

– Великий господин, – продолжал Гискон Самнит, – если велишь – я выскажу свое мнение...

– Велю!

– Мнение такое: не надо тянуть, не надо давать времени римлянам на передышку. Надо давить их. Без промедления.

– Усталым войском?

– Нет, войском, воодушевленным твоими победами.

– Значит, ты полагаешь, что если дать время – они оправятся? Они придут в себя от наших страшных ударов? От тысячи ударов, каждый из которых смертельный?

– Они могут собраться с силами.

– Ты уверен? – Ганнибал направил свой указательный палец в грудь Гискону.

– Как сказать...

– Не юли! Уверен или нет?

– Уверен! – отрезал Гискон.

– Это ответ... – Ганнибал снова подпер голову руками. И, равномерно раскачиваясь, сказал: – Можно по-разному относиться к этому ответу. Одни скажут: верно. Другие: чепуха. – И с ударением повторил: – Чепуха!

Магон нагнулся и что-то прошептал на ухо Бомилькару. Немного погодя взял слово. Он сказал, покашливая, хмыкая, прищелкивая пальцами, словно бы что-то припоминая:

– Великие господа!.. Стало быть, мы победители... явные, бесспорные победители... Судим и рядим: что делать? По моему разумению, – может, дурацкому, – это хорошо. То есть хорошо, что мы в некотором сомнении... Мне рассказали о том, как один египетский фараон по имени Тутмос... Кажется, Третий... Прославленный полководец своего времени. Вот что сказал он после сокрушительного разгрома какой-то армии: «Мы, – говорит, – победили, но, – говорит, – должны подумать, что дальше делать, потому что мы победители». Еще один пример. Македонца, говорят, после каждой победы одолевали сомнения...

– Какие, Бомилькар? – удивился Ганнибал.

– Обыкновенные. Побежденному легко, говорил он, потому что он побежден, а победителю следует почесать затылок, чтобы думать о будущем. Ибо, говорил Македонец, однажды и победитель может стать побежденным...

– Это достоверно? – спросил Ганнибал.

– Что именно?

– Это самое... Слово Македонца.

– За что купил, за то и продаю.

Ганнибал помрачнел:

– Можно подумать, что со мной разговаривает карфагенский зеленщик.

Бомилькар покраснел.

– Могу и помолчать, – сказал он обидчиво.

– Продолжай! – приказал командующий.

– Перебил ты меня... О чем это я?.. Да, о победителях... Мы должны подумать о будущем...

Ганнибал хватил кулаком по столу. И заревел:

– Ты разве Миркан?

– Что? – побледнел Бомилькар.

– Ты – кто? Миркан Белый? Его заместитель? Хочешь предугадать будущее?

– Я думал...

– А ты не думай! – кричал Ганнибал, побагровев.

– Ладно.

– Не ладно! Ты мне дело говори, а не сказочки рассказывай!

Бомилькар чувствовал себя оплеванным. Как себя вести, когда на тебя орут и, чего доброго, прижмут к ногтю, как вошь?.. Молчать или?..

– Ну? Бомилькар! Оглох, что ли?

Под испепеляющим взглядом одноглазого полководца Бомилькар что-то промямлил насчет того, что следует, пожалуй, прежде чем идти на Рим, дать солдатам отдых. И потом – это самое... Потери... люди гибнут,дохнут как мухи...

Ганнибал перебил:

– Ты рассуждаешь, как плакальщица из Утики. Причем здесь люди, мухи? Ты дело говори, Бомилькар!

– Пусть войско обретет прежний жирок, – говорил Бомилькар, – и ударит по врагу всей силой. Все равно Риму деваться некуда...

– Все? – спросил Ганнибал, смягчившись.

– Все, – со вздохом произнес Бомилькар и потянулся к чаше с водой. Напился, отдышался и снова припал к чаше. Будто первый раз в жизни увидел воду...

– Дальше! – произнес командующий.

Магон понял, что пришел и его черед. И тоже начал с воды. Выпил. Почмокал губами.

– Можно мне? – сказал он тихо.

– Мож-но! – Ганнибал метнул на брата взгляд-молнию.

Магон отчеканил:

– Может, я ошибаюсь, может, скажу невпопад, но мнение мое таково: надо дать войску отдых. Слишком много сделано. Нечеловеческое усилие проявлено всеми. Даже теми, кто остался навсегда в италийской земле. Отдых вполне заслужен. Надо дать людям передышку. Она только укрепит наши силы. Придаст новые. Станем сильнее. Кулак нальется кровью. Станет как камень.

– Дать передышку? И как долго? – Ганнибал смотрел куда-то поверх головы брата.

– Может быть, на целый месяц...

– Так. А Рим?

– Что – Рим? – продолжал Магон. – Куда он денется? Нам торопиться некуда. Италийские земли в наших руках. Правда, не все. Не разумно ли будет с нашей стороны прибрать к рукам, скажем, и Кампанию, и Неаполь заодно? Рим окажется в кольце. Никакие боги не помогут ему... Я сказал то, что думаю.

– Значит, оставить Рим в покое?

Магон возмутился:

– Как так – в покое? Разве Рим без Цизальпинской Галлии, без Этрурии, без Кампаны – Рим? Это будет лишь жалкий осколок Рима.

Ганнибал ободряюще кивнул.

– Да, да! – воскликнул Магон Баркид. – Рим окажется у нас за пазухой.

– Ясно, – сказал Бомилькар.

Ганнибал поднялся со скамьи. Прихрамывая прошелся по короткой палаточной дорожке. Сделал всего несколько шагов.

– Продуло, – пожаловался он.

– Неудивительно, – сказал Бомилькар. – У меня вторую неделю ломит в пояснице.

– Гнилая зима, – процедил сквозь зубы Ганнибал.

– Италийская, – добавил Магон.

– А я говорю – гнилая! – зарычал Ганнибал. Он заложил руки за спину и уперся в

землю ногами, раздвинутыми на ширину плеч. Молчал, и все прочие молчали, словно в палатке лежал покойник. Стало тихо-тихо...

Тишину нарушил Наравас, который снова принялся за свой противный кашель. Ганнибал подозрительно посмотрел на него: не нарочно ли кашляет этот нумидиец?

– Знаете ли вы, кого недостает сейчас? – сказал Ганнибал. – Миркана Белого. Вот кого! Он умел говорить правду. Да, правду! Он смело общался со звездами. Понимал язык человеческого сердца. Я полагаю, что даже боги не пренебрегали его обществом, – он и с ними общался! Он хорошо понимал, что творится вокруг, и в то же самое время и вперед заглядывал. Верные подавал советы. – Ганнибал, глядевший вверх, на куполок палатки, шагнул к Махарбалу, начальнику конницы, и будто специально для него проговорил: – Иногда он свои слова покрывал медовой оболочкой. Чтобы легче проглотить горькое зелье. Но это ничего. Не вижу в этом плохого. Такой у него был нрав. Этот небольшой недостаток искупался правдой, которую он излагал для пользы дела... А теперь его нет, и без него вроде бы пустота какая-то образовалась. Вот тут чего-то недостает. – Ганнибал приложил кулак к своей груди. – Ясно ли я выражаюсь?

– Вполне, – сказал Гасдрубал.

– А ты? – Ганнибал положил руку на левое плечо Махарбала. – Или, может, оглох? Высказались почти все, кроме тебя. Разве ты произнес хотя бы одно слово?

– И без моих хватало слов.

– Э, нет! – Ганнибал выпрямился, покачал головой. – Так дело не пойдет. Мы будем говорить, будем слушать друг друга, а ты... Я не понимаю: разве ты хочешь быть всего-навсего свидетелем?

– И не думаю.

– Так за чем же дело стало? Или язык у тебя запал? Речь идет о чрезвычайно важном. А ты отмалчиваешься, ты, который сделал так много для нашей победы.

Махарбал поглаживал бороду и спокойно смотрел вперед, в какую-то пустоту.

– Может быть, я выражаюсь непонятно? Может, мне перейти на эллинский? А еще лучше – на нумидийский?.. Махарбал, тебя спрашиваю!

Махарбал был невозмутим: поглаживал бороду, смотрел в пустоту, а слова Ганнибала влетали ему в одно ухо и вылетали из другого.

– Кто еще хочет сказать? – обратился Ганнибал к военачальникам. – Никто? Значит, можно заключить, что существуют два мнения: одно – немедленно идти на Рим, а другое – дать отдых войску, причем основательный. Только один Махарбал придерживается третьего мнения.

– Нет, – сказал Махарбал. – У меня нет третьего мнения.

– Так скажи же, что у тебя?

– Великий господин, разреши сейчас промолчать. Нет у меня третьего мнения. Я во всем соглашусь с тобой. Но слово хотел бы сказать. Потом. Наедине. Только тебе.

Ганнибал махнул рукой.

– Будь по-твоему, Махарбал. А теперь слушайте меня. И пусть боги не оставят нас своим благоволением и впредь. Я веряю себя и свое войско их доброй воле! – Ганнибал сжал кулак и вытянул руку вперед. – Приказ мой будет таков: войску отдыхать две недели. Потом месяц усиленно заниматься воинскими упражнениями.

Это мое повеление, и оно должно быть выполнено в точности. Я уже поручил кому надо добыть новейшее оружие. Римское или галльское. Оно прибудет к сроку. Это моя забота. Далее. Я распорядился добыть продовольствия вдоволь, чтобы войско насытилось, как никогда. Ибо оно заслужило это... Мое повеление я сам доведу до сведения воинов. И я уверен, что они покажут и невиданную храбрость, и мужество, и доблесть.

– Это уж точно, – поддержал Бомилькар.

– В свое время я укажу причины, которые побудили меня принять такое решение. Об этом я сообщу и в Карфаген вместе с просьбой прислать золота на расходы. Я думаю, что отцы Карфагена раскошелятся наконец. Скупердяи, коих немало в Совете, поймут, наверное, всю важность, может быть, последних расходов, ибо Рим в руках у нас. Или почти в руках. В зависимости от того, что мы пожелаем. Мы можем разрешить себе поиграть с ним, как кошка с мышью.

Махарбал сделал вид, что не расслышал последних слов.

– Как ты сказал, Ганнибал?

– Как кошка с мышью.

Махарбал хлопнул себя ладонью по лбу,

– Великие слова!

Ганнибал на мгновение застыл.

– Ладно, – сказал он примирительно, – давайте расходиться, а ты, Махарбал, останься.

Ганнибал отдышался, точно долго находился под водой наподобие греческих ловцов губок или же взошел на гору – на высокую вершину.

– Вот мы вдвоем, – сказал он, – выкладывай все, что желал выложить и что ты пожелал скрыть от других. Ты, Махарбал, на особом счету. Это тебе известно. Без тебя не обходилась ни одна победа. Ты был везде, где надлежало быть. Я вправе ждать прямого разговора. Не так ли?

Махарбал не торопился с ответом. На лбу его алел грубый шрам – памятный знак битвы при Тицине.

– Чтобы ответить на твой вопрос, – произнес он неторопливо, – надо возвратиться назад...

– Ну что ж, возвратимся, Махарбал.

– Возвратиться и подумать над тем, что было.

– Давай подумаем.

– Подумать с тем, чтобы урок пошел впрок.

– Ты знаешь, Махарбал, я люблю уроки, и они всегда идут впрок.

– Не думаю.

– Как так? – Ганнибал этого не ожидал. – Постой, ты хочешь сказать, что я воюю вслепую? Что не понимаю своих ошибок? И не учусь на ошибках?

– Я не совсем о том. Как бы это тебе сказать, мой Ганнибал? – Махарбал скрестил волосатые руки на груди, руки мясника с карфагенского рынка. – Возьмем переход через Альпы. Мы перешли. Мы победили. А что же дальше?

– Как – что? – поражался Ганнибал. – Неужели ничего не было дальше?
– Нет, не было. Мы топтались в Цизальпинской Галлии. Мы поджидали римлян...
– Неправда! Они сами подошли к нам.
– Но мы их подпустили. Вместо того чтобы самим двигаться на юг. Двигаться без промедления.

- Но это было невозможно.
- Нет, – возразил Махарбал, – было возможно. Но мы ждали.
- Допустим.
- Дальше. Мы одержали верх под Тицином. А результат?
- Мы же здесь, на озере!
- Этого мало, Ганнибал.
- Продолжай.
- Мы победили при Требии. А результат?
- Мы в двух шагах от Рима.

Махарбал словно не слышал этих слов. Он продолжал:

- А теперь мы снова разбили римлян. А результат?
- Победа! Мало тебе?
- Мало, Ганнибал!
- Что же еще?! – взорвался командующий.
- Нужна окончательная победа.
- Мне тоже.
- Так бери ее!

Ганнибал грузно сел на скамью, схватился за голову, точно хотелось ему выдрать себе волосы.

Махарбал продолжал, все больше ожесточаясь:

– Ты, Ганнибал, умеешь побеждать. Ты под стать Македонцу. Я скажу больше: превосходишь его. Но слушай меня: ты умеешь побеждать, но не умеешь пользоваться плодами своей победы... Разве можно отдыхать, когда Рим совсем рядом и готов упасть к нашим ногам поверженным?

Ганнибал выпрямился, опустил руки и уставился на Махарбала: взгляд был пустой. Ни единой мысли не уловил в глазах полководца начальник всадников Махарбал...

Юноша и Ганнибал (вместо эпилога)

– Кто ты, юноша? – спросил Ганнибал.

– Ламах мое имя, – ответствовал юноша. – Явился по приказу его величества к тебе в услужение.

Ганнибал поднялся со скамьи, прошелся вдоль длинного грубо сколоченного стола. Это был одноглазый старик на пороге шестидесяти одного года. Его глаз смотрел остро и недоверчиво. Руки он держал за спиной. Греческая туника подчеркивала его мощную африканскую статью.

Он жил на окраине вифинской столицы Никомедии, среди пышного сада, какие разрастаются на плодородных малоазийских и припонтийских землях.

– Ламах... Ламах... – проговорил Ганнибал, наблюдая за тем, как растерянно стоит юноша посреди просторной комнаты. – Ты безоружен, Ламах?

Юноша указал на рукоятку небольшого ножа, скрытого в широком кушаке.

– Это что же?.. – продолжал Ганнибал, глядя в окно, прорубленное в толстенной стене. – Значит, ты один заменяешь стражу, которая покинула меня на рассвете?

Ламах не знал, что и отвечать. Говоря по правде, он не очень-то представлял себе, чем может служить прославленному полководцу, гостю царя Пруссия. Одевать? Обувать? Готовить пищу, подавать ее?.. Чем все-таки? Об охране и не подумал, даже в голову не приходила такая мысль. Да и от кого он может его оборонить? И какое оружие может помочь?..

Ламах был смуглый, голубоглазый, очень похожий на доброго лесного зверька.

Ганнибал тяжело ступал по комнате, порой опирался рукою о стол.

«Так вот он какой!» – думал между тем Ламах, не спуская глаз с полководца.

На столе стояли миска, глиняная бутылка с вином, лежал легкий разрезанный надвое духовитый хлеб с белоснежной мякотью. С краю – блюдо с маслинами темно-фиолетового цвета. Как видно, остатки ужина...

Ганнибал взял со стола ярко разрисованную гончаром чарку и поставил на подоконник. Поставил, потом неторопливо вернулся к столу, отрезал кусок хлеба и тем куском накрыл, словно крышкой, яркую чарку, которая вдруг особенно разгорелась на подоконнике в лучах утреннего солнца. Постоял Ганнибал возле окна и сказал, обращаясь к Ламаху:

– Так-то, юный друг...

Потом подошел поближе, положил тяжелую руку на плечо юноши.

– Ты служишь во дворце?

– Нет... Я живу невдалеке от него. Иногда вижу его величество. Издали.

– Так кто же тебя прислал ко мне?

– Начальник дворцовой стражи.

– Тебе велено что-либо сообщить мне?

– Сообщить? – Ламах задумался. В его голубых глазах засветилось голубое солнце.

Нет, этот не умел ни врать, ни притворяться. Воистину чистая воцеленная дощечка для письма!

– Да, Ламах, сказать мне что-либо...

– Нет, великий господин, ничего... А может?.. – И юноша запнулся.

Ганнибал взял его за руку. Чуть повыше локтя.

– Что – «может», Ламах?

– Право, даже не знаю... Вот знатный гость из Рима.

– Когда?

– Позавчера.

Ганнибал снова направился к окну. И не поворачивая головы – к Ламаху:

– Кто же он по имени?

Ламах молчал.

– Что же, не знаешь?

– Знаю.

– Так говори же! – Ни тревоги, ни волнения в голосе Ганнибала.

– Тит Квинций Фламиний.

– Посол?

– Да, римский посол.

Ганнибал усмехнулся:

– Им не дает покоя один старик...

– Кто? – спросил Ламах.

– Некий Ганнибал.

– А кому это «им»?

– Римлянам, разумеется.

Ганнибал любовался рисунком на майоликовой чарке. Она сверкала на утреннем солнце всеми цветами мира. Прекрасная чарка – ничего не скажешь!

– Смотрю, и не верится... – вдруг прерывающимся голосом заговорил Ламах.

– Не верится?

– Да, великий господин! Неужели это ты вел свое войско через Альпы?

– Через Альпы? – почему-то удивился Ганнибал. – А кто тебе сказал?

– Люди знающие. Все тебя знают.

Ганнибал признался, словно через силу:

– Я.

– Страшно было?

– Да как тебе сказать, Ламах?.. Упасть в пропасть – страшно. А еще страшнее проиграть битву.

– Говорят, у тебя были слоны.

– Были, Ламах.

– Говорят, все дрожали при твоём имени.

Ганнибал пожал плечами.

– Говорят, твое войско ликовало, когда со снежной высоты увидело цветущую долину...

– Это верно, Ламах. Ни одно мое слово так не действовало на войско, как тот прекрасный вид сверху. Вид на мир, который может принадлежать тебе. Понимаешь? Тебе! Да, войско радовалось. Оно рвалось вперед и без приказа. Пойми, Ламах: до

проклятого Рима было рукой подать. – Ганнибал выпрямился. Он выкинул вперед указательный палец... – Ламах, впереди был Рим! А подо мною – Цизальпинская Галлия – дорога к Риму! Стужа, снег, лед были уже позади. Впереди – солнце, зелень, победа!

Ганнибал глубоко вздохнул, как тогда, на перевале в Альпах.

Ламах пялил глаза – ему верилось и не верилось: с ним разговаривал сам великий полководец!

– И я пошел вперед. И за мною – все войско. Рим трепетал. Рим дрожал от одних только слухов о моем переходе через Альпы. Такого еще не бывало! А мои слоны заставляли дрожать самых храбрых римских воинов...

– Я знаю еще про твою победу под Требией...

– Правда? – обрадовался Ганнибал.

«Он словно ребенок, – подумал Ламах. – Он, наверное, живет одними воспоминаниями».

– Что же тебе еще известно, Ламах?

Юноша сказал, запинаясь:

– И про твою победу при Тицине знаю... И про глаз – тоже...

Ганнибал хлопнул в ладоши, словно ему только сейчас сообщили про эту его победу над римлянами. Про победу при Тицине...

– Но Канны, говорят, были вершиной...

Ганнибал насторожился:

– Вершиной чего?

– Твоей военной славы.

Ганнибал подумал.

– Возможно, – сказал он. – Я был в двух шагах от Рима.

Да, да! – были великие победы на италийской земле! Верно, победа при Тицине, победа при Требии, при Тразименском озере, величайшая из побед – при Каннах. Потом пали Капуя, Касилин, Петелия и там, на юге Италии, – Локры и Кротон. Целых шестнадцать лет буйствовало войско Ганнибала на италийской земле, оно жгло поля непокорных племен, изничтожало тех, кто смел ослушаться, города и веси превращались в прах. Тридцать с лишним лет не видел Ганнибал родного Карфагена. Старость подошла, а он все бился, бился, бился... А проклятый Рим все стоял, стоял, стоял... Потом – возвращение в Карфаген с пустыми руками... А потом – позорное бегство из Карфагена в Сирию к царю Антиоху и на Крит... И вот теперь – последнее пристанище у царя Прусия...

Ганнибал сказал удивленному Ламаху:

– Были победы, милый юноша, были...

Но он умолчал о том, что произошло между ним и его начальником конницы Махарбалом, сыном Гамилькона. Это было сейчас же после Канн. Еще стонали умирающие, карфагенцы грабили город, насильовали женщин, убивали детей. Канны горели, Канны лежали в руинах, кровь лилась рекой, горожане оглашали воплями весь белый свет.

– Это победа, – сказал тогда Махарбал, принимая кувшин с холодной водой от

Ганнибала.

– Да, это так! – подтвердил Ганнибал.

– А теперь – на Рим! На Рим...

– Куда? – удивился Ганнибал.

– На Рим.

– Когда?

– Сейчас! Немедленно! Пока на Капитолии не опомнились от страшного поражения.

– Это невозможно, Махарбал.

– Почему же?

– Надо дать отдых войску.

– Ему не нужен отдых. Ему нужна победа.

– Нужен отдых после победы...

Махарбал помолчал немного, а потом проговорил сквозь зубы:

– Ганнибал, надо уметь пользоваться своей победой.

Это была дерзость. Но Ганнибал простил ее Махарбалу.

Помнил Ганнибал такое же столкновение с Махарбалом, которое случилось на берегу Тразименского озера после битвы.

Теперь, спустя много лет, Ганнибал должен признаться: Махарбал был прав, а он, Ганнибал, не прав...

Ламах что-то говорит, но Ганнибал ничего не слышит. В ушах его звучат как живые слова Махарбала: «Ганнибал, надо уметь пользоваться своей победой»...

Ламах повторяет:

– А про Сагунт все правда?

– Что именно? – Ганнибал вздрагивает при слове «Сагунт». Этот город в Иберии он не забудет никогда.

– Про Сагунт...

Ганнибал вдруг раздражается. Передразнивает:

– Про Сагунт!.. Про Сагунт!..

И это пискливым голосом – голосом Ламаха. А юноша поражается: как? Это сам великий полководец? Да это же обыкновенный человек из маленького никомедийского трактира...

Наверное, Ганнибал почувствовал неловкость. Понизил голос до шепота:

– Да, был Сагунт. Его жители проявили коварство. Они уничтожили все свое золото. Вопреки моему приказу. Унич-то-жили! Да! Да! Ты меня понял, Ламах?

И стал трясти бедного юношу за плечи.

– Понял, понял, великий господин.

– Да, я уничтожил их! Да, я умертвил все живое! Даже кошек и собак! Ибо они стояли на моем пути. Ибо они – хотели того или нет – помогли Риму. А Рим следовало сокрушить. До основания!

У Ганнибала от волнения лоб покрылся испариной. Он начал брызгать слюной. Он потрясал кулаками.

Его взгляд снова упал на раскрашенную чарку. Он мигом пришел в себя. Рукавом

вытер лоб. Виновато глянул на юношу.

– Я не жалел себя в войне, – пробормотал Ганнибал. – Я не жалел и своих воинов. И я не щадил врага своего. Не щадил!

– Так говорят, – проговорил Ламах.

– Кто говорит?

– Все...

Ганнибал не мог сердиться на этого простодушного юношу. Удивлялся: до чего же хорошо осведомлен этот мальчик! Значит, кто-то запоминает, кто-то передает дальше и кто-то, возможно, даже пишет обо всем этом...

Ганнибал взглянул в окно. Финикийское стекло было удивительно прозрачным. На дворе – солнце, свежий, пьянящий воздух...

– Сюда! – вдруг вскрикнул Ганнибал. – Сюда, Ламах! – И пальцем указал на дорожку в саду. – Кто это?

– Это воин.

– Чей?

– Вифинский. Его величества.

– Он стоит у выхода?

– Да, у выхода.

Ламах обратил внимание на крепкий подбородок Ганнибала: он вздрагивал. И пальцы рук заметно дрожали...

– Послушай, Ламах: в этом доме семь выходов. Пять из них видны из этой комнаты – с этой и с той стороны. А два находятся вон за той дверью: они потайные. Проверь – поживее! – стоит ли стража у тех двух выходов. Скорей!

Ламах бросается к двери, отворяет ее, скрывается за нею. Ганнибал наблюдает за садом: да, это предательство. Прусий предал его. Недаром прибыл этот посол из Рима: ему нужна его, Ганнибала, голова!.. Ясно одно: все выходы в сад заняты воинами...

Ганнибал падает на скамью. Тяжело падает. Он подымает глаза на стену, где развешано его оружие. Вот его меч. Это его пояс. Это его щит... Его шлем боевой, выдавший виды...

Вбегают бледный Ламах. У него дрожат губы:

– Великий господин! Я нашел потайные ходы... Я нашел их...

У Ганнибала пробуждается надежда:

– Говори же!.. Говори! Они свободны?

Губы Ламаха дрожат, а слов не слышно.

– Свободны?

– Нет... Там тоже воины...

Ганнибал сникает. Мгновенно. Сутулится пуце прежнего. Голова падает на грудь...

– Великий господин...

Ганнибал молчит.

– Великий господин!

Молчание.

– Великий господин!

Тихо, очень тихо в ответ:

– Чего тебе?

Юноша мнется. Он крутит золоченую пуговицу у себя на груди...

– Великий господин...

– Говори же...

– А что, если бы не было?..

– Чего не было?

– Если бы не было ни Сагунта, ни Капуи, ни Канн, ни Требии, ни Альп?..

Ганнибал едва шевелит языком:

– Как это не было, юноша? – Ганнибал не понимает, о чем его спрашивают.

– А так. Совсем бы не было... Разве было б хуже тебе, великий господин?

Ганнибал глядит на юношу долгим, мутным взглядом. Молча указывает пальцем на раскрашенную чарку, красующуюся в блеске солнечных лучей.

Юноша берет чарку и благоговейно вручает ее великому полководцу.

Ганнибал отбрасывает кусок хлеба, прикрывающий чарку.

– Пойди порадуй их, – шепчет он, поднося чарку к губам. И выпивает ее. Разом. До дна.

У юноши еще много вопросов к нему. Очень много. И все – один любопытней другого... Но он не успевает и глазом моргнуть, как тяжелая голова Ганнибала падает на стол. И краска – совсем белая краска – заливает лицо великого полководца.

Агудзера – Москва

1982–1983

notes

Партия Гамилькара Барки – сторонников войны с Римом.

Юго-запад.